

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ
Кафедра международных отношений

О. П. Иванов

ПРИМЕНЕНИЕ
ВОЕННОЙ СИЛЫ США:

*Рациональный и иррациональный
подход*

Москва
«Научная книга»
2007

ББК 66.4(0)
И 20

Рецензенты:
заслуженный деятель науки РФ, доктор
исторических наук, профессор *В. Ф. Ли*;
доктор политических наук, профессор *А. В. Копылов*;
кандидат юридических наук *В. С. Котляр*

Иванов О. П.

И 20 **Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход: Монография.** — М.: Научная книга, 2007. — 160 с.

ISBN 978-5-91393-013-2

В монографии представлен политологический анализ применения такого важного инструмента внешней политики США как военная сила. Исследуются рациональные и иррациональные подходы, концептуально объясняющие особенности применения американской военной силы в современных условиях. В рамках рационального подхода анализируются теоретические аспекты стратегии сдерживания США, ее эволюция, роль и место в американской политике. Изучается иррациональный подход к применению военной силы США через призму особенностей американской стратегической культуры и ее проявление в стратегии сдерживания и в войне в Ираке.

Данная работа предназначена для специалистов в области государственного управления, национальной и международной безопасности, студентов и аспирантов вузов, изучающих международные отношения, а также современную внешнюю и оборонную политику США.

ББК 66.4(0)

© О. П. Иванов, 2007

ISBN 978-5-91393-013-2

Компьютерная верстка
Ю. В. Балабанов

Редактор *А. Ф. Смирнова*

ООО «Издательский дом «НАУЧНАЯ КНИГА»
Москва, ул. Остоженка, 53/2
тел. 246-82-47
E-mail: flerus@newtech.ru

Подп. в печать 06.06.2007 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,0. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Рационализм и решение на применение военной силы	9
1.1. Рационализм в контексте применения военной силы	9
1.2. Рационализм как концептуальная основа стратегии сдерживания.....	21
1.3. Стратегия сдерживания в период «холодной войны» и после ее окончания.....	42
1.4. Стратегическое сдерживание — основная составляющая стратегии сдерживания.....	55
1.5. Современное развитие стратегии сдерживания — от глобального к многоуровневому сдерживанию	59
1.6. Неядерное и совокупное сдерживание	77
Глава 2. Иррационализм и применение военной силы	86
2.1. Стратегическая культура как важнейший фактор планирования и применения военной силы	86
2.2. Особенности развития теории стратегической культуры на современном этапе.....	105
2.3. Американская стратегическая культураи ее проявление в войне в Ираке	115
2.4. Фактор культуры в стратегии сдерживания	144
Заключение	151
Библиография	154

Введение

В войне как и в политике действуют два начала: объективное, основывающееся на рациональном подходе, и субъективное, строящееся на иррациональном подходе. С одной стороны они дополняют друг друга, а с другой они вступают в конфликт. И тот и другой подход имеет свои сильные и слабые стороны. Сильной стороной рационального подхода является то, что он дает определенную универсальную возможность для планирования своих действий и прогнозирования действий других участников международных отношений. Слабым местом является тот факт, что рациональная модель может существовать в разных системах координат, имеющих различное культурное измерение, что сказывается на ее универсальности и снижает корректность рационального подхода.

Иррациональный подход, тесно связанный с фактором культуры, вносит элемент субъективности и уникальности в международные отношения. Он позволяет отойти от универсальности рационального подхода. Знание и принятие иррационализма во внимание может помочь политику или эксперту адекватно воспринимать исследуемое явление. В то же самое время слишком большой акцент на иррациональном подходе может привести к преувеличению его уникальности и пренебрежению общими закономерностями, вытекающими из рационального подхода, а, следовательно, может воспрепятствовать правильному пониманию этого явления.

Цель данной работы заключается в том, чтобы определить и изучить особенности применения военной силы во внешней политике США в современных условиях, действующей через стратегию сдерживания на основе рационального и иррационального подхода.

Военная сила как инструмент реализации американской внешней политики занимает особое место. Весьма ярко по этому поводу высказался авторитетный американский эксперт Т.Фридмен: «Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем»¹. Важность фактора военной силы объясняется тем, что она используется в качестве инструмента как опос-

¹ Цит. по: *Уткин А.* Единственная сверхдержава. М.: Алгоритм, 2003. С. 51.

редованного воздействия на противника в форме сдерживания, так и непосредственно, прибегая к прямому насилию. Военная сила США служит проводником влияния и поддержки союзников и друзей американского правительства. «Без ее применения (имеется в виду военной силы. — О.И.) или даже ссылки на нее, она поднимает престиж и придает важность американским предложениям и выражениям озабоченности. Знание, что она существует, влияет как на подходы американских политиков, так и на позиции других государств»¹.

Несмотря на окончание «холодной войны» и продолжающиеся процессы роста взаимозависимости и глобализации значимость военной силы в международных отношениях не уменьшается. Выступая на международной конференции по безопасности в Мюнхене (2007 г.) президент В.Путин отметил: «Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах — военной силы — силы, ввергающей мир в пучину следующих один за одним конфликтов»².

Сдерживание является ключевой стратегией, занимающей особое место в спектре американских концепций.³ По сути, она является сердцевинной американской внешней и военной политики, прошедшей, по мнению политолога П.Моргана, эволюцию от стратегии обеспечения национальной безопасности до режима по управлению глобальной безопасностью. Более того, сдерживание можно рассматривать как универсальный механизм, регулирующий международные отношения, которые базируются на балансе сил.

В связи с изменениями в спектре угроз национальной безопасности США и принятием новой глобальной стратегии, в американском военно-политическом руководстве и экспертном сообществе появилась несколько точек зрения на стратегию сдерживания: сохранить данную стратегию неизменной, отказаться от нее как неадекватной и диверсифицировать. Эти разные подходы вызывают необходимость рассмотрения сути сдерживания в новых условиях. В этой связи требуется дать ответы на такие актуальные вопросы, как: может ли парадигма «гарантированной уязвимости» и модель «общего рационального противника» продолжать служить основой стратегии сдерживания

¹ Hastedt G. *American Foreign Policy*, Prentice-Hall, New Jersey, 1997. P. 290.

² Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. Официальный сайт. 10 февраля 2007.

³ По мнению политолога С.Караганова «Теория сдерживания занимает важное место в теории международных отношений. *«Она (теория сдерживания. — О.И.) фактически является одной из основ теории международных отношений (курсив автора. — О.И.)»* Караганов С. ...теория сдерживания оказалась общей теорией международных отношений // *Международные процессы*. 2005. Т. 3. №3. Сентябрь-декабрь. С. 122.

США в современных условиях? Могут ли расчеты и положения традиционного сдерживания обеспечить основу для эффективных стратегических сил, чтобы сдерживать новые ядерные государства и негосударственных акторов в мире стратегической многополярности?

После окончания «холодной войны» становится все более очевидным, что международная система развивается не только в сторону многополярности, но и в международную среду с играющим все более важную роль фактором многокультурности. Культура существенным образом влияет на то, как люди воспринимают мир и международные отношения. Новое восприятие международной безопасности внесло определенные изменения и в характер самих международных отношений.

Традиционно для объяснения причинно-следственной связи в международных отношениях, внешней и оборонной политике политологи и эксперты использовали две парадигмы: рациональную и иррациональную при доминировании рациональной. В настоящее время иррациональная парадигма приобретает все большее значение в исследовании международных отношений в связи с тем, что рационализм не дает исчерпывающего ответа на ряд вопросов, в том числе и связанных с применением военной силы. Эффективное применение военной силы в многокультурном окружении становится более сложным и это в свою очередь вызывает необходимость проанализировать иррациональную основу применения военной силы. Концептуальной основой такого исследования может служить теория стратегической культуры, которая до сих пор еще недостаточно изучена в российской политической науке.

Особенности как внешней, так и оборонной политики США не будут полностью раскрыты, если не рассматривать их через призму американской стратегической культуры. В связи с этим представляется весьма актуальным изучение «культурно-ориентированных методов ведения войны», разрабатываемых в США.

Знание особенностей применения американской военной силы позволяет прогнозировать принятие внешнеполитического решения и поведение США в международном окружении, а это в свою очередь дает возможность России правильно выстраивать свою внешнеполитическую линию.

По своей структуре монография состоит из двух глав. В первой главе рассматривается стратегия сдерживания США. Изучается рациональный подход к применению военной силы и теоретические аспекты стратегии сдерживания. В ней анализируются развитие и особенности этой стратегии в период «холодной войны» и после ее окончания. В рамках данной стратегии исследуются различные направления сов-

ременной американской стратегии: стратегическое сдерживание, ядерное и совокупное сдерживание. Изучаются взгляды и точки зрения на место, роль и эффективность сдерживания, существующие в официальных кругах и экспертном сообществе США в период «холодной войны» и в настоящее время. Прослеживается определенная эволюция этих взглядов, и выявляются их сходства и противоречия.

Во второй главе анализируется иррациональный подход к применению военной силы во внешней политике США. В основе исследования используется парадигма стратегической культуры. В этой главе подчеркивается, что стратегическая культура является не единственным, но весьма существенным фактором, влияющим на планирование и применение военной силы. Раскрываются основные положения и особенности развития стратегической культуры на современном этапе. Рассматриваются особенности американской стратегической культуры и то, как она воздействует на фактор военной силы; особенности проявления американской стратегической культуры в войне в Ираке. Уделяется внимание теоретическому осмыслению тех ограничений, которые несет в себе парадигма стратегической культуры. Анализируется роль фактора культуры в стратегии сдерживания.

Глава 1

Рационализм и решение на применение военной силы

«Человек не может быть рациональным, он просто обладает способностями быть таковым».

(Дж.Свифт)

1.1. Рационализм в контексте применения военной силы

Прусский военный мыслитель XIX в. К.Клаузевиц считал, что цель стратегии заключается в том, чтобы сделать силу рациональным инструментом политики. Сегодня рациональный подход является одним из основных при анализе и оценке международной и национальной безопасности, угроз и способов их минимизации или устранения.

Рациональный подход внесен школой политического реализма — одним из наиболее влиятельных направлений в американской политической науке. Основатель этой школы политолог Г.Моргентау утверждал: «Мы ставим себя на место государственного руководителя, который решает определенную внешнеполитическую проблему и мы спрашиваем себя, какие рациональные альтернативы существуют, из которых он должен сделать выбор и которые разрешают проблему при данных обстоятельствах. Какие рациональные альтернативы этот конкретный руководитель скорее всего выберет»¹. В основе рациональной модели лежат следующие положения:

- государства — рациональные унитарные акторы, которые размышляют о своих действиях и делают выбор;
- государства идентифицируют свои интересы и ранжируют их по приоритетам от наиболее важных к наименее важным;
- государства проводят анализ «затрата-выгода», определяя сколько предполагаемое действие будет стоить и какую выгоду оно принесет. При этом любое государство выбирает политику с точки зрения минимальных затрат и максимальной выгоды;
- все руководители обладают примерно одинаковыми ценнос-

¹ *Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. Revised by Kenneth W. Thompson. New York: Knopf. 1985. P. 5.*

тиями и интересами. При этом параллель проводится с экономикой. Экономисты утверждают, что как все люди хотят иметь больше денег, так и все руководители государств стремятся к тому, чтобы их государства были более сильными, а не наоборот.

Сторонники рациональной модели исходят из того, что существуют познаваемые объективные законы международных отношений. Один из «праотцов» политического реализма древнегреческий историк Фукидид (IV в. до н.э.) писал: «Истина заключается в том, что как события прошлого, так и события будущего, в соответствии с природой человека, будут повторяться одинаково или сопоставимо»¹. Поэтому руководитель государства и само государство не совсем свободно в выборе линии своего поведения. Оно является актором, который вынужден играть на основе объективных законов. По утверждению реалистов эти законы можно и нужно познать. «Существует рациональный элемент в политическом действии, который делает политику возможной для теоретического анализа. Но в политике также есть элемент случайности, что затрудняет возможность теоретического понимания. Материал, с которым политологу приходится иметь дело, двусмыслен. Политолог должен понять, что, с одной стороны, происшедшие события являются уникальными по своему происхождению: они произошли таким образом только раз и никогда раньше. Но с другой стороны, эти события похожи, так как они являются проявлением социальных сил. А социальные силы в свою очередь являются продуктом человеческой природы в действии, следовательно, при аналогичных обстоятельствах они будут проявляться похоже»².

Было бы неверным считать, что сторонники рациональной модели не понимают сложности международных отношений, где имеет место и случай. Г.Моргентау отмечал, что «элемент рационализма, порядка и регулярности заложен в ограниченном наборе возможных вариантов в пределах каждой системы множественного выбора. Рассматриваемый с помощью рациональной, примерной карты социальный мир на самом деле есть хаос случайностей. И все — так он не лишен меры рационализма, если к нему приблизится со скромными ожиданиями продуманной теории»³.

Политологи Л.Ник, Дж.Хей и П.Хейни, развивая этот тезис добавляют, что «такой рационализм предполагает, что индивидуумы воспринимают мир без искажений и приходят к решению в ходе открытого интеллектуального процесса: цели определены, производится поиск требуемой информации, рассматривается широкий круг альтернатив и

¹ Цит. по: *Monten J.* The Roots of the Bush Doctrine // *International Security*. Vol. 29. Spring 2005. P. 128.

² *Morgenthau H.* Truth and Power. N.Y., 1970. P. 254.

³ *Ibid.* P. 5.

выбирается решение, которое максимизирует выгоду, одновременно минимизируя при этом затраты»¹. Теоретик концепции сдерживания П.Морган полагает, что «рационализм определялся, как приобретение как можно больше информации о ситуации, о вариантах для работы в ней, подсчет относительных затрат и выгоды от реализации этих вариантов, а также расчет их относительных шансов на успех и рисков от провала. После этого следует выбор в свете того, что рациональный оппонент сделал бы, каков ход действия, который обещал бы наибольшую выгоду и, если нет выгоды, то наименьшие потери»².

Рациональный подход был использован и развит политологом Г.Эллисоном в первой из его трех моделей под названием «рациональный актер». Рассматривая международные отношения через своеобразные «концептуальные линзы» моделей, модель «рационального актора» вполне совместима с подходом Моргентау, утверждающего, что принятие решения — наиболее рациональный выбор среди прочих рациональных альтернатив. Согласно Эллисону «рациональность относится к последовательному, максимизирующему ценность выбору в пределах уточненных ограничений»³. Таким образом, анализ международных отношений, принятие решения, возможные стратегии, в том числе сдерживание, деполитизируются, освобождаются от налета субъективизма и получают последовательную парадигму познания, которая строится на объективной основе.

Рациональный подход или рациональная модель важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения. «Если угрозу применения силы можно считать рациональным инструментом во внешней политике, то применение силы является иррациональным, ибо эта сила используется не в политических целях оказания влияния на другую сторону, а с иррациональной целью уничтожить противоположную сторону, зная, что при этом ты сам будешь уничтожен»⁴.

Именно рациональная модель лежит в основе разработки военно-политических стратегий. «Стратегия является самой важной, когда она включает добавленную к ресурсам ценность, функции как усилитель силы и предлагает способ нанести поражение противнику, используя соответствующие ресурсы или минимизируя затраты на поражение более слабого»⁵. Практическая значимость заключается в том, что, как писал политолог А.Уолферс: «Чем более рациональна

¹ Neack L., Hey J., Haney P. Foreign Policy Analysis. Continuity and Change in Its Second Generation. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey 076332, 1995. P. 50.

² Morgan P. Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 12.

³ Allison G. Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis. Boston: Little, Brown. 1971. P. 30.

⁴ Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 86.

⁵ Betts R. Is Strategy an Illusion? // International Security. 2000. Vol. 25. №2. P. 6.

политика национальной безопасности, тем больше вероятности, что она будет успешной, принимая во внимание интересы, включая интересы безопасности другой стороны»¹. Такое понимание рационализма не гарантирует безошибочности в оценке и принятии решения, поскольку понимание рационализма у разных акторов может отличаться. Например, американский государственный секретарь Д.Эчисон уверял президента Ф.Рузвельта в августе 1941: «Ни один рациональный японец не мог бы поверить, что нападение на нас может привести к чему-нибудь иному, кроме катастрофы для своей страны»². Тем не менее такое нападение состоялось, доказывая, что рациональная модель может существовать в разных системах координат.

Тем не менее рациональная модель дает определенную возможность для планирования своих действий и прогнозирования действий других акторов международных отношений. Можно привести два примера рационального подхода к разрешению ситуации, имеющей элемент иррационализма. 1) В Карибском кризисе (1962 г.) обе стороны искали рациональный выход из как казалось американскому руководству, иррационального действия советского руководства по размещению своих ракет на Кубе. Боязнь иррациональных действий со стороны Советского Союза вела к рациональному подходу США к разрешению кризиса. «Американское военное руководство полагало, что блокада была глупостью, так как не уничтожала ракеты и оставляла США в уязвимом положении. Тем не менее Дж.Кеннеди продолжал настаивать на ней из-за возможности иррационализма или потери контроля»³. Тем самым, избегая иррационализм, был выбран наиболее рациональный вариант разрешения кризиса. 2) Бомбардировка НАТО территории и объектов Югославии в 1999 г. Здесь рациональная модель столкнулась с действительностью, выходящей за рамки рациональности. Можно предположить, что НАТО «имела цель наказать руководителей или доминирующую элиту, либо поразить экономические цели и вывести из строя военные возможности (что вполне соответствовало рациональному подходу. — О.И.). Но, кроме этих очевидных целей информационные требования были затруднительны из-за того, что была необходима подробная информация не только о состоянии противника и его материальных возможностях, но и о том, какие из этих возможностей он больше всего ценит в данное время, плюс знания о том, где они находятся»⁴.

¹ *Morgan P. Deterrence Now*, Cambridge University Press, 2003. P. 111.

² *Scott S. The Origins of the Pacific War // Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 18, № 4, Spring 1988. P. 906.

³ *Morgan P. Deterrence Now*, Cambridge University Press, 2003. P. 62.

⁴ *Ibid.* P. 264.

В последнее время классическая рациональная модель подверглась сильному воздействию со стороны других парадигм теории международных отношений и в первую очередь таких, как либеральный интернационализм, иррациональная и когнитивная модель. Не все сторонники рациональной модели полностью разделяют подходы основателей школы. Например, политологи Т.Сэйна и А.Теллис утверждают, что рационализм нельзя понимать как универсальное умонастроение, а как признание того, что индивидуумы ориентированы на достижение цели и способны к адаптации. Они постараются достичь свои цели самым легким и наименее затратным (или наиболее эффективным) в их понимании способом. Рационализм не означает, что все индивидуумы имеют одинаковые цели. Однако, если мы понимаем их цель, то их действия могут быть в принципе предсказуемы.

Такой подход к рационализму объясняет тот факт, что в среде сторонников рационализма есть разные взгляды на суть этого явления. Политолог С.Максвел выделяет три таковых:

- 1) «Рациональный» используется в качестве синонима «моральный». Следовательно, предлагаемый ответ будет зависеть от норм морального суждения, который присущ природе действия, а другой от предполагаемых результатов.
- 2) Второе понятие «рациональности» чаще используется в среде экспертов по ядерной стратегии. «Рациональный» часто используется как противоположность «безумному» или «безрассудному».
- 3) В теории сдерживания смысл слова «рациональный» имеет еще одно значение. Охарактеризовать действие как «рациональное» значит сказать, что оно соответствует ценностям актора, какими бы они ни были.¹

Нужно признать, что несмотря на тот факт, что американские политологи чаще ассоциируют третий взгляд на рационализм со взглядами американских политиков и стратегов, на практике он не был доминирующим в период «холодной войны» и в первые годы после ее окончания. В основе концепции сдерживания в первую очередь лежали приведенные выше положения 2 и 3.

Поскольку рациональная модель связана с процессом принятия решения, в основе которого лежит именно рациональный подход, политологи Дж.Аркилла и П.Дэйвис полагают, что она имеет универсальный характер. Предположение заключается в том, что неизбежно «руководители стремятся к рациональному принятию решения на оп-

¹ *Maxwell S. Rationality in Deterrence, Adelphi Papers, №50. Institute for Strategic Studies, London. 1968. P. 1.*

ределенной, но субъективной основе, рассматривая наиболее вероятные и наилучшие — наихудшие результаты различных вариантов»¹.

Как показывает практика, рациональная модель имеет определенные ограничения, не принятие которых во внимание может привести к провалам.

Первое ограничение связано с противоречием между рациональным подходом и системой ценностей. «Во время войны во Вьетнаме вашингтонские гражданские руководители были очень удивлены своей неправильной оценкой «точки слома» Северного Вьетнама. Вашингтон постепенно наращивал конфликт в надежде найти эту «точку слома». Тем не менее, Северный Вьетнам смог выдержать намного большие потери, чем предполагалось американскими руководителями. Бывший министр обороны Роберт Макнамара описывал эту неожиданность, как провал США предвидеть готовность Вьетнама принять эти потери»². Такое противоречие между рациональной моделью и несовпадающей с ней системой ценностей ведет к расширенному толкованию понятия рационализма. Этот тезис подтверждает официальный документ Министерства обороны США «Концепция совместных действий стратегического сдерживания». В нем подчеркивается: «Почти все противники, принимающие решения, будут действовать в соответствии с логикой рационального собственного интереса. По определению, собственный интерес рассматривается в соответствии с культурными, религиозными, идеологическими и личными воззрениями, которые часто противоречат американским или западным нормам. Например, воспринимаемая ценность человеческой жизни варьируется среди культур, групп влияния и организаций. Вознаграждение за уничтожение тех, кто рассматривается как «недостойные» (по культурным, религиозным или идеологическим причинам), может мотивировать действия против американских интересов. Рациональный собственный интерес может вовлечь организационные факторы, а также внешние соображения»³. В то же самое время признается, что рациональная модель находится под воздействием разногласий относительно спорных интересов. По мнению У.Кертиса, «все спорные интересы представляют определенные ценности, а эти ценности являются предметом изменений со временем из-за технологических инноваций, культуры и восприятия государственными деятелями стратегических реалий»⁴.

¹ *Arquilla J., Davis P.* Modeling Decisionmaking of Potential Proliferators Strategies. Santa Monica, RAND. National Security Research Division. 1994. P. XI.

² *Payne K.* The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction, The University Press of Kentucky, 2001. P. 3.

³ Strategic Deterrence Joint Operating Concept, Department of Defense, Washington D.C., February 2004.

⁴ Searching for National Security in an NBC World. Edited by J.Smith. INSS Book Serious, July 2000. INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. P. 22.

Рассматривая рациональную модель необходимо иметь в виду, что она реализуется не в вакууме, она всегда является культурно и контекстуально зависимой, так как функционирует в определенной культурной среде и в определенном контексте/ситуации. «Рациональный стратегический расчет подразумевает, что если ценности входят в конфликт, то они ранжируются, и наиболее приоритетные берут верх»¹. Таким образом, как утверждают сторонники рациональной модели, даже ценности можно подвергнуть рациональному анализу и строить из них приоритеты.

Одним из ключевых факторов в международных отношениях и применении военной силы является фактор культуры или элемент иррационализма. Как показывает практика, этот элемент может иметь решающее значение в оценке военно-политической ситуации. Им нельзя пренебрегать, делая ставку исключительно на рациональную модель без учета локального контекста как культуры вообще и стратегической в частности, так как в противном случае оценка предположительного поведения противника может привести к провалу. Типичным примером стал ошибочный прогноз поведения С. Хусейна накануне вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г. Ошибка заключалась в том, что «аналитики ЦРУ полагали, что такого рода действие было бы иррациональным. В таких случаях аналитические выводы были построены на стандартах рационального поведения, созданного и применяемого американцами, на стандартах, которые упустили важное наблюдение: нигде не записано, что какой-либо субъект будет поступать логично или рационально в соответствии с чьими-либо стандартами логики или рационализма»². Рациональная модель настолько сильно подвержена фактором иррационализма в международных отношениях, что скорее можно согласиться с Х. Каном, утверждающим: «Исследователи, которые изучают эти проблемы допускают, что политики не то, чтобы являются полностью рациональными, а скорее то, что они не совсем иррациональные»³.

Второе ограничение рациональной модели имеет отношение к тому, что противоположная сторона может просто допустить ошибку в своих рациональных расчетах, которые вполне могут носить универсальный характер. Бывший в 1962 г. руководителем национального совета США по оценке Ш. Кент констатировал: «Мы упустили советское решение разместить ракеты на Кубе, потому что мы не могли поверить,

¹ Betts R. Is Strategy an Illusion? // International Security, Vol. 25, №2, 2000. P. 40.

² Jordan A., Taylor W., and Korb L. American National Security. Policy and Process. The Johns Hopkins University Press, 1993. P. 159.

³ Green P. Deadly Logic: Theory of Nuclear Deterrence. The Mershon Center, Ohio State University Press. 1996. P. 162.

что Хрушев может сделать ошибку»¹. Другой пример допущенной ошибки связан с оценкой возможных действий С.Хусейна. Американские руководители «полагали, что Саддам не вторгнется в Кувейт, потому что он был рациональным актором и понял из войны Ирака с Ираном, насколько дорога была бы еще одна крупная война»². Но как отметил бывший посол США Э.Глэспи: «Мы были бестолковые, что не осознали того, что он (С.Хусейн. — О.И.) был глуп»³.

Третье ограничение связано с различной трактовкой понятия рациональности. Что кажется иррациональным для одного актора, может оказаться рациональным для другого и наоборот. Это касается решения Индии и Пакистана развивать свои ракетно-ядерные программы и оценки и отношения к ним правительства США. «Для многих официальных лиц в Вашингтоне отказ от ядерного оружия кажется единственным разумным курсом. Тот факт, что другие руководители могут быть «рациональными» и прийти к противоположному заключению (имеется в виду решение Индии развивать свою ракетно-ядерную программу. — О.И.) был удивительным. В последующем изучении этого «провала разведки десятилетия», проведенное адмиралом Дэвидом Джереми, был сделан вывод, что американскому разведывательному сообществу не удалось выйти за рамки своих собственных предположений и понять, что индийское правительство могло придавать очень большое значение ядерным испытаниям»⁴.

Анализируя вышеприведенные случаи, иллюстрирующие разные подходы к оценке рационального решения, поведения и ограничения рациональной модели, необходимо отметить, что есть существенное различие между такими понятиями, как «рациональность» и «разумность». Именно непонимание этого различия ведет к неправильным прогнозам и как результат к провалам в практической политике. «Рациональность это способ принятия решения, который логически связывает желанные цели с решениями относительно того, как достичь эти цели»⁵. При рациональном подходе на основе имеющейся информации определяются цели и рассчитывается наименее затратный и наиболее выгодный способ их достижения. При этом цели ранжируются по их приоритетности. В таких условиях также допускается возможность компромисса.

В политологическое понятие «разумности» вкладывается иной смысл. «Суждение, что принятие решения и поведение другого явля-

¹ Payne K. The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction, The University Press of Kentucky, 2001. P. 3.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 6.

⁵ Ibid. P. 7.

ется «разумным», обычно подразумевает намного больше, чем «рациональность». Определение принятия решения или поведения другого как «разумным» предполагает, что наблюдатель понимает принятие решения и судит о нем, как о разумном, основанном на разделяемых и понимаемых ценностях и стандартах¹. Таким образом, главное отличие понятия разумности от понятия рациональности заключается в том, что рациональность не предполагает принятия и разделения ценностей, норм и стандартов. Здесь достаточно только понять логическую связь между отличающимися по приоритетности целями и способами их достижения. При «разумном» подходе большое значение имеет приверженность к системе моральных ценностей.

Исходя из такого подхода, далеко не все руководители, которых считали иррациональными, являются таковыми. Их скорее можно посчитать неразумными. Показателен в этом отношении урок Карибского кризиса (1962 г.). По словам бывшего в то время помощником президента по национальной безопасности М.Банди, Москва не могла «сделать чего-либо более сумасшедшего с нашей точки зрения, как размещение ядерного оружия на Кубе»². В то же время, есть предположение, высказанное участником тех событий советским дипломатом Г.Корниенко. «Думается, что у Хрущева было и еще одно, третье по счету соображение — психологического порядка: заставить Вашингтон «влезть в шкуру» Советского Союза, окруженного американскими базами, в том числе ракетными»³. Такое поведение Хрущева можно оценить как вполне рациональное, поскольку при минимальных затратах, как размещение оперативно-тактических ракет на Кубе, создавалась реальная угроза территории США, но такое решение вряд ли можно оценить как разумное, поскольку ситуация вполне могла выйти из-под контроля, а последствия могли быть катастрофическими не только для США и СССР, но и для всего мира.

Другим уроком могут служить действия С. Хусейна в 1990 г. по оккупации Ираком Кувейта. «Саддам не уступил (имеется в виду требованиям возглавляемой США антииракской коалиции. — О.И.) не потому, что он был иррационален, а потому что в арабской культуре лучше воевать и проиграть, чем быть опозоренным. Честь требует равенства масштаба: даже в поражении важно нанести урон, причинить боль, продемонстрировать способность нанести ущерб (как поджечь нефтяных скважин)»⁴.

¹ *Payne K.* The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction, The University Press of Kentucky, 2001.

² *Kagan D.* On The Origins Of War, New York, Doubleday, 1995. P. 503.

³ *Корниенко Г.* Холодная война, М.: Международные отношения, 1995. С.87.

⁴ *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 275.

Известное наступление Сирии и Египта против Израиля в 1973 г. также оказалось неожиданным как для Израиля, так и для США, поскольку противоречило принципу разумности. Бывший в тот период времени государственным секретарем Г.Киссинджер писал: «Наше определение рациональности не воспринимало всерьез вероятность начала (Египтом и Сирией. — О.И.) войны, которую невозможно выиграть для восстановления самоуважения»¹.

Рациональная модель лежит в основе системы оценки угроз. Одна из таких систем была разработана американскими экспертами Б.Бличмен и Т.Уитс. При оценке угроз они предлагают принимать во внимание две категории.

Первая категория — «благоприятные условия». В эту категорию попадают те условия, которые формируют правдоподобие американских угроз в умах тех руководителей, на кого эти угрозы направлены. Здесь важны два аспекта: благоприятные условия в рамках контекста, в которых эти угрозы создаются и функционируют, и характер самих угроз. В процессе трансляции угроз имеют значения выдвигаемые противнику требования, которые в принципе должны быть выполнимы. В действительности некоторые требования могут быть более или менее выполнимы, что облегчает или усложняет задачу. Здесь имеет значение определение правдоподобия американских угроз и цены подчинения требованиям или неподчинения. Этот рациональный оценочный процесс проходит в умах противника и прогнозируется американской стороной. «Баланс между стоимостью подчинения и стоимостью неподчинения представляет эффективность угрозы США»².

Контекст угрозы. Первый контекстуальный фактор заключается в том, что, согласно гипотезе американских экспертов С.Каплана и Б.Бличмена, применение военной силы США может быть наиболее эффективной, если военная сила реализуется в соответствующем историческом контексте. Если в рамках этого контекста США имели благоприятный для их интересов прецедент применения военной силы, то в этом случае угроза применения военной силы будет внушать доверие, так как она опирается на положительный и эффективный опыт в прошлом. Например, успешная американская операция «Буря в пустыне» (1990-1991 гг.) против Ирака сломала «синдром Вьетнама», который крепко сидел на подсознательном уровне в умах американских политиков и военных, и создала уверенность в успехе операции по свержению режима С.Хусейна в 2003 г. С другой стороны, операция 1990-1991 гг. являлась отрицательным опытом для С.Хусейна и по

¹ Kissinger H. Years of Upheaval, Boston: Little Brown & Co., 1982. P. 465.

² Blechman B., Wittes T. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 114, №1, 1999. P. 7.

мнению американского руководства подготовительный этап к войне 2003 г. давал вполне определенный сигнал иракскому лидеру, что намерения США нанести ему поражение вполне реальны и достижимы.

Второй контекстуальный фактор, влияющий на формирование доверия к военной угрозе США, это отсутствие или наличие общественной поддержки, включая поддержку законодательной власти¹. Одна из причин поражения США во Вьетнаме заключалась в отсутствии такой поддержки, как со стороны общественности, так и пассивности законодательной власти, которая практически сама устранилась от участия в военно-политических решениях и взятии ответственности на себя. В то же самое время при умелой информационной работе в ходе подготовки к операциям в Ираке в 1991 г. и 2003 г. такая поддержка была получена общественностью и конгрессом США и обе операции рассматривались ими благоприятно.

Третий контекстуальный фактор, оказывающий свое воздействие на эффективность угрозы, — наличие или отсутствие поддержки США третьей стороной. Один из уроков, который вынесли США из неудачи во Вьетнаме, это тот факт, что они оказались в одиночестве и без поддержки со стороны своих союзников. Такая ситуация ослабляла США как материально, так и морально. Более того, она поставила страну в уязвимое положение в легитимном плане. После войны во Вьетнаме американское руководство предложило своим союзникам придерживаться правила «разделения бремени» (*burden sharing*), что, с одной стороны, позволяло снизить свои затраты, а с другой, вовлекая союзников, создавало видимость легитимных действий в отсутствие санкций ООН, как это было при бомбардировке Косово в 1999 г. Реализация этого подхода позволяет усилить восприятие руководством противника сигнала об угрозе со стороны США.

Четвертый контекстуальный фактор, усиливающий правдоподобие американской угрозы, — авторитет и репутация руководства США, т.е. когнитивная составляющая. Этот фактор наиболее субъективный и его сложно подвергнуть измерению, поэтому в политической науке он считается трудно доказуемым. Существовало мнение накануне операции «Иракская свобода» в 2003 г., что президент Буш решится на вторжение в Ирак, так как его отец провел успешную операцию «Буря в пустыне» в 1991 г. и кроме этого нынешний вице-президент Чейни в 1991 г. был министром обороны.

¹ По конституции США только конгресс обладает правом объявить войну. Тем не менее, президент США может применить военную силу без санкции конгресса в пределах «Акта о военных полномочиях» от 1973 г. К 1992 г. «согласно статистике США посылали войска за границу 200 раз, в то время как было только 5 объявлений о войне». См.: *Summers H. A Critical Analysis of the Gulf War, A Dell Book, 1992. P. 33.*

Характер угрозы. Здесь подразумевается форма представления угрозы. «Чувство срочности должно быть частью угрозы или лидер-мишень может посчитать, что стратегия отсрочки и бездействия будет эффективной в избегании подчинения»¹. Угрозы могут иметь вербальную форму в виде выступлений первых лиц США, письменную в форме заявлений и материальную, представленную в виде передвижения войск, демонстрирующих свои возможности. При этом ряд экспертов, как Бличман и Каплан, полагают, что развертывание сухопутных войск более предпочтительно, чем например военно-морских сил, так как оно внушает большее доверие к тому, что сила будет применена. Использование сухопутных сил означает готовность руководства США заплатить «политическую цену» за риск. Необходимо признать, что не все эксперты считают, что развертывание сухопутных войск является неотъемлемой предпосылкой успешной операции. Они считают, что военно-воздушные силы могут стать решающей силой в решении поставленных задач (пример Косово). Тем не менее, все соглашаются, что «ботинок пехотинца на земле» часто является окончательным условием успеха операции.

Трудность требования. Кроме контекста угрозы и ее характера, также имеет значение трудность выполнения требования, предъявляемого противнику. При выработке требования происходит наложение рациональных и иррациональных моделей. С одной стороны, требование должно быть логичным и строиться на универсальных принципах, т.е. быть рациональным. С другой стороны, оно должно быть сформулировано на понятном языке для противоположной стороны. Оно должно учитывать менталитет и в целом культурные особенности того, на кого оно направлено, т.е. строиться на иррациональной модели.

Очень важным является учет трудности выполнения предъявляемого требования с точки зрения его достижимости. В состоянии ли противник выполнить данное требование? Он может оказаться просто не в состоянии этого сделать. Также важным моментом является культурный фактор, так как он способствует или мешает выполнению требования.

Когда в 1990-1991 гг. С.Хусейну были предъявлены требования со стороны США и их союзников, они были удивлены его отказом их выполнить, поскольку он стоял перед вполне рациональным выбором. Союзники не приняли во внимание или не были знакомы с особенностями местной культуры, что лучше воевать и проиграть, чем просто уступить без боя.

Выполнение требования может облегчить предложение стимулов. Здесь существенна не только выгода, которую противник может полу-

¹ *Blechnan B., Wittes T. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 114, №1, 1999. P. 9.*

чить, но и «они (стимулы. — О.И.) предоставляют политический предлог для мишени сделать то, что он может пожелал бы сделать: отступить и принять американское требование»¹. Наряду с этим трудность выполнения требования зависит от наличия или отсутствия возможности отступления для объекта воздействия. При этом, если возможно отступление, которое позволяет противнику сохранить свое достоинство и уважение, то оно будет вне всякого сомнения более предпочтительно, а значит само требование будет более выполнимым.

Выбор между сдерживанием или принуждением противника также имеет значение. С одной стороны, между этими понятиями есть разница, которая заключается в том, что в сдерживании угроза только артикулируется, а в принуждении материализуется. С другой стороны, применение силы является более эффективным при сдерживании, когда объект воздействия должен отказаться от запланированных действий в результате рационального выбора.

Вторая категория, на которую обращают внимание Б.Бличмен и Т.Уитс при оценке угроз, — сила угрозы.

Сила угрозы должна подчеркивать стоимость невыполнения противником предъявляемых требований. «Это означает, что цель должна понимать, что угроза, если она выполняется, приведет в результате к такой ситуации, в которой цели будет хуже, чем если она бы согласилась на американские требования. Если, например, требование заключается в том, что правитель должен отказаться от трона, то вероятно единственной эффективной угрозой будет смерть правителя или создание такой ситуации, в которой правитель может быть убитым»². Таким образом, требование должно быть представлено не просто в универсальной рациональной форме, а соответствовать рациональной парадигме того, кому оно предъявлено, т.е. сочетаться с его системой ценностей и интересами.

1.2. Рационализм как концептуальная основа стратегии сдерживания

Стратегия сдерживания занимает важное место и широко используется во внешней политике. Г.Моргентау утверждал: «Политическая цель военных приготовлений любого типа состоит в удержании другого государства от применения им вооруженной силы, поскольку делает ее применение слишком для него рискованным. Политичес-

¹ *Blechnan B., Wittes T. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // Political Science Quarterly, Vol. 114, №1, 1999. P. 10.*

² *Ibid. P. 11.*

кой целью самой войны является не захват территории и уничтожение вражеской армии, а оказание воздействия на противника с целью подчинить его своей воле»¹. На протяжении длительного исторического периода именно сдерживание играло важную роль «воздействия на противника с целью подчинить его своей воле» и изменить стратегическое поведение другого государства. Сдерживание является сердцевиной внешней и военно-политической стратегии США, при этом, как отмечает американский политолог Л.Фридмен, сдерживание по-прежнему оставалось бы «иногда применяемой военной уловкой»², если бы, как считают некоторые эксперты, не появилось ядерное оружие и не началась «холодная война». Именно эти два факта обусловили то, что «после Второй мировой войны впервые сдерживание эволюционировало в тщательно разработанную *стратегию* (курсив автора. — *О.И.*). Собственно оно стало характерным и особым способом обеспечения национальной безопасности и безопасности других государств и народов. Ядерное оружие заставило тех, кто им обладал, в особенности супердержавы, превратить сдерживание в новую и всеобъемлющую стратегию, которая затрагивала, формировала и координировала многие направления политики и деятельности вообще»³.

Понятие сдерживания требует разъяснения и анализа из-за появления в российской экспертной среде его различных трактовок, что указывает на непонимание самой сути понятия. Российский эксперт С.Брезкун, анализируя доклад ИСКРАН «Снижение ядерных рисков: могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения?», подчеркивает: «Прежде всего, неверен уже первый тезис о том, что сутью отношений РФ и США является-де взаимное ядерное устрашение. На деле сутью является взаимное ядерное сдерживание. Авторы упомянули мелчком понятие «сдерживание» как нечто тождественное понятию «устрашение», но они, вообще-то, взаимно друг друга исключают. Принцип устрашения — это идея агрессивной угрозы, внушения страха. Это — принцип превентивного удара. А принцип сдерживания — это идея взвешенного подхода к действительности, идея исключения авантюризма. Это — идея ответного удара. Да, США долго устрашали Россию и по сей день не прочь к этому вернуться. Однако после достижения системного ядерного паритета две великие ядерные державы взаимно сдерживают, но никак не устрашают друг друга»⁴. Не давая оценки проблеме стратегической стабильности в целом

¹ Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 87-88.

² *Freedman L.* Does Deterrence Have a Future? // *Future Roles Serious Papers*, №5, Sandia National Laboratories. New Mexico, 1996. P. 1.

³ *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 3.

⁴ *Брезкун С.* Подкоп под стратегическую стабильность // Военно-промышленный курьер. 30 декабря 2004. www.NuclearNo.ru

и отношений РФ и США в этой области, а также докладу ИСКРАН и его критике С.Брезкуна, нужно отметить, что американское экспертное сообщество вкладывает иной смысл в понятие «сдерживание».

Слова «deter»- утрашать и «deterrence» — утрашение имеют латинское происхождение от латинского слова «detergere», означающего «утрашить или запугать от чего-то». В политологическом смысле содержание трактуется шире. «Как в повседневном языке, так и в языке специалистов в области международных отношений и военной стратегии «deter» уже долгое время имеет более широкое значение. Оно используется не только для того, чтобы отговорить предпринять какое-либо действие, указав на пугающие возможные последствия, но также указывает на ситуации, где удержание от чего-либо происходит ввиду перспективы неудачи достичь желаемых целей или перспектива превышения стоимости ожидаемой выгоды. Некоторые исследователи в области военной стратегии проводят различия между отпугиванием нападения угрозой «наказания» (пугающие последствия) и отпугиванием нападения перспективой «лишения» (целей нападения)»¹.

Одна из трудностей объяснения этого понятия связана, с одной стороны, с возникшей путаницей в английских терминах «deterrence — утрашение или запугивание» и «containment — сдерживание». Здесь необходимо иметь в виду, что путаница связана не столько с лингвистическими трудностями перевода на русский язык, сколько с трактовкой их политологического наполнения. Директор института США и Канады С.Рогов поясняет: «Дело в том, что на американском политическом языке употребляются два термина. Кеннан (патриарх американской дипломатии и основатель доктрины сдерживания коммунизма — О.И.) писал о сдерживании, употребляя термин «containment», обозначая им противодействие коммунистической идеологии и его носителю — Советскому Союзу с помощью политических и экономических методов. Когда сегодня на Западе начали призывать к новому сдерживанию России, употребляется именно этот термин — по аналогии с концепцией Кеннана.

Американский политолог Броди использовал термин «deterrence», что означает сдерживание путем запугивания, утрашения. Позднее, в 1960-е годы при Роберте Макнамаре (министр обороны США) стали говорить о нанесении неприемлемого ущерба как основе ядерного сдерживания. Макнамара его определил как уничтожение половины населения и двух третей экономического потенциала противника. После Кубинского кризиса стала оформляться система взаимного ядерного сдерживания или взаимного ядерного утрашения. Еще ee

¹ The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997. P. 13.

называют гарантированным взаимным уничтожением. Советский Союз исчез, и вместе с ним ушла в прошлое американская стратегия сдерживания коммунизма. Рудименты ее сохраняются в отношении КНР, КНДР и Кубы. Кончилось сдерживание — containment, но не кончилось сдерживание — deterrence. Ядерное сдерживание будет оставаться политическим обоснованием ядерного оружия, пока оно существует¹. В то же самое время, анализируя стратегию сдерживания вообще, было бы неверно связывать понятие сдерживания исключительно с ядерным оружием. Оно шире и включает не только ядерное оружие, а саму возможность применения насилия. Для этого необходимо рассмотреть политологическое определение понятия сдерживание.

Авторитетный американский эксперт П.Нитце считает: «Сдерживание требует, чтобы потенциальный противник был убежден, что риски и затраты агрессии далеко перевесят приобретения, которые он надеется получить»². По мнению политолога Р.Джоунза, «политика сдерживания это расчетливая попытка убедить противника сделать что-то или воздержаться делать что-то, угрожая наказанием за неподчинение»³. Политологи Г.Крейг и А.Джордж под ним главным образом понимают «усилие одного актора убедить своего оппонента не предпринимать некоего действия против его интересов, убеждая оппонента, что затраты и риски этого действия перевесят то, что он надеется приобрести»⁴. Российский эксперт в области международной безопасности А.Арбатов рассматривает сдерживание как предотвращение «каких-либо действий другой стороны посредством угрозы причинения ей ущерба»⁵. Официальная американская военная доктрина определяет сдерживание как «предотвращение действия страхом последствий. Сдерживание это состояние ума, вызванное существованием внушающей доверие угрозы неприемлемого противодействия»⁶. В официальном документе Министерства обороны США «Четырехгодичном оборонном обзоре» (2001 г.) в области сдерживания ставится задача: «воспрепятствовать агрессии или любой форме принуждения, угрожая применить американские военные возмож-

¹ Соловьев В. Матрешки в боксерских перчатках // Независимое военное обозрение. 2005. №6.

² Nitze P. On the Road to a More Stable Peace, in P Edward Haley & Jack Meritt, eds. The Strategic Defense Initiative, Folly or Future? Boulder, CO: Westview Press, 1986. P. 39.

³ Jones R. Nuclear Deterrence: A Short Political Analysis. Routledge & Kegan Paul. London. 1968. P. 1.

⁴ Craig G., George A. Force and Statecraft. Oxford University Press. P. 180.

⁵ Арбатов А. Тонкий политический инструмент // Независимое военное обозрение. 2003. №43.

⁶ US Joint Chiefs of Staff, Joint Doctrine Encyclopedia, 16 July 1997. http://www.dtic.mil/doctrine/joint_doctrine_encyclopedia.htm.

ности»¹. Политолог Дж.Блейни писал: «Возникающий оптимизм является жизненно важной прелюдией к войне. Все, что увеличивает этот оптимизм, есть причина войны. Все, что уменьшает такой оптимизм, становится причиной мира»². Поэтому можно предположить, что сдерживание направлено на снижение уровня оптимизма у объекта сдерживания. Несмотря на некоторые различия, под сдерживанием понимается ряд целенаправленных шагов, воздействующих на умы противоположной стороны, с целью изменить политику, что в конечном итоге полностью соответствует рациональной парадигме.

Существует узкое или традиционное трактование сдерживания и расширенное. Традиционное сдерживание обычно связывается с угрозой применения военной силы в качестве возможного возмездия. В то время как расширенное сдерживание включает не только военный фактор. Здесь военный фактор рассматривается как один из важных, но не единственный инструмент обеспечения общей национальной безопасности. Кроме военной силы «расширенное» сдерживание состоит из невоенных санкций и из положительных стимулов, способных не напугать, а привлечь противника. Тем не менее, следует признать, что традиционный подход к сдерживанию является более распространенным и принятым в теории сдерживания.

Американский теоретик П.Морган выделяет в сдерживании три уровня: на первом уровне сдерживание, по определению Л.Фридмена, соответствует именно «военной уловке» или носит тактический характер. На втором уровне сдерживание перерастает в стратегию национальной безопасности. Здесь военная сила получила концептуальную основу для своего применения и стала господствующей стратегией. Именно на этом уровне стратегия создала базу для разработки теории сдерживания. На третьем уровне благодаря, в первую очередь, ядерному сдерживанию оно трансформировалось в режим по управлению глобальной безопасностью. Начиная с периода «холодной войны» можно «рассматривать сдерживание не только как просто концепцию по избеганию войны, а скорее как концепцию мирового порядка, близкую к «концерту Европы»³. Таким образом, сдерживание можно рассматривать как универсальный механизм, регулирующий международные отношения, которые базируются на балансе сил.

В основе концепции сдерживания лежит универсальная рациональная модель, рожденная американской политологической и воен-

¹ Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. US Department of Defense, 2001. P.12.

² The Cold War and After, Edited by S. Lynn-Jones and S. Miller, The MIT Press, Cambridge, 1994. P. 22.

³ *Kaldor M. Rethinking Cold War History*, London: Harper Collins Academic, 1991. P. 321.

но-политической мыслью в условиях противостояния двух систем периода «холодной войны». Этот подход получил свое развитие из идеи известного военного теоретика XIX в. К.Клаузевица, который писал, что «нападение может быть предупреждено очевидным решительным возмездием за него, невероятностью успеха»¹. В одном из ранних исследований периода начала «холодной войны» авторитетный американский теоретик Б.Броди отмечал: «Таким образом, до сих пор главной целью нашего военного истеблишмента было выигрывать войны. В настоящее время его главной целью стало предотвращение их»². Другой авторитетный американский политолог Г.Снайдер подчеркивал: «Главные цели политики национальной безопасности заключаются в сдерживании нападения противника и успешной с минимальными затратами обороне, если нападение произошло»³. По мнению американских экспертов, предотвращение новых мировых войн стало возможным в результате реализации стратегии сдерживания. Анализируя сдерживание, необходимо подчеркнуть отличие, по американским взглядам, между теорией и стратегией сдерживания. «Стратегия сдерживания имеет отношение к конкретной военной диспозиции, угрозам и способам их передачи тому, кого государство пытается сдержать. В то время как теория касается лежащих в основе принципов, на которых стратегия базируется. Непринятие этого обстоятельства во внимание часто ведет к ошибочному предположению, что есть много теорий сдерживания. Главным образом, имеется много стратегий сдерживания, но не теорий»⁴. Важность этого тезиса обусловлена тем, что теория и стратегия сдерживания отличаются по своей природе и выполняют различные функции. Теория выполняет следующее: «Во-первых, она описывает, что происходит в ситуациях сдерживания. Во-вторых, она объясняет, как сдерживание работает, уточняя при этом, что определяет результаты в ситуациях сдерживания. В-третьих, она предписывает лучшее поведение правительствам/лицам, принимающим решения в ситуациях сдерживания, максимизируя их способности обеспечить результаты, к которым они стремятся»⁵. Что касается стратегии сдерживания, то ее функция заключается в том, что она должна «определить, что было бы наиболее рациональным

¹ Клаузевиц К. О войне. М: Московский рабочий, 1990. С. 19.

² Brodie B. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. Harcourt Brace. New York. 1946. P. 76.

³ Snyder G. Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Princeton University Press, Prinston. 1961. Цитировано по International Politics and U.S. National Security Policy. Syllabus and Study Guide. Air Force Academy. Colorado Springs. 1997. P. 68.1.

⁴ Morgan P. Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 8.

⁵ Ibid. P. 42.

для сдерживающего сделать в ситуации сдерживания или при подготовке к ней»¹.

На концептуальном уровне в теории сдерживания выделяются «общее» и «непосредственное» сдерживание. Современный теоретик сдерживания П.Морган дает им следующее определение: «В общем сдерживании актор сохраняет широкие военные возможности и передает широкий круг угроз наказания в ответ на нападение с целью удержать кого-либо от серьезных размышлений по поводу нападения»².

Общее сдерживание носит долгосрочный, стратегический характер и часто не имеет временного ограничения. Оно направлено не столько против конкретного вызова или противника, хотя таковой имеется, сколько против ряда определенных и не совсем ясных в момент сдерживания, но вероятных в будущем противников. Эта характеристика достаточно точно подходит к описанию отношений как между Советским Союзом и США, так и между «Востоком и Западом» на протяжении всего периода «холодной войны».

«Общее сдерживание так же жизненно важно, как контекст развития возможностей сдерживания для конфронтации. Именно для общего сдерживания создаются альянсы, закупается вооружение, готовятся силы, осуществляются основные дислокации. Именно в рамках мышления общего сдерживания появляются исключительно важные оценки о том, когда, где и как конфронтация может появиться, оказывая воздействие на то, насколько успешно акторы могут справиться с кризисами»³. Таким образом, общее сдерживание выступает как центральный элемент системы баланса сил на глобальном и региональном уровнях.

Общее сдерживание в свою очередь имеет три модели. Согласно первой модели «оно (общее сдерживание. — О.И.) проводится отдельным государством (или сплоченной группой государств — как союз) от его имени. Мы называем это *моделью одного актора* (курсив автора. — О.И.). Она ведет или к односторонним или к взаимным отношениям сдерживания»⁴. В этом случае сдерживание рассматривается как своеобразный страховой полис на случай осложнений в международных отношениях. Ст. V Устава НАТО, определяющая суть коллективной обороны, является таковым своеобразным страховым полисом на случай как предвиденного, так и непредвиденного развития событий.

Вторая модель общего сдерживания по своему характеру является «непреднамеренно системной». Согласно данной модели «потенциальный нападающий сдерживается как целью нападения, так и ее

¹ Morgan P. Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 44.

² Ibid. P. 9.

³ Ibid. P. 85.

⁴ Ibid. P. 87.

союзниками, а также реакцией тех, кто чувствует, что понесет ущерб или им будет угрожать успех нападающего. Здесь сдерживает система, а не отдельные акторы»¹. Если принять эту модель, то можно охарактеризовать сложившуюся систему международных отношений в период «холодной войны» не столько с точки зрения баланса сил, сколько с точки зрения доминирования сдерживания в системе. Суть сдерживания заключалась в непреднамеренном сохранении самой системы. Локальные войны и конфликты не привели к слому сложившейся системы. Именно общее сдерживание лежало в основе взаимоотношений между ведущими государствами и именно оно в значительной степени позволило сохранить мир.

Третья модель носит название «преднамеренное системное сдерживание». «Здесь общее сдерживание направлено на систему, так как предпринимаются преднамеренные шаги для ее создания и сохранения. Это вариант расширенного сдерживания, который связан с трудностями и запутанностью, ассоциированными со сдерживанием, проводимым коллективным актором»². Эта модель реализуется в разных формах. Она может функционировать в виде баланса сил, когда появление доминирующей державы вызывает создание системы противовеса и сдерживания другими акторами. Об этом говорят некоторые эксперты, анализирующие известный тезис академика Е. Примакова о создании треугольника «Россия — Индия — Китай». Другая форма осуществляется в виде «концерта великих держав». В этом случае «великие державы отходят от необходимости общего сдерживания друг друга путем снижения соперничества»³. Здесь акцент делается не столько на сдерживании, сколько на возможности сотрудничества. В качестве примера П.Морган приводит управление региональной безопасностью через НАТО. С таким примером трудно согласиться, так как для НАТО одной из главных функций по-прежнему остается коллективная оборона, т.е. защита от внешней угрозы. Сдерживание внутри альянса не является сегодня актуальной задачей. Для НАТО сохраняется внутренняя среда с приоритетом на сотрудничество, и внешняя, где сочетаются и сдерживание и сотрудничество.

Что касается «непосредственного сдерживания», то «в непосредственном сдерживании актор обладает военными возможностями и угрожает определенному противнику, когда противник уже замышляет и готовится к нападению»⁴. Механизм реализации обоих типов сдерживания единый, т.е. убеждение через угрозу. Различие заключается в том,

¹ *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 88.

² *Ibid.* P. 89.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 9.

что непосредственное сдерживание реализуется накануне или в период кризиса. Непосредственное сдерживание носит конкретный характер, т.е. нацелено на определенного противника или противников, оно ситуативно и относительно краткосрочно. «При непосредственном сдерживании оцениваются расчеты и планы конкретного противника в определенный период времени. Общее сдерживание направлено на это же, но в более широком контексте. Непосредственное сдерживание транслируется путем точных и подробных сообщений, военной диспозицией и т.д., в то время как общее сдерживание угрожает более рассеянно».¹ Если в качестве примера общего сдерживания можно привести характер отношений между Советским Союзом и США на протяжении всего периода «холодной войны», то противостояние Советского Союза и США в период Карибского кризиса можно охарактеризовать как проявление взаимного непосредственного сдерживания.

Необходимо отметить, что также возможен некоторый «пограничный» тип, включающий элементы как непосредственного, так и общего сдерживания. Таким примером можно считать сдерживание, проводимое в рамках американской стратегии «Гибкого реагирования». Оно было направлено на конкретного противника — Советский Союз, но было протяженным по времени, имело универсальный характер и не зависело от отдельно взятых ситуаций.

Анализируя сдерживание, необходимо подчеркнуть одну концептуальную трудность, связанную с тем, что «имеется большая вероятность разрыва между общим сдерживанием, проводимым государством и тем, что ему нужно для сдерживания конкретного актора. Вообще, трудно рассчитывать, как в целом военная сила может быть уместной для общего или непосредственного сдерживания в конкретных ситуациях»². При практическом применении обоих типов сдерживания, а именно при переходе от общего к непосредственному типу сдерживания возможен определенный лаг, который, в частности, выражается в том, что не очень понятно, как применить военную силу в рамках непосредственного сдерживания в настоящее время для сдерживания террористов или иных негосударственных акторов.

Понятие «сдерживание» имеет свои грани, позволяющие говорить о многомерности этого понятия. «Сдерживание» в политическом и военном контексте может относиться к мерам, предпринятым для генерирования внушающего доверия наказания за действие или лишение целей, или генерирование затрат, превышающих выгоду (т.е. практика сдерживания). Состояние удержания может также создаваться как подобными мерами, так и другими факторами (т.е. сдерживание

¹ *Morgan P.* Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 82.

² *Ibid.* P. 83.

как условие)»¹. Сдерживание может проводиться угрозой возможного возмездия действием, как например нанесение заданного ущерба или вторжение в страну. Оно может проводиться угрозой применения невоенных мер (таких, например, как эмбарго, санкции и т.д.). Возможно сдерживание через принятие дополнительных оборонительных мер военного характера для повышения затрат вероятного нападения противника. Генерал Дж. Гордон из министерства энергетики США объяснял следующим образом роль министерства в сдерживании: «Будущий соперник, стремящийся получить ядерное превосходство, будет вынужден прийти к выводу, что его наращивание не может произойти быстрее ответной реакции США»². В конечном итоге возможны различные сочетания приведенных выше возможностей.

Различаются типы сдерживания, исходя из характера его реализации, такие как наступательное сдерживание и оборонительное сдерживание. Полагая, что «главная цель сдерживания заключается в предотвращении агрессии, обеспечивая это тем, что в уме потенциального агрессора риски агрессии намного перевешивают приобретения. Наступательное и оборонительное сдерживание воздействует на различные стороны этого уравнения сдерживания: наступательные силы увеличивают риски агрессора, угрожая ему неприемлемыми затратами, оборонительные силы уменьшают потенциальные приобретения, лишая агрессора возможности достичь своих целей»³.

Кроме этого, выделяются такие виды сдерживания, как сдерживание путем угрозы «наказания» и путем угрозы «лишения». Под сдерживанием угрозой «наказания» понимается «угроза применить неприемлемое наказание обществу или правительству противника, независимо от того, добились ли преимущества его силы в боевых действиях»⁴. Такого рода сдерживание было характерно для периода «холодной войны». В этом случае предполагалось, что ядерные силы должны были в ответном ударе нанести противнику неприемлемый ущерб. В таких условиях считалось, что, произведя рациональный анализ, противник посчитает иррациональным использовать военную силу. Пока вероятность эффективного применения ядерного оружия остается выше нулевого уровня, сдерживание путем «наказания» будет внушать доверие, а следовательно, обеспечивать безопасность.

Сдерживание путем угрозы «лишения» связано с пониманием про-

¹ The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997. P. 13.

² Yost D. New Western Approaches to Deterrence // International Affairs, January 2005. P.95.

³ Bunn E. Sokolsky R. The U.S. Strategic Posture Review: Issues for the New Administration, Strategic Forum, № 177, February 2001.

⁴ Cimbala S. Strategy After Deterrence. New York, Praeger, 1991. P.XII.

тивника невозможности добиться успеха в ходе применения военного насилия. «Сдерживание путем лишения означает убедить противника не нападать, разъясняя ему, что его нападение будет отражено, другими словами, что он не сможет достичь оперативных целей»¹. О сдерживании путем «лишения» как добавление к более распространенному типу сдерживания путем угрозы «наказания» говорится в «Четырехгодичном оборонном обзоре»: «Интегрированная ракетная оборона вместе с другими видами обороны, а также с наступательными средствами будет защищать свободу действия государства, усилит сдерживание путем лишения и смягчит результаты нападения, если сдерживание окажется неэффективным».²

Что касается ядерного сдерживания, то американское экспертное сообщество использует следующие варианты сдерживания:

- 1) *Расширенное сдерживание.* Расширенное сдерживание используется для обозначения расширения ядерного сдерживания не только от нападения на саму страну или ее принуждение, но и сдерживание от нападения или принуждения союзников этого государства.
- 2) *Минимальное сдерживание.* Минимальное сдерживание имеет два значения. Первое значение связано с наличием минимальных средств, достаточных для эффективного сдерживания потенциального противника. Второе значение относится к сдерживанию тех угроз, которые направлены исключительно на саму страну, осуществляющую сдерживание, но при этом не защищает союзников данного государства, т.е. противоположное расширенному сдерживанию.
- 3) *Экзистенциональное сдерживание.* Экзистенциональное сдерживание означает сдерживающий эффект, исходящий от самого существования ядерного оружия самой страны или ее союзников. Иногда это понятие переносят даже на те страны, которые способны производить ядерное оружие, но не желают производить по какой-либо причине.

По мнению американских экспертов, при всем разнообразии сдерживания «главной функцией сдерживания является ограниченная форма расширенного ядерного сдерживания, направленная на ядерные угрозы и только ядерные угрозы стране или ее союзникам»³, хотя и вполне допускается ядерное сдерживание более широкого спектра угроз. «В принципе ядерное сдерживание могло бы быть использова-

¹ *Yost D.* New Western Approaches to Deterrence // International Affairs, January 2005. P. 91.

² Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. US Department of Defense, 2001. P.29.

³ The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997. P. 15.

но для сдерживания не только ядерного нападения, но и нападения с применением сил общего назначения или с применением химического, бактериологического оружия, а также при угрозе жизненно важным интересам с помощью невоенных средств»¹.

Анализируя суть сдерживания, необходимо проводить четкую линию отличия сдерживания от собственно обороны. По мнению политолога Р.Арта цели применения силы для сдерживания отличаются от применения силы для обороны. (см. табл. 1.1.)

Выделяются три уровня сдерживания:

1) *Стратегический уровень*. Он связан с возможным применением стратегического ядерного оружия в рамках модели гарантированного уничтожения. В его основе лежали такие рациональные методологии, как теория игр и системный анализ. В условиях противостояния двух сверхдержав данный уровень был самым приоритетным и достаточно хорошо теоретически разработан.

Таблица 1.1²
Сущность обороны и сдерживания

Вид	Предназначение	Способ	Цели	Характеристики
Оборонительное	Отразить нападение и/или уменьшить ущерб от нападения	Мирный (дислокация сил в заданном районе для дальнейшего применения в обороне. — О.И.) и физический	Главным образом военные и второстепенные промышленные	Оборонительные приготовления могут иметь ценность разубеждения; оборонительные приготовления могут выглядеть агрессивными; первые удары могут быть предприняты для обороны
Сдерживающее	Упредить противника инициировать действие	Мирный	Главным образом, гражданские; второстепенные промышленные; третичные военные	Угрозы возмездия создаются таким образом, что нет необходимости их реализовывать; приготовления для ответного удара могут рассматриваться как приготовления для первого удара

Противники были определены и хорошо изучены, цели понятны, вероятные действия в принципе предсказуемы, а «правила игры» обо-

¹ The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997. P. 14.

² International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues, HarperCollins College Publishers, NY, 1996. P. 163.

юдно приняты, тем более, что они регулировались международно-правовой базой в области стратегического вооружения и контроля над ним. К тому же ситуация в этой области особенно после Карибского кризиса была достаточно стабильной и менялась относительно медленно.

Суть стратегического сдерживания почти полностью соответствует «сдерживанию путем наказания». В наипростейшем виде она выглядит следующим образом: «Если Вы сделаете «X», то Я сделаю Вам «Y». Если оппонент ожидает, что затраты от «Y» превышают выгоды от «X», то он воздержится от действия «Y», следовательно его сдержали»¹. Главное средство сдерживания — стратегические ядерные силы.

2) *Уровень ограниченной войны как с применением тактического ядерного оружия, так и без него.*

Этот уровень получил внимание в контексте стратегии «Гибкого реагирования», где допускалось применение ограниченного насилия для достижения ограниченных целей. На этом уровне проведение сдерживания более затруднительно, так как «выбор видов и количества военных средств, например в ограниченной войне, осложнено не только неопределенностью относительно тактических требований, но что более важно необходимостью подчинить тактику соображениям контроля над эскалацией и политическим целям конфликта»².

3) *Уровень ниже ограниченной войны.*

Сюда попадают такие формы насилия, как конфликты низкой интенсивности, антитеррористические операции, операции по принуждению к миру. Здесь, кроме военной силы, применяется кризисная дипломатия, осуществляется управление над кризисом, принимаются различные превентивные меры с целью не позволить насилию подняться на более высокий уровень. Нужно отметить, что в условиях «холодной войны», по признанию самих американских специалистов, данный уровень сдерживания получил наименьшее внимание и хуже всего разработан в американской теории сдерживания. Также его особенность заключается в том, что насилие зачастую носит латентный характер, не имеет четких и достаточно стабильных границ. «Операционные критерии для выбора средств больше определяются не техническими или тактическими факторами, а дипломатическими и политическими»³. В этих условиях применение классического сдерживания затруднительно и малоэффективно. В то же самое время, как показывает практика, в настоящих условиях борьбы с международным терроризмом и экстремизмом данный уровень сдерживания становится более актуальным.

¹ George A., Smoke R. Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice. Columbia University Press, N.Y. 1974. P. 50.

² Ibid. P. 51.

³ Ibid.

Табл. 1.2., разработанной американскими политологами А. Джорджем и Р. Смоуком, показаны сложности на различных уровнях сдерживания.

Таблица 1.2'
Характеристики сдерживания

	Стратегический уровень	Уровень ограниченной войны	Кризисная и превентивная дипломатия
<i>Собственные цели</i>			
Количество целей	одна	несколько	обычно много
Они противоречат друг другу?	-	иногда	обычно
Эти противоречия серьезные и их трудно разрешить?	-	иногда	часто
Насколько мотивирована должна быть сторона?	абсолютна	неопределенна	очень неопределенна
<i>Цели оппонента</i>			
Количество целей	одна	несколько	много
Они ясны?	да	часто	редко
Ограничения ясны?	да	иногда	редко
Ясно насколько он мотивирован для их достижения?	да	редко	почти никогда
<i>Собственные средства</i>			
Количество доступных видов средств	главным образом один	очень мало	много
Критерии для выбора	-	достаточно неясные	неясные
<i>Средства оппонента</i>			
Количество доступных видов средств	главным образом, один	очень мало	много
Трудности в определении, какие средства и сколько он использует	нет	часто некоторые	обычно значительные
Степень поляризации текущего или потенциального конфликта	абсолютная	острая	непостоянная и смешанная

¹ George A., Smoke R. Op. cit. P.52-53.

Трудности в определении, будет ли сдерживание успешным	нет	не много	часто значительные
Общая двусмысленность ситуации	очень мало	иногда значительная	обычно очень большая
Некоторые другие национальные политики, пересекающиеся с сдерживанием	очень мало	некоторые	много
Вероятность трудных для разрешения столкновений этих политик	нет	иногда	обычно
Сколько возможных последствий этой ситуации	очень мало	сравнительно мало	большое количество
Кризис в сдерживании длится достаточно долго, чтобы изменить многие из упомянутых выше факторов?	нет	да	да
Природа рационализма в разрешении кризиса проблематична?	нет	незначительна	значительна
Неопределенности	минимальные	значительны	огромные

Анализ характеристик, представленных в таблице 1.2., показывает, что наибольшие трудности возникают на 2-м и 3-м уровне. Именно здесь сталкиваются две модели: рациональная и иррациональная. Различия в сдерживании между уровнями объясняются тем, что «в двух последних сдерживание — это проблема, главным образом, зависящая от контекста. Оно зависит не столько от сравнительно немногочисленных технических факторов, хорошо известных обеим сторонам, а от множественных факторов, многие из которых частично «субъективные» колеблются с течением времени и сильно зависят от контекста ситуации»¹. Все это создает определенные ограничения и подвергает сомнению безусловную корректность рационального подхода в оценке международной ситуации и принятии решения по применению военной силы.

Сдерживание имеет ряд аспектов, применение во внимание которых необходимо для достижения поставленных целей, основными из которых являются:

1. *Государство как субъект и объект сдерживания — рациональный унитарный актор.* Этот актор определяет свои национальные интересы, ранжирует их по приоритетности, идентифицирует угрозы или вызовы, стоящие перед ним, определяет, какими ресурсами он обладает и какие из них необходимы для нейтрализации угроз и вызовов. Затем рассматриваются альтернативы и принимается оптимальное решение, в основе которого лежит принцип минимизации затрат и максимизации выгоды.

¹ George A., Smoke R. Op. cit. P.54.

Ограничения. Существуют определенные ограничения, связанные с тем, что хотя государства вступают в международные отношения как унитарные акторы, тем не менее они состоят из бюрократических ведомств, которые по своему могут понимать свои и чужие национальные интересы и пути их достижения. Об этом говорит теория организационных процессов и институциональной политики Г.Эллисона и известное его высказывание, что то, «на чем ты стоишь, зависит от того, где ты сидишь», т.е. позиция, которую индивидuum занимает, зависит от того, в каком ведомстве он работает. В связи с этим А.Джордж и Р.Смоук утверждают: «Жизненно важно постоянно и четко осознавать тот факт, что необходимо сдерживать не оппонента «государство» или «игрока», а скорее, по крайней мере, большинство соответствующих индивидуумов, групп и/или институтов, участвующих в принятии решений внутри того государства»¹.

Другое ограничение имеет отношение к рациональной модели. По мнению Максвелла, охарактеризовать действие как «рациональное» значит сказать, что оно соответствует ценностям актора, какими бы они ни были. Согласно этой модели, существует достаточно стройная и устойчивая иерархия ценностей, которой актер и придерживается в своем поведении, рационализируя таким образом его, но на практике достаточно трудно определить эту систему и связать ее с конкретной политикой или применением военной силы, в особенности, если актер принадлежит к отличной культурной общности и обладает иной стратегической культурой.

2. Аспект масштаба. Необходимо понимать, когда и при каких обстоятельствах политика сдерживания может быть эффективной, а когда наоборот. Это особенно актуально, когда мы сравниваем сдерживание на уровнях ограниченной войны и ниже ограниченной войны.

Ограничения. Существовала и продолжает существовать, правда, в несколько иной форме проблема переноса уже проверенных способов сдерживания с одного уровня на другие. В прошлом, когда в США действовала стратегия «Массированного возмездия», она подвергалась критике ее оппонентами, за то, что сторонники данной стратегии не проводили разницы между стратегическими и нестратегическими угрозами и соответственно между способами их нейтрализации. Сейчас аспект масштаба и формы сдерживания особенно остро стоит на уровне борьбы с международным терроризмом и экстремизмом.

3. Акцент на военных угрозах. Сдерживание появилось как преимущественно военный ответ на угрозы военного характера и рассматривалось как достаточно эффективный инструмент в рамках традиционной парадигмы политического реализма.

¹ George A, Smoke R. Op. cit. P. 72.

Ограничения. В современных условиях далеко не все угрозы, стоящие перед США, носят традиционный военный характер. Концепция сдерживания нуждается в дальнейшей разработке с целью выделения тех угроз, которые можно сдерживать традиционными военными средствами от тех угроз, которые требуют новых подходов. Актуальной становится проблема сдерживания в условиях вероятного ведения иррегулярной войны.

4. *Акцент на негативное воздействие.* Классическое сдерживание связано с угрозами, т.е. возможным наказанием, что отражало дух периода «холодной войны».

Ограничения. Такой подход был, возможно, актуальным раньше, но в настоящее время угроза наказания без обещаний может быть недостаточно эффективной.

5. *Необходимость демонстрации реальности угрозы.* Если рассматривать сдерживание как угрозу возможного наказания, то необходимо продемонстрировать и реальность такой угрозы. Такая угроза должна соответствовать следующим параметрам:

1) *Внушать доверие, т.е.:*

- угроза должна быть подкреплена реальной материальной силой, способной нанести заданный урон и заставить отказаться от намерений проводить нежелательную политику;
- объект воздействия должен видеть волю и решимость реализовать конкретную угрозу.

2) *Быть географически близкой к объекту воздействия.* В этом заключается одна из целей проводимых военных учений вблизи сухопутных или морских границ недружественного государства — объекта сдерживания.

Здесь подразумевается субъективное восприятие этой угрозы. Именно на этом строится производная теории баланса сил теория баланса угрозы политолога С.Уолта. Согласно его гипотезе, обычно государства стремятся к балансу сил, но они не реагируют на дистрибуцию возможностей. Они движимы изменением баланса угрозы.

Политологи А.Джордж и Р.Смоук предлагают ряд требований, необходимых для успешной реализации стратегии сдерживания:

а) нападение может быть предотвращено, если после произведенных расчетов потенциальный нападающий получает «отрицательную выгоду», т.е. «ожидаемые затраты и риски» превышают «ожидаемую выгоду». В таком случае формула отрицательной «ожидаемой выгоды» будет выглядеть следующим образом: $O.Z. + O.P. > O.B.$;

б) если выведенная выше формула верна, то целью политики становится дальнейшее укрепление такого вычисления в ходе проводимой внешней и военной политике;

в) необходимо разработать внушающий доверие сигнал о намерении;

г) этот сигнал включает в себя заявление и действие, подтверждающее намерение;

д) «сдерживание может быть успешным, только если имеются надежные планы по поводу того, что делать, если сдерживание в той или иной ситуации не сработает»¹. И противник должен знать, что в принципе такие планы реально существуют и могут быть реализованы.

Таким образом, требования полностью находятся в русле рациональной модели и включают в себя как объективный материальный фактор, так и субъективный.

б. Факторы восприятия и оценки. Несмотря на точность разработки стратегии сдерживания, она не гарантирует полной эффективности в политике. «Если тот, кому бросили вызов, нападает после угрозы сдерживания, это означает, что:

- он оценил цель выше, чем вероятные затраты нападения (он был рационален);
- он оценил цель достаточно, чтобы рискнуть (тоже рационален);
- он неправильно оценил соотношение затраты — выгода или сделал ошибку в расчетах, хотя он сделал выбор на основе соотношения затраты — выгода (может он рационален, а может нет);
- он чувствовал, что не имел приемлемой альтернативы (он рационален);
- он был иррационален»².

Таким образом, при планировании и проведении стратегии сдерживания, помимо точности расчетов, большое значение имеют факторы восприятия и оценки. Они очень важны, поскольку создают тот общий психологический фон, где реализуется стратегия сдерживания. Они могут затруднить или облегчить реализацию стратегии. Эти факторы также учитываются и в теории принятия решения. К таким факторам можно отнести:

- «очевидные цели игроков;
- подсчитанная вероятность успеха игроков в реализации их политики;
- оценка игроками важности вопроса;
- «решимость» игроков;
- восприятие игроками вероятности широкомасштабной войны, возникающей из угрожающего действия;
- состояние морального духа населения игроков»³.

Также имеют значение интересы, поставленные на карту. «В некоторых случаях интересы сдерживающей стороны могут быть настоль-

¹ Корсаков Г. Реформирование вооруженных сил США, М.: ИМЭМО, 2006. С. 63.

² Morgan P. Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003. P. 69.

³ George A., Smoke R. Op. cit. P. 91.

ко важны, что вера в них не вызывает сомнений. В других случаях ее интересы могут быть настолько незначительными, что репутация сдерживающей стороны не в состоянии укрепить доверие к ней, независимо от имеющихся возможностей»¹.

Нужно признать, что приведенные выше факторы чрезвычайно важны для правильного восприятия и оценки, но здесь кроется и опасность, связанная с тем, что их чрезвычайно сложно подвергнуть измерению и объективному анализу в силу их абстрактной природы и субъективности оценки.

Стратегия сдерживания реализуется в определенном и достаточно жестком алгоритме действий, нацеленном на минимальные затраты и достижение максимальной выгоды, позволяющем сделать сдерживание эффективным. Алгоритм состоит из следующих шагов:

1. Оценка степени важности своих национальных интересов и противника, затрагиваемых в развивающейся ситуации.
2. Оценка глубины и опасности угрозы имеющимся своим и противника ценностям.
3. Формулирование намерения защитить свои интересы для дальнейшей его передачи противнику.
4. Дислоцирование в заданном районе своего материального потенциала, способного поддержать сформулированное намерение.
5. Передача намерения и демонстрация противнику своего потенциала и готовности выполнения намерений.

При анализе реализации стратегии сдерживания, возникает вопрос: как можно судить об эффективности сдерживания? Политолог Р.Арт отмечает: «Суть сдерживания — угроза применить силу для того, чтобы наказать. Если угрозу приходится выполнять, то сдерживание уже по определению не сработало. Угроза сдерживания создается исключительно с намерением, что ее не придется реализовывать. Если угроза должна выполняться, то действие уже было предпринято. Следовательно, сдерживание может считаться успешным только, если угрозы возмездия не были выполнены»². В этом тезисе есть положение, с которым трудно согласиться. Если угроза создается, то она не должна вызывать иллюзий у противоположной стороны, что она не будет реализована. В противном случае, никто не поверит в серьезность ваших намерений и тогда действительно придется прибегать к силе, а это, в самом деле, является доказательством неудачи сдерживания. Что касается оценки эффективности сдерживания, то это чрезвычайно трудно сделать, так как сложно определить, по какой при-

¹ Ross R. Navigating the Taiwan Strait // International Security. 2002. № 27, P. 51.

² International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues, HarperCollins College Publishers, NY, 1996. P. 157.

чине противник отказался от своих первоначальных планов: или его испугала «цена» достижения цели, или появились иные мотивы, заставившие его изменить свои планы. В любом случае всегда легче определить неудачу сдерживания, а это реальные действия противника и материализация угроз сдерживающей стороны.

Необходимо отметить, что даже при полной отработке алгоритма успех сдерживания не может быть полностью гарантирован. Причины кроются в характерных и неизбежных недостатках самой концепции сдерживания и возможных просчетах, которые могут быть допущены в процессе реализации.

1. Рассмотренная выше проблема рациональной модели и связанные с ней ограничения и трудности, связанные с идентификацией и оценкой своих и чужих национальных интересов и ценностей. Национальные интересы тесно связаны с системой ценностей. Трудности начинаются, когда принимаются попытки построить четкую иерархию ценностей и интересов. «Политики часто переживают значительные трудности, пытаясь определить свои «национальные интересы», поставленные на карту в конкретной ситуации, и в достижении согласия даже среди их самих относительно ценности этих интересов»¹. Тем более еще сложнее идентифицировать и оценить чужие национальные интересы и просчитать дальнейшие военно-политические шаги противоположной стороны. Но даже, если нам удалось это сделать, возникает проблема увязки возможных результатов с ценностями. Сложно определить также возможные ходы действий. Необходимо спрогнозировать, какие действия могут вызвать искомый результат. Но иногда возможны несколько результатов и, следовательно, трудно выбрать возможный ход, даже, если мы знаем, к чему мы стремимся.

2. Классическая концепция сдерживания не в полной мере учитывает различный характер угроз и преувеличивает универсальную возможность ее эффективной реализации. В начальный период «холодной войны» была разработана стратегия «Массированного возмездия». В ее основе лежала идея «расчетливой двусмысленности», которая, по мнению американских стратегов с одной стороны, должна ввести противника в состояние заблуждения относительно возможных действий США, а с другой, вселить в него страх, тем самым делая политику сдерживания эффективной. «Администрация (США. — О.И.) специально держало Кремль в неведении относительно того, какие конфликты получат какой американский ответ. Администрация полагала, что Советы перестрашуются и будут избегать всего того, что могло бы привести к ядерной войне, таким образом, сдерживающий эффект стратегии будет

¹ George A., Smoke R. Op. cit. P. 560.

усилен еще больше»¹. С другой стороны то, что считалось сильной стороной как идея «расчетливой двусмысленности» оказалось и слабым местом, так как противник, введенный в заблуждение, мог неправильно просчитать ситуацию и пренебречь универсальной политикой сдерживания, проводимой США. Эта концепция впоследствии подвергалась критике за излишнюю универсальность и неспособность сдерживать все типы угроз от стратегических до уровня конфликта низкой интенсивности. Это в свою очередь потребовало диверсификации сдерживания и перехода на многоуровневый характер сдерживания. Позднее этот подход был реализован в стратегии «Гибкого реагирования».

3. То, что считается сильной стороной сдерживания, а именно рациональная модель может оказаться уязвимым местом этой концепции. По крайней мере из-за трех причин: по мнению политолога М.Лернера, «действие принципа сдерживания по предотвращению войны полностью зависит от почти безошибочной рациональности обеих сторон»², чего бывает крайне сложно достичь на практике. Вторая причина заключается в различной трактовке сути рациональной модели. Либо она рассматривается в том понимании, что государства проводят анализ «затрата-выгода», определяя, сколько предполагаемое действие будет стоить и какую выгоду оно принесет. При этом любое государство выбирает политику с точки зрения минимальных затрат и максимальной выгоды. Либо используя определение С.Максвелла, прийти к выводу, что охарактеризовать действие как «рациональное» значит сказать, что оно соответствует ценностям актора, какими бы они ни были. Когда мы говорим о ценностях, то вступает в силу такой фактор как культура или иррационализм, который начинает играть здесь свою определяющую роль. Третья причина заключается в вероятности просчета или случайности. Как утверждает политолог Т.Шеллинг, «сдерживание нацелено на рационального субъекта, обладающего полным контролем над своими возможностями и силами. Тем не менее, случайности могут вызвать войну, несмотря на сдерживание»³. Особенно остро проблема встает в условиях кризиса, когда вероятность случайности резко возрастает. «Суть кризиса заключается в том, что участники не вполне контролируют события»⁴. Таким образом, вероятность случайности диктует свою логику событий, создавая брешь в логичности концепции сдерживания, построенной на рациональной модели.

¹ *Smoke R.* National Security and the Nuclear Dilemma. An introduction to the American Experience in the Cold War. McGraw-Hill, Inc. 1993. P.71.

² *Schelling T.* Arms and Influence. Yale University Press. 1966. P. 229.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.* P. 97.

4. Угрозы сдерживания имеют определенные рациональные ограничения, связанные с тем, что достаточно сложно определить степень мотивации противника противостоять угрозе возможного наказания. Трудно просчитать болевой порог государства — противника и его общества, насколько они готовы нести потери. Ошибки при расчетах здесь весьма вероятны. С другой стороны, «вероятно, что многим потенциальным противникам просто не хватает утонченного понимания западной политики сдерживания. Более того, есть широко распространенное мнение, что западные проводники сдерживания плохо понимают мотивации и процесс принятия решения правительств и организаций, на которые они пытаются повлиять»¹.

5. Еще одно важное ограничение концепции сдерживания связано с тем, что вопреки мнению многих экспертов, полагающих, что начало войны лежит в области рационального выбора: «да или нет», решение о начале войны не всегда находится в этой области. В одном из возможных вариантов «война имеет тенденцию быть результатом процесса, динамичного процесса, в который обе стороны все больше и больше оказываются вовлеченными, все более и более ожидающими и все более и более озабоченными не оказаться медленными вторыми в случае, если война начнется»². Это может быть тот самый случай, когда обе стороны рационально предпочитают мир, но вопреки их желанию втягиваются в процесс насилия, следуют логике развития событий, пренебрегая при этом концепцией сдерживания.

6. Политики, прибегнувшие к стратегии сдерживания, должны четко осознавать, что даже при условии ее эффективной реализации она приносит только временный успех. Стратегия сдерживания неспособна устранить источники и причины возникшего конфликта.

Таким образом, стратегия сдерживания связана не с прямым, а опосредованным применением военной силы, что связано с субъективным восприятием силы.

1.3. Стратегия сдерживания в период «холодной войны» и после ее окончания

«Холодная война» была долгой и в отдельные моменты опасной конфронтацией между Западом и Востоком. Однако это было соперничество, где участники старались придерживаться подписанных соглашений и неписаных правил. Так, после Карибского кризиса (1962 г.)

¹ *Yost D.* New Western Approaches to Deterrence // International Affairs, January 2005. P.101.

² *Schelling T.* Arms and Influence. Yale University Press. 1966. P. 98.

СССР и США стали признавать обозначенные сферы интересов и старались не вторгаться в них. Достаточно стабильная и предсказуемая конфронтация была особенностью того периода.

Эта ситуация объяснялась, с одной стороны, положениями теории известного американского политолога К.Уолтца, который указывал на наличие жесткой биполярной европейской системы, а с другой стороны, гипотезой, предложенной авторитетным историком «холодной войны» Дж.Гаддисом, который утверждал, что наличие ядерного оружия обеспечило более или менее стабильный мир в Европе. Российский академик Е.Примаков также подчеркивает: «Безусловно, главной сдерживающей силой было ядерное оружие»¹.

«Во время «холодной войны» ядерное сдерживание было основой американской стратегии по предотвращению как ядерной, так и крупномасштабной войны без применения ядерного оружия по причине того, что не было известно более эффективной альтернативы. При враждебных американо-российских отношениях было неблагоприятно полагаться на добрые намерения, чтобы предотвратить ядерное или широкомасштабное неядерное нападение. Характер ядерного оружия и разнообразные способы его доставки означали, что попытки США и их союзников защитить от ядерного нападения свое население могут быть реализованы с намного меньшими усилиями, чем, если бы они были направлены на оборону»². Такой менее затратной альтернативой обороне рассматривалась стратегия сдерживания.

На протяжении всего периода «холодной войны» стратегия сдерживания в различных вариациях составляла фундаментальную основу всех доктрин по применению военной силы во внешней политике США. В ее ядерном варианте она играла главную роль: при любых обстоятельствах гарантировать уничтожение противника — Советского Союза. Как пояснял помощник президента Дж.Кеннеди по национальной безопасности МакДжордж Банди: «Понятие стратегического сдерживания было непосредственным плодом двух великих реальностей... Что оружие стало различным и что на более высоких уровнях ядерного оружия мир остается биполярным. «Баланс страха» был лучшим, что мы могли получить, а объектом анализа и действия должна стать гарантия того, что «другая сторона» будет считаться с этим»³. С момента появления американского исторического документа, известного под названием СНБ-68 (СНБ — Совет национальной безопасности), концепция

¹ *Примаков Е.* Мир после 11 сентября. М.: Мысль. 2002. С. 93.

² *The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy*, National Academy Press, Washington, D.C. 1997. P. 3.

³ *Bundy M.* Strategic Deterrence Thirty Years Later: What Has Changed? In Christoph Bertram, ed. *The Future of Strategic Deterrence*, Hamden, Connecticut: Archon Books. 1981. P.8.

сдерживания легла в основу стратегий «холодной войны». В стратегии «Массированного возмездия» она реализовывалась через стратегическое авиационное командование (SAC — Strategic Air Command). В сменившей ее стратегии «Гибкого реагирования» сдерживание замышлялось уже на различных уровнях насилия от стратегического ядерного, тактического ядерного и до конвенционального оружия.

В условиях биполярного мира концепция сдерживания строилась сначала на основе способности нанесения первого ядерного удара. Под этим американскими экспертами понималась «способность нанесения обезоруживающего удара первым и достаточно эффективно, чтобы уничтожить способность противника нанести ответный удар с какой-то эффективностью»¹. Затем в развитие стратегии сдерживания появилась концепция «ответного удара». Она «не подразумевала способность нанесения просто ответного удара после первого удара противоположной стороны. Она подразумевала способность выдержать удар и сохранить достаточно сил, чтобы нанести эффективный ответный удар»². Способность нанесения «ответного удара» стала ключевым понятием в разработке всех американских доктрин с применением стратегических ядерных сил на протяжении их существования. Стратегия сдерживания также основывается на этом подходе. Считалось важным не то, сколько оружия есть в наличии вообще, а сколько выживет после первого удара противника и сможет нанести заданный ущерб в ответном ударе. Таким образом, американские специалисты делали вывод, что стратегическое сдерживание обусловлено исключительно способностью нанесения «ответного удара». «Американская доктрина сдерживания быстро привела к фундаментальному требованию к своим стратегическим силам: они должны быть таковыми, что будут совершенно способны нанести абсолютно неприемлемый ответный ущерб после самого мощного первого удара противника»³.

Представление сдерживания в виде исключительно военного противостояния в период «холодной войны» было бы неполным, если бы мы упустили из вида более широкое понятие сдерживания как политики, направленной на предотвращение кризисов в международных отношениях и в первую очередь в советско-американских отношениях. В частности, после Карибского кризиса политолог Т.Шеллинг отмечал: «Что предотвращает такие кризисы и делает их несчастными, так это то, что они действительно опасные. В каком бы направлении развитие опасности не замышлялось как результат преднамеренно задуман-

¹ *Smoke R.* National Security and the Nuclear Dilemma. An Introduction to the American Experience in the Cold War. McGraw-Hill, Inc. 1993. P. 91.

² *Ibid.* P. 91.

³ *Bundy M.* *Op. cit.* P. 8.

ной войны, в таком кризисе опасность ненамеренной войны начинает расти. Вот почему их называют «кризисы». Суть кризиса в его непредсказуемости. Суть кризиса заключается именно в том, что участники не контролируют полностью события. Они делают шаги, принимают решения, которые повышают или понижают опасность, но в условиях риска и непредсказуемости. Сдерживание следует понимать в привязке к неопределенности»¹. Сдерживание, по мнению американских теоретиков, должно влиять не только и, может, не столько на кризисы, когда ситуация может выйти из-под контроля, а события имеют свою логику развития, отличную от задуманного курса политиками ранее, а на весь процесс международных отношений. По мнению Т.Шеллинга, «мы часто говорим как будто «сдерживающая угроза» является внушающей доверие угрозой начать трезво и преднамеренно катастрофичную войну в ответ на какую-то агрессию противника. Маловероятно, что выбор стоит между всем и ничем. Вопрос в действительности заключается в следующем: вероятно ли то, что США предпримут что-нибудь, что чревато опасностью войны, что может привести через ряд действий и противодействий, расчетов и просчетов, тревог и ложных тревог, обязательств и вызовов к широкомасштабной войне?»²

На всем протяжении «холодной войны» стратегия сдерживания США базировалась на парадигме «Гарантированной уязвимости». Он считает: «...эта теория, теория «Гарантированной уязвимости» сдерживания стала преобладающей парадигмой. Она включает ряд предположений, логично связанные последствия и набор политических рекомендаций, которые в значительной степени детерминировали вооруженные силы США и вооружение, которые они закупали, а также политику в области контроля над вооружением, которую США проводят»³. Пэйн полагает, что парадигма «гарантированной уязвимости» — это достаточно широкая теория, имеющая различные базы как собственное ведение войны, минимальное сдерживание и взаимное гарантированное уничтожение. «Различие между такими подходами к политике как «Ведение войны» (War-fighting. — О.И.), «Минимальное сдерживание» (Minimum Deterrence. — О.И.) и «Взаимно гарантированное уничтожение» (Mutual Assured Destruction. — О.И.) фокусируется на типе ядерной угрозы, необходимой для сдерживания»⁴. Суть «Минимального сдерживания» заключается в способности уничтожить или подвергнуть угрозе относительно небольшое количество

¹ Schelling T. *Arms and Influence*, New Haven and London Yale University Press, 1966. P. 96-97.

² Ibid. P. 97.

³ Payne K. *Deterrence in the Second Nuclear Age*. University of Kentucky Press, Kentucky. 1996. P. 60-61.

⁴ Ibid. P. 62-63.

городов неприятеля. Стратегия сдерживания на основе «Взаимно гарантированного уничтожения» предполагает наличие большего количества стратегических ядерных сил, способных на массированное уничтожение целей противника, сохраняя при этом способность нанесения ответного удара. Что касается подхода «Ведения войны», то он отрицает суть двух других подходов. «Сторонники данного подхода стремятся применить стратегические ядерные силы против выборочных советских политических и военных целей, сохраняя при этом способность гарантированного уничтожения»¹.

Нужно отметить, что точка зрения Пэйна на то, что концепция «Гарантированной уязвимости» включает все три подхода, не находит поддержки у части американского экспертного сообщества. Так например, Э.Млин полагает, что «с 1960-х годов политики (США. — О.И.) рассматривали ядерное оружие как применяемый военный инструмент... Мышление политиков о ядерном оружии мало изменилось после окончания «холодной войны», несмотря на значительные изменения в среде международной безопасности»². Также, как полагал Млин, «в основе ядерных проблем в ходе «холодной войны» лежали споры между сторонниками подхода «Взаимно гарантированного уничтожения» и сторонниками «Теории применения ядерного оружия» (Nuclear Utilization Theory). Сторонники этой теории подвергали критике своих оппонентов за то, что они не могли предложить каких-то альтернатив, кроме полного уничтожения противника, в том случае, если сдерживание окажется неэффективным. Сторонники «Теории применения ядерного оружия»:

- «сомневались, что противощенностное нацеливание является эффективным и внушающим доверие ядерным сдерживанием в отношении действий противника, который пока еще не совершил нападение на территорию США;
- полагали, что ядерное оружие могло бы использоваться в качестве военного инструмента, а не только как просто сдерживание;
- допускали, что ядерные войны могли бы вестись без полного уничтожения;
- считали, что возможны варианты без тотальной ядерной войны между Советским Союзом и США»³.

Хотя не все американские эксперты разделяют взгляды Пэйна, что «Парадигма гарантированной уязвимости» включает все основные под-

¹ Payne K. Deterrence in the Second Nuclear Age. P. 62.

² Mlyn E. U.S. Nuclear Policy and the End of the Cold War // T.V. Paul, Harknet R. and Wirtz J., eds, The Absolute Weapon Revisited: Nuclear Arms and the Emerging International Order. Ann Arbor, the University of Michigan. 1998. P. 192.

³ Ibid. P. 192-193.

ходы к стратегическому ядерному сдерживанию, тем не менее есть то общее, с чем практически все согласны. «Дело заключается в том, что потенциал уничтожения ядерного оружия позволил сделать два важных предположения относительно основы ядерного сдерживания в период стратегической биполярности: существовал «разумный рациональный оппонент» и угрозы ядерного возмездия служили надежной базой для влияния на поведение противника. Более важным был тот факт, что в мире стратегической биполярности эти предположения также вели к логическому заключению, что модель «общего рационального оппонента» упростила бы сложный процесс разработки стратегии сдерживания и сделала бы военное планирование менее сложным»¹.

Если исходить, из предложенной Максвеллом дефиниции рационального действия в стратегии сдерживании как соответствующего ценностям актора, то имеется такой элемент, как ценность, а значит интереса и культуры в целом. Тем не менее, американский подход к сдерживанию не учитывал по большому счету фактор культуры, особенно в ядерном сдерживании, по ряду причин. Одна из причин заключается в том, что «не существует общепринятой шкалы стандартов, по которой государственные деятели или исследователи могут измерить ценность спорного интереса».² Во-вторых, в условиях биполярности, когда доминировали две ядерные державы, к тому же вышедшие на паритет в стратегическом ядерном вооружении, стратегия сдерживания особенно на стратегическом уровне, вполне оправданно строилась на «рациональной модели», так как она вполне объясняла логику принятия стратегических решений. Что касается ценностей как фактора культуры, то «политики могли уделять меньше внимания влиянию культуры, технологиям, времени и восприятию государственными деятелями стратегической реальности, участвуя в планировании стратегического сдерживания, по простому логическому заключению, что только Советский Союз обладал способностью уничтожить США»³. Следовательно, играл примерно по тем же правилам «рациональной модели», что и США. Американский эксперт Ф.Грин заявил, что «возможно, некоторые специалисты (американские — О.И.) обосновывали свое утверждение о стабильности сдерживания на основании особой *рациональности* (курсив авт. — О.И.) советского коммунизма»⁴. В целом американские эксперты полагали, что проводить стратегию сдерживания в отношении Советского Союза было не

¹ Searching for National Security in an NBC World. Edited by J.Smith. INSS Book Series, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. July 2000. P. 18.

² Maxwell S. Op. cit. P. 3.

³ Searching for National Security in an NBC World. Op. cit. P. 22.

⁴ Green P. Deadly Logic: The Theory of Nuclear Deterrence, The Merston Center, Ohio State University Press. 1996. P. 162.

очень трудно, поскольку руководство США по большому счету понимали характер и мотивации советского руководства, его оценку риска и восприятие стратегической реальности. Вообще стратегическая культура Советского Союза было достаточно хорошо изучена американскими специалистами.

С распадом биполярной системы исчезла и угроза безопасности США равной по своему масштабу и опасности советской. Анализируя разворачивающиеся международные отношения еще до окончания «холодной войны», политолог Р.Розекранц отмечал, что «политические споры в более широком мировом контексте могут быть более серьезными, чем те, которые были в период традиционной биполярной конфронтации в Европе»¹. Далее он полагает, что «почти неизбежно по мере того, как новые державы добавляются к ядерному клубу, различия в размерах и качестве их ядерных сил значительно вырастет. Эти несоответствия могут сделать некоторые державы более уязвимыми для нападения другими»². Другой авторитетный политолог-неореалист К.Уолтц подчеркивал, что в многополярном мире опасности рассеяны по международной системе, ответственности размыты, а то, что составляет жизненно важный интерес, стало неясным. Российский академик Е.Примаков считает, что в период «холодной войны» «угроза применения ядерного оружия сдерживала все располагавшие им державы, противоречия между которыми могли перерасти в широкомасштабную войну без победителей и побежденных»³.

Появились еще несколько обстоятельств, повлиявших на реализацию стратегии сдерживания США.

Во-первых, с распадом СССР снизилась по сравнению с периодом «холодной войны» значимость глобального ядерного сдерживания. «Роль ядерного сдерживания как бы сводилась исключительно к минимальному сдерживанию, т.е. к предотвращению угрозы ядерного нападения, а также оказанию давления путем угрозы такого нападения на ядерные державы «первого уровня»⁴.

Во-вторых, стратегия сдерживания не может продолжать фокусироваться только на каком-либо одном или двух противниках, а должна быть нацелена на более многочисленных и разных по степени опасности угроз региональных противников США, т.е. политика сдерживания становится все более регионально ориентированной.

В-третьих, как подчеркивают российские эксперты В.Анненков и

¹ *Rosecrance R.* Strategic Deterrence Reconsidered in Bertram C. ed. *Strategic Deterrence In A Changing Environment*, New Jersey: Allenheld, Osmun & Company Publishers, 1986. P. 31.

² *Ibid.* P. 31.

³ *Примаков Е.* Мир после 11 сентября. — М.: Мысль. 2002. С. 93.

⁴ *Корсаков Г.* Реформирование вооруженных сил США, М: ИМЭМО, 2006. С. 71.

Л.Кононов: «Несмотря на уменьшение угрозы ядерной конфронтации, политика ядерного сдерживания продолжает оставаться основным принципом обеспечения безопасности США»¹. Тем не менее, некоторыми экспертами, как например Ч.Элланом, высказывается спорная точка зрения, что на данном этапе «американское ядерное оружие будет играть малую или никакую роль в региональных конфликтах»².

Разработанные еще в период «холодной войны» такие теории сдерживания, как теории «лишения» (denial) и «наказания» (punishment) сохраняют свою актуальность по своей сути, но должны быть встроены в новый контекст. Более того, как полагают некоторые американские эксперты, они могут быть применены и по отношению к самим США. В табл. 1.3. представлены три уровня силы, которые могут быть применены против США.

Таблица 1.3
Вероятность эффективности сдерживания³

Инструменты	Цели	
	Лишение	Наказание
Конвенциональный	<i>Низкая вероятность.</i> Возможен только со стороны крупных держав в прилегающих регионах. (Россия, Китай)	<i>Средняя вероятность.</i> Нанести высокие потери, потерпев поражение. (Куба, Северная Корея)
Субконвенциональный	Средняя вероятность. Нанести умеренные потери, затягивая партизанскую войну.	Низкая вероятность. Отсутствует эффективный инструмент сдерживания. Затраты, представляемые угрозой, слишком низкие.
Оружие массового поражения	<i>Низкая вероятность.</i> Химическое оружие против американских военных целей.	<i>Высокая вероятность.</i> Ядерное и биологическое оружие; ограниченные угрозы сдерживания против США или гражданских целей союзников.

В этих условиях сдерживание по отношению к США может быть эффективным, если:

¹ Анненков В., Кононов Л. Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. М., ДА МИД России, 2004. С. 82.

² American Defense Policy, ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 343.

³ Betts R. What Will It Take to Deter the United States? // Parameters, Winter 1995.

1. Противник сумеет сделать так, что затраты действий США выше полученной выгоды. Как правило, ставки региональных противников в конфликте выше, чем у Соединенных Штатов, поскольку затрагиваются их жизненно важные интересы. Кроме этого, как правило, они способны на большую политическую сплоченность, социальную мобилизацию и готовы к затяжным боевым действиям, что никак не соответствует американской стратегической культуре.

2. Противник сумеет убедить американское руководство, что затраты действий США будут выше ожидаемой выгоды и это вынудит его воздержаться от задуманных действий.

Хотя нужно иметь в виду, что это возможно, если противник знаком со стратегической культурой США и умело этим пользуется. Однако нельзя исключить и иррациональные действия со стороны американского руководства. «Американские президенты не привыкли к тому, что их запугивают. Они беспокоятся о доверии к себе, о дипломатических и внутренних политических издержках образа слабого. Они иногда дают риторические обязательства, от выполнения которых потом трудно отказаться. Если проблема возникает в неожиданной форме в условиях быстро развивающегося кризиса, то непонятно: действуют американские руководители трезво и продуманно, а не эмоционально или принимают решение на основе экономических расчетов, а не на основе нечеткой национальной и личной чести»¹.

В то же самое время обозначился новый концептуальный подход к теории сдерживания. Хотя сдерживание путем «наказания» или «лишения» остается в силе, появилось понимание того факта, что во-первых, новые угрозы требуют корректив в стратегии сдерживания, во-вторых, в отличие от периода «холодной войны», когда сдерживание как стратегия проводилась именно в тех регионах, где находились американские войска, сейчас кризис может разразиться там, где американских войск нет, следовательно, сдерживание в таких условиях крайне сложно реализовывать. В-третьих, из-за появления новых возможностей в результате революции в военном деле, можно точно поражать большое количество целей, добываясь таким образом поставленных задач быстрее и эффективнее.

Все это привело к новому пониманию сдерживания в современных условиях как *динамичное сдерживание*. Оно обладает следующими характеристиками:

1) «наказание более не должно быть социальным, а должно быть нацелено на ценности режима-мишени;

¹ Betts R. What Will It Take to Deter the United States? // Parameters, Winter 1995.

2) лишение не должно быть чисто оборонительной концепцией, а главным образом наступательной;

3) внушающее доверие применение военной силы должно рассматриваться как существенным в сдерживании, а не просто как признак неудачи»¹.

Такого рода сдерживание опирается на угрозу применения конвенционального оружия. Оно означает, что «стратегия эффективного конвенционального сдерживания должна быть асимметричной в угрозе и применении, интенсивной и ошеломляющей в своей угрозе, наступательной с возможностью наказания и лишения, а также глобальной благодаря технологиям и системам вооружений»². Из-за появления высокоточного оружия теоретики сдерживания полагают, что наказание может стать более разборчивым, без потерь среди мирного населения и разрушения гражданской инфраструктуры. Более того, его можно нацелить на само руководство стран или на те объекты, которые режим-мишень ценит больше всего. Это позволяет сделать сдерживание наказанием более эффективным. Вместе с тем признается, что хотя «наказание» может быть более точным, но «лишение» является более наступательным по своему характеру. Американские эксперты считают, что конвенциональное сдерживание, как оно реализовывалось в период «холодной войны», было оборонительным, поскольку сдерживание имело цель лишить Советский Союз быстрой победы. В современных условиях «динамичное сдерживание должно включать значительные наступательные противосиловые возможности, поскольку долгосрочное присутствие больших сил США в регионах будет проблематичным как по региональным, так и по внутренним для США причинам»³. Предполагается, что США должны быть способны проецировать свои вооруженные силы на большие расстояния и быть активными участниками формирования благоприятного для США регионального окружения и стабильности.

Если сравнить период «холодной войны» с настоящим временем, то необходимо отметить, что тогда сдерживание исключало войну. Согласно классической теории сдерживания начавшаяся война означала провал стратегии сдерживания. Сейчас же «сторонники динамичного сдерживания полагают, что применение силы может быть необходи-

¹ American Defense Policy, ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 331.

² Haffa R. The Future of Conventional Deterrence: Strategies and Forces to Underwrite a New World Order. In Conventional Forces and the Future of Deterrence, ed. by Guertner G., Haffa R., Quester G. Carlisle Barracks, Pa.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1992. P. 19.

³ American Defense Policy, ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 331.

мым для демонстрации того, что Соединенные Штаты обладают волей, оперативным искусством и технической смелостью, нужных для быстрой ликвидации самых больших угроз с минимальными затратами»¹. Известный американский теоретик Р.Арт вообще делает заключение, что «периодическое применение силы может быть существенным для более широкого, общего сдерживания, чтобы оставаться внушающим доверие»². Другая группа экспертов предлагает более широкое видение динамичного сдерживания. С их точки зрения необходимо создать определенный международный режим, который будет состоять из следующих компонентов:

- недвусмысленный отказ от применения первым (имеется в виду ядерное оружие. — *О.И.*);
- введение сообща экономических санкций против государства-нарушителя;
- большая вероятность действия со стороны ООН, включая безусловные военные санкции по уничтожению режима-нарушителя с помощью конвенциональных сил;
- общее уменьшение применения военной силы в мире через расширение использования международных форумов для разрешения споров³.

Еще в начале 90-х годов XX в. сторонники уменьшения зависимости сдерживания от ядерного оружия М.Флорной и Р.Зеликов предложили то решение, которое стало позже краеугольным камнем стратегии национальной безопасности президента Дж.Буша, а именно: упреждающие удары против государств-изгоев, стремящихся приобрести ОМУ⁴. Знаменательно, что идея упреждающих ударов предлагалась как составная часть нового понимания стратегии сдерживания. «Появление упреждения является существенным элементом современного мышления в области сдерживания. Несмотря на некоторую несовместимость с более старыми модальностями сдерживания, включение упреждения весьма совместимо с концепцией динамичного сдерживания»⁵.

Такого рода взгляд на сдерживание означает серьезный поворот в сторону от классического сдерживания, позволяющий говорить о том, что сдерживание как угроза применения силы перестало им быть

¹ American Defense Policy, edited by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 332.

² Ibid.

³ Ibid. P. 335.

⁴ Это решение было озвучено в следующих работах этих экспертов: Flournoy M., Implications for U.S. Military Strategy, и Zelikow P., Offensive Military Options, In New Nuclear Nations: Consequences for U.S. Policy, ed. by Blackwill R. and Carnesale A. New York, Council on Foreign Relations, 1993.

⁵ American Defense Policy, edited by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 335.

и ставит вопрос о том, является ли такое понимание сдерживания вообще таковым. Кроме этого, хотя американские эксперты утверждают, что «динамичное сдерживание отрицает исключительно ненаступательную оборону»,¹ такой подход неизбежно может привести к агрессивным намерениям и действиям со стороны США, что может вызвать подозрение и ощущение не безопасности у других государств, а это в конечном итоге не укрепит безопасность и самих США.

В официальном документе Пентагона «Четырехгодичном оборонном обзоре» отмечается, что США строят свою новую стратегическую основу, которая состоит из следующих оборонных целей:

- поддержать союзников и друзей;
- отговорить от будущего военного соперничества;
- сдержать угрозы и попытки принуждения против американских интересов;
- если сдержать не получится, нанести решительное поражение любому противнику.²

В документе поясняется, что требования к стратегии сдерживания в настоящее время особые: «необходим многоаспектный подход к сдерживанию. Такой подход требует таких сил и возможностей, которые предоставят президенту более широкий выбор военных альтернатив, чтобы отвести агрессию или любую форму принуждения. В частности, в соответствии с этим подходом особый акцент делается на передовом сдерживании в мирное время в критически важных регионах мира»³.

Как показывает практика стратегии сдерживания, классическая модель рационального актора не работает в теории сдерживания в современных условиях. Исходя из этого, большинство американских аналитиков полагают, что стратегия сдерживания должна быть приспособлена к поведенческим характеристикам. В частности, теоретик К.Уэтмэн предложил рассматривать способность актора к сдерживанию в спектре от «самого трудного сдержать» до «самого легкого». С.Метц создал свою парадигму податливости сдерживанию, синтезируя которую, можно передать следующим образом:

- качество и количество имеющейся информации;
- влияние культуры;
- оценка статус-кво;
- психологическое состояние»⁴.

Качество и количество информации о силе противника и его наме-

¹ Ibid. P. 331.

² Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. Department of Defense. 2001. P.11.

³ Quadrennial Defense Report Review. P.12.

⁴ American Defense Policy, edited by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 338.

рениях и способность передать ему нужный сигнал о своей силе и намерениях является одним из важных факторов проведения эффективного сдерживания. По мнению политологов П.Дэйвиса и Дж.Аркуэла, региональные противники США традиционно недооценивают такие элементы американской силы, как стратегическая мобильность, морская и военно-воздушная мощь, высокоточное оружие из-за того, что сами не обладают таковыми и соответственно не могут оценить степень их эффективности. Они по-прежнему считают реальность угрозы только в физическом присутствии на месте многочисленных американских в первую очередь сухопутных войск, а отсутствие этих сил рассматривают, как неготовность США применить военную силу в их отношении. В таких условиях крайне сложно проводить эффективное сдерживание.

Что касается влияния культуры, то даже при четкой и своевременной передаче нужного сигнала, фактор культуры может воспрепятствовать его адекватному восприятию. «Наивно ожидать, что культуры, которые считают высшей ценностью мученичество или режимы, которые режут собственных граждан, примут западные правила сдерживания и стабильности»¹. Политолог А.Гарфинкел подчеркивает, что, например, в арабской среде громкие, открытые заявления об угрозах рассматриваются как блеф и признак слабости. Гибкая способность понять и учесть фактор культуры различных противников является еще одним неперменным условием эффективного сдерживания.

Важным элементом сдерживания является оценка статус-кво. Иногда ситуация может развиваться таким образом, что актер может начать войну даже при неблагоприятном балансе сил. Это случается в том случае, когда сохранение статус-кво становится нетерпимым и требуется его срочное изменение. В другом случае «корреляция сил решительно меняется в сторону обороняющегося, и, следовательно, возможности для успеха падают. Ясно, что эти обстоятельства не являются результатом иррациональности оппонента, а представляют разные перспективы на затраты, выгоду и время»².

Психологическое состояние также вносит свой вклад в сдерживание, способное сделать его более или менее эффективным. Осознание ограниченной роли классической модели рационального актора не означает полного отрицания рациональной модели как таковой или признание руководителей стран-противников США «сумасшедшими». «Невозможно достичь чисто рациональную модель, так как она предполагает всеведение и способность для всеобъемлющего анали-

¹ *Mahnken T.* The Arrow and the Shield: U.S. Responses to Ballistic Missile Proliferation // Washington Quarterly 14 (Winter), 1991. P. 198.

² *American Defense Policy*, ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 338.

за, который не позволяют провести время, затраты и другие факторы»¹. В таком случае политологи П.Дэйвис и Дж.Аркуэла используют термин «ограниченная рациональность». Иррациональное мышление может быть вызвано несколькими факторами: когнитивным диссонансом; идеологическими, националистическими или религиозными ценностями; настоящей психопатологией. «Когнитивный диссонанс происходит в период кризиса, когда те, кто принимает решение стоят перед неприемлемыми альтернативами и фильтруют неприятную информацию для того, чтобы укрепить ценность избранного направления действий»². Использование идеологических, националистических или религиозных ценностей предназначено усилить устойчивость в противостоянии американским угрозам. Что касается психических отклонений, то лидеры, страдающие ими, способны пойти на массовые убийства для достижения своих политических целей как сохранение своей власти или просто укрепления своего имиджа.

Некоторые эксперты вместо подвергнутой критике рациональной модели предлагают использовать иное понятие, как «стратегическая индивидуальность». Любой региональный противник США имеет свои особенности, знание которых поможет сделать следующее:

- Установить корректное сочетание стимулов и угроз, требуемых для сдерживания.
- Оценить вероятность успешного сдерживания.
- Определить выгоду инструментов сдерживания, которые затрагивают ситуационное восприятие оппонента»³.

Адекватное понимание стратегической индивидуальности противника безусловно способно помочь точному выбору цели сдерживания.

1.4. Стратегическое сдерживание — основная составляющая стратегии сдерживания

Исходя из понимания многоаспектности стратегии сдерживания, официальная американская мысль особенно выделяет стратегическое сдерживание. Несмотря на окончание «холодной войны» стратегическое сдерживание не потеряло своей актуальности для внешней и оборонной политики США. Выступая на слушаниях в Конгрессе, заместитель министра обороны П.Вулфовиц заявил: «Стратегичес-

¹ *Jablonsky D.* Strategic Rationality Is Not Enough: Hitler and the Concept of Crazy States // Carlisle Barracks, Pa., Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1991. P. 3.

² *American Defense Policy*, edited by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 339.

³ *Ibid.*

кое сдерживание остается основополагающей константой нашей новой оборонной стратегии даже в условиях, когда упор в планировании развертывания наших обычных сил переносится от глобального конфликта на региональные кризисы»¹.

В таких документах, как «Доктрина совместных ядерных операций США» (2005 г.) и «Концепция стратегического сдерживания совместных операций» (2004 г.) анализируется стратегическое сдерживание. Оно определяется как «предотвращение агрессии противника или принуждения, которое угрожает жизненно важным интересам США и/или нашему национальному выживанию. Стратегическое сдерживание убеждает противников не предпринимать достойные сожаления действия путем решительного воздействия на принятие решения»². Согласно доктрине под жизненно важными интересами США подразумеваются следующие: «сохранение территориальной целостности США, сохранение политической и социальной целостности внутри США, предотвращение массовых потерь среди американского населения, обеспечение безопасности особенно важной американской и международной инфраструктуры (энергетика, телекоммуникации, снабжение водой, главные службы обеспечения и т.д.). Они поддерживают основы нашего уровня жизни и экономической жизнедеятельности, а также поддерживают оборону наших союзников. Из-за неопределенного будущего внешней безопасности высшее руководство страны может расширить список жизненно важных интересов»³. В основе стратегического сдерживания находится ядерное сдерживание. «Действенность которого осуществляется за счет поддержания в боеготовом состоянии стратегических ядерных сил, наличия эффективной системы боевого управления ими, высокой живучести и готовности высшего военно-политического руководства в случае необходимости решиться на применение ядерных сил. Кроме того, ядерное сдерживание предполагает создание для потенциального противника максимальной неопределенности относительно условий, сроков, масштабов и способов применения Соединенными Штатами ядерного оружия»⁴. Несмотря на значимость ядерного сдерживания, как вытекает из доктрины совместных ядерных операций США, сдерживание нельзя относить к функциям исключительно министерства обороны США. В американском понимании сдерживания уделяется важное место и дипломатической деятельности. «С точки зрения дипломатии цен-

¹ The Statement of Under Secretary of Defense for Policy Paul Wolfowitz. House of Armed Services Committee. Washington D.C. March 20, 1991.

² Doctrine for Joint Nuclear Operations, Washington D.C., Joint Publication 3-12, 15 March, 2005. P. 1-6.

³ Strategic Deterrence Joint Operating Concept, Department of Defense, Washington D.C., February 2004.

⁴ Корсаков Г. Реформирование вооруженных сил США, М., ИМЭМО, 2006. С. 72.

тральный фокус сдерживания для государства заключается в оказании такого влияния на процесс принятия решения потенциального противника, чтобы он сделал сознательный выбор в сторону воздержания от действий. Следовательно, американские усилия сдерживания направлены на то, чтобы повлиять на потенциальных противников удержаться от действий, нацеленных на нанесение ущерба американским интересам. Такое решение основывается на восприятии противником выгод от различных действий, сравнимых с оценкой и величиной затрат или последствий, относящихся к этим действиям»¹.

Несмотря на мнение американских политологов и экспертов, что эффективность стратегии сдерживания измерить крайне трудно, если невозможно, «Доктрина совместных ядерных операций США» дает оценку эффективности. «Эффективность сдерживания зависит от того, как потенциальный противник рассматривает американские возможности и волю использовать данные возможности. Если потенциальный противник убежден, что силы США могут не дать им достичь своих целей (нанеся потери их вооруженным силам, их поддержке или другим ценностям), и если это восприятие привело к тому, что потенциальный противник ограничил свои действия, то тогда сдерживание эффективно. Сдерживание потенциального противника от применения ОМП требует, чтобы руководство потенциального противника поверило, что США обладают как возможностью, так и волей упредить или нанести внушающий доверие эффективный ответный удар»². Тем не менее, остается открытым вопрос, как определить, почему противник отказался от каких-либо опасных для США действий. Как оценить, что это воздействие американской стратегии сдерживания на него, а не иная причина, например, связанная с внутренней политикой государства — объекта воздействия, или результат изменений во внешнем окружении или иная причина. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обладать информацией, как идет процесс принятия решения. Также надо знать, какие акторы участвуют в нем, а какие акторы и процессы влияют на него. Очень важен фактор культуры и когнитивные факторы, влияющие на принятие решение.

Однако в доктрине признается, что стратегия сдерживания не всегда может оказаться эффективной. «Сдерживание предполагает, что руководство противоположной стороны исходит из логики своего собственного интереса и этот интерес рассматривается с отличных позиций культуры и императивов складывающейся ситуации. Это будет особенно трудно с негосударственными акторами, которые применя-

¹ Doctrine for Joint Nuclear Operations, Washington D.C., Joint Publication 3-12, 15 March, 2005. P. 1-6.

² Ibid.

ют или пытаются получить доступ к ОМП. В этом случае сдерживание может быть направлено на государства, стремящиеся к этому, а также на террористические организации. Однако продолжающееся распространение ОМП наряду со средствами их доставки усиливает вероятность, что когда-нибудь государство/негосударственный актор/террорист может ошибиться в расчетах или преднамеренно использовать это оружие. В таких случаях сдерживание, даже основанное на угрозе массового уничтожения, может оказаться неэффективным, и США должны будут применить ядерное оружие, если это будет необходимо. Следовательно, главный вызов для сдерживания убедительно сообщить противоположной стороне о своей воле и возможностях¹.

Несмотря на признание того факта, что сдерживание не всегда может быть эффективным и имеет определенные ограничения, в «Доктрине совместных ядерных операций» приводится ряд вызовов, позволяющих сделать сдерживание более внушающим доверие у противника, а следовательно и более эффективным. В частности в доктрине отмечается, какое восприятие необходимо создать у противника²:

- затраты эскалации будут большими, превышая негативные последствия сдержанности;
- США могут и проведут эффективную проекцию силы, несмотря на применение ОМП;
- американская ставка в конфликте высока, политическая воля крепка;
- США в состоянии противостоять агрессии по всему спектру конфликта;
- США могут эффективно защитить своих союзников от нападения;
- применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США;
- США не могут быть сдержаны угрозой применения или применением ОМП и они готовы к риску эскалации;
- США способны эффективно защитить свои силы, население и наиболее важные объекты;
- передача ОМП террористам будет обнаружена, а его принадлежность идентифицирована;
- применение ОМП приведет к жестким личным последствиям;
- ответственные за применение ОМП будут своевременно определены;
- у них есть, что терять.

¹ Doctrine for Joint Nuclear Operations, Washington D.C., Joint Publication 3-12, 15 March, 2005. P. 1-7.

² Ibid.

Особенность разработанных требований заключается в попытке сочетать различные воздействия, направленные на разномыслящих противников. Первая группа это рациональный противник, мыслящий в парадигме норм и стандартов, близких к стратегии сдерживания, и обладающий примерно такой же, как и американцы, системой ценностей. Так например, именно на него направлено действие, убеждающее его, что «затраты эскалации будут большими, превышая негативные последствия сдержанности». По своей сути это убеждение не делать что-либо против интересов США из-за угрозы последующего наказания.

Вторая группа это возможный иррационально мыслящий противник, который не боится наказания, так как «ему нечего терять». На него направлено действие типа «США могут эффективно защитить своих союзников от нападения» или «применение ОМП скорее укрепит, чем подорвет решимость США». Эти воздействия скорее можно отнести к пассивной защите. Задача заключается в том, чтобы убедить противоположную сторону воздержаться от применения ОМП против США и их союзников из-за его неэффективности изменить политику США.

Несмотря на присущие рациональной модели недостатки, эта модель остается краеугольным камнем американского стратегического сдерживания. В частности, «Концепция стратегического сдерживания совместных операций» базируется именно на этой основе. В концепции утверждается: «Почти все принимающие решение противники будут действовать в соответствии с логикой рационального собственного интереса. По определению, собственный интерес противника рассматривается с точки зрения его культуры, религии, идеологии и личных интересов. Этот интерес часто противоречит американским и западным нормам. Рациональный собственный интерес может включать внутренние организационные факторы, а также соображения относительно внешней среды»¹.

1.5. Современное развитие стратегии сдерживания — от глобального к многоуровневому сдерживанию

С одной стороны, из-за сохранения важности стратегии сдерживания, а с другой стороны, из-за появления новых угроз в американской экспертной среде снова возникла потребность рассмотреть суть сдерживания. Становилось очевидно, что «на практике сдерживание не является *статичной концепцией* (курсив мой. — *О.И.*). Ключ сохранения сдерживания заключается в создании внушающей доверие угрозы не-

¹ Strategic Deterrence Joint Operating Concept, Department of Defense, Washington D.C., February 2004.

приемлемого противодействия»¹. В этой связи были подняты существенные вопросы: может ли парадигма «Гарантированной уязвимости» и модель «общего рационального противника» продолжать служить основой стратегии сдерживания в условиях современного мира для противостояния новым вызовам национальной безопасности США? В целом, «могут ли расчеты и положения традиционного сдерживания обеспечить основу для эффективных стратегических сил, чтобы сдерживать новые ядерные государства и негосударственных акторов в мире стратегической многополярности?»² В практической плоскости вопрос назрел и начал изучаться в администрации Б.Клинтона. В 1999 г. министр обороны США У.Коэн утверждал: «У нас есть инструмент сдерживания против нападения России... Но настоящий вопрос возникает, как мы можем иметь дело с такой страной, как Северная Корея, или потенциально с Саддамом Хусейном, который развивает свою ракетную программу с ядерным оружием?»³.

Стратегия сдерживания опять оказалась в центре внимания американского военно-политического истеблишмента и экспертного сообщества. Поскольку в основе стратегии лежало ядерное оружие, то встал вопрос о пересмотре тех целей, на которые это оружие и было направлено и тех ролей, которые оно играло, а именно:

- «1) сдерживание преднамеренного ядерного нападения;
- 2) сдерживание широкомасштабных войн без применения ядерного оружия;
- 3) компенсация возможной неадекватности обычных сил, включая необходимость сдерживания или ответ на нападения с применением химического или бактериологического оружия. Но эти роли стали менее актуальными и менее релевантными после окончания «холодной войны», чем это было раньше»⁴.

В этих условиях обозначились три подхода к стратегии сдерживания.

Первый подход. Сдерживание сохраняет свою актуальность, оставаясь эффективным инструментом американской политики. После окончания «холодной войны» «основные положения «Гарантированной уязвимости» остаются главным образом не рассмотренными и не под-

¹ Maintaining Nuclear Deterrence in the 21st Century, United States Senate, Republican Policy Committee, July 16, 2005. P. 2.

² Searching for National Security in an NBC World. Edited by J.Smith. INSS Book Series, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. July 2000. P. 20.

³ *Cohen W.* Testimony on the FY 2000, Department of Defense Authorization Request, Senate Armed Services Committee, Federal News Service transcript, February 3, 1999. P. 42.

⁴ The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997, P. 16.

вергнутыми сомнению, а противники считаются предметом политики сдерживания США, они рациональны, разумны, хорошо информированы и предсказуемо напуганы серьезными угрозами США»¹. По мнению сторонников данного подхода, парадигма гарантированной уязвимости остается теоретической основой для тех, кто уверенно утверждает без знания конкретного противника или контекста, что поскольку ядерное сдерживание сработало в период «холодной войны», оно сработает и в будущем»². Этот подход по-прежнему основывался на рациональной модели, а логика такого мышления заключалась в следующем понимании: «Пока США обладают способностью ответного ядерного удара, они (противники. — О.И.) не осмелятся пойти на крайние меры»³. Такой точки зрения придерживается в первую очередь часть консервативных американских политиков и экспертов. Они считают: «Ядерное оружие остается главным средством устрашения врагов США. Стратегия, которая позволила выиграть «холодную войну», также необходима — пусть и в более осовремененном виде — для того, чтобы выиграть войну с терроризмом»⁴. В соответствии с этим подходом однозначность и эффективность стратегии сдерживания остаются неизменными, даже несмотря на те изменения, которые произошли в характере угроз.

Второй подход. Сторонники данного подхода выражали свое несогласие с переносом стратегии сдерживания из периода «холодной войны» в условия разворачивающегося многополярного мира. При этом они ссылаются на мнения высокопоставленных официальных американских лиц. В частности, характеризуя современную ситуацию, бывший министр обороны США Д.Рамсфелд заявлял: «Мы вступили в эру, где противники представляют из себя маленькие ячейки, разбросанные по всему земному шару. Тем не менее, американские силы по-прежнему организованы таким образом, чтобы воевать с большими армиями, флотами и авиацией противника. Все это направлено на поддержку *статического сдерживания* (курсив авт. — О.И.), которое неприменимо к противникам, не обладающим территорией для обороны, и не имеющим договоров для выполнения»⁵. Развивая этот тезис, сторонники данного подхода утверждают, что таких противников вообще невозможно сдержать и следовательно стратегия сдерживания устарела и неэффективна. В этом ключе высказался патриарх

¹ Payne K. Op.cit. P. 155.

² Ibid. P. 72.

³ Ibid. P. 72.

⁴ Флейтон Л. Как Буш-младший научился любить Бомбу // Spiegel. 2005.1 апреля. <http://www.inosmi.ru/translation/218545.html>.

⁵ Testimony As Prepared for Delivery by Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld, Senate Armed Service Committee, Washington, DC, Thursday, September 23, 2004. <http://www.defenselink.mil/speeches/2004/sp20040923-secdef0783.html>

американской дипломатии Г.Киссинджер: «Наиболее очевидные цели для упреждающей стратегии — это террористические организации. Они не могут быть сдержаны, потому что им нечего реального терять»¹. Также сторонники этого подхода ссылаются на некоторые положения американской стратегии национальной безопасности (2002 г.), где говорится: «Неспособность *сдержать* (курсив авт. — О.И.) потенциального нападающего, близость сегодняшних угроз и масштаб потенциального ущерба, который может быть вызван выбором наших противников, не оставляет нам этого выбора (имеется в виду сдерживание. — О.И.)»². Близкую точку зрения высказывают и российские исследователи А.Олегин и В.Сатаров: «Традиционную стратегию сдерживания, которая определяла политику США на протяжении десятилетий, сменила стратегия упреждающих силовых действий»³.

Нужно признать, что официальная позиция военно-политического руководства США относительно стратегии сдерживания неоднозначна и отчасти противоречива. Например, заявление министра обороны США Рамсфелда: «Мы должны отложить в сторону удобные способы мышления и планирования, рисковать и испытывать новое, дабы мы могли подготовить наши силы *сдержать* (курсив авт. — О.И.) и побеждать противников, которые еще не появились и не бросили нам вызов»⁴. В то же самое время в стратегии национальной безопасности признается, что стратегия сдерживания сегодня неэффективна особенно против асимметричных угроз. «В «холодную войну», особенно после Кубинского (имеется в виду Карибский. — О.И.) ракетного кризиса, перед нами стоял в целом неизменный и избегающий риск противник. Сдерживание было эффективной обороной. Но маловероятно, что сдерживание, основывающееся только на угрозе возмездия, работает против руководителей стран-изгоев, более склонных к рискам, ставящим на карту жизни своих народов и богатство своих стран»⁵.

На эту сторону обращает внимание часть американских экспертов. Известные политологи сотрудники авторитетного мозгового центра Совета по внешним отношениям А.Даалдер и Дж.Линдсей, анализируя доктрину Буша-младшего, утверждают: «Он (имеется в виду президент Дж.Буш. — О.И.) поддержал доктрину упреждения и отказался

¹ Kissinger H. American strategy and pre-emptive war // International Herald Tribune, 2006. April 13.

² The National Security Strategy of the United States, Washington D.C. September 20, 2002.

³ Олегин А., Сатаров В. США: ставка на абсолютное превосходство // Отечественные записки, 2005. №5. С. 153.

⁴ Rumsfeld D. Speech at National Defense University, Washington, D.C., 2002. 31 January. <http://www.defenselink.mil/speeches/2002/s20020131-secdef.html>

⁵ The National Security Strategy of the United States, Washington D.C. September 20, 2002.

от проверенных стратегий устрашения и сдерживания».¹ В то же самое время политологи М.О'Ханлон, С.Райс и Дж.Стейнберг указывают на некоторую нечеткость в самой стратегии национальной безопасности США в части сдерживания, подчеркивая «несмотря на двусмысленность стратегии национальной безопасности об относительных ролях сдерживания и упреждения в нынешней стратегии безопасности...»².

Противоречивое восприятие роли и сути сдерживания американским руководством сегодня поразило и самих американских экспертов. Те же А.Даалдер и Дж.Линдсей вместе с бывшим начальником управления стратегического планирования Государственного департамента США Дж.Стейнбергом в своем другом исследовании отмечают: «Вопреки большинству сообщений средств массовой информации и комментариям некоторых официальных лиц Стратегия (имеется в виду стратегия национальной безопасности от 2002 г.) не объявляет сдерживание отжившим. Утверждая, что Соединенные Штаты «должны создать и поддерживать нашу оборону дальше вызовов», она четко констатирует, что американские военные силы должны быть в состоянии «сдерживать угрозы американским интересам, союзникам и друзьям»³. Объяснением такого противоречия может быть заключение, сделанное А.Даалдером, Дж. Линдсейем и Дж.Стейнбергом: «Вообще, стратегия просто *расширяет роль сдерживания* (курсив авт. — О.И.) в американской политике национальной безопасности. Предназначение сильных вооруженных сил не просто сдержать противника на поле боя, но также «отговорить потенциальных противников от наращивания военной силы в надежде превзойти или сравняться с силой США»⁴. Близкой точки зрения придерживаются и некоторые российские эксперты. В частности, Б.Корсаков замечает, что «особо опасно попадание ядерного оружия в руки государств с тоталитарными режимами. В таких государствах не может действовать ни один из аспектов механизма ядерного сдерживания»⁵. Столь противоречивые оценки как среди официальных лиц, так и среди экспертов, подтверждают тот факт, что есть понимание того, что с традиционной стратегией сдерживания нужно что-то делать, но не совсем понятно что. Может стоит и вообще от нее отказаться. Во всяком случае, по их мнению, меняется суть и место стратегии сдерживания, что подводит к третьему подходу к сдерживанию в настоящее время.

¹ *Daalder I., Lindsay J.* From Bush's Foreign Policy Revolution: A Radical Change, Minneapolis-St. Paul Star Tribune, September 26, 2004.

² *O'Hanlon M., Rice S. and Steinberg J.* From The New National Security Strategy and Preemption, Policy Brief # 113, The Brookings Institution, 2002.

³ *Daalder I., Lindsay J., Steinberg J.* The Bush National Security Strategy: An Evaluation, Policy Brief # 109. The Brookings Institution, 2002.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Корсаков Г.* Реформирование вооруженных сил США. М., ИМЭМО, 2006. С. 63.

Третий подход. Странники этого подхода полагают, что сложившаяся стратегическую реальность можно охарактеризовать следующим образом: «Соединенные Штаты стоят перед перспективой множества потенциальных противников с различными или неопределенными мотивами, новыми источниками и расположениями конфликтов, а также подвижными союзническими отношениями»¹. Появились такие вызовы безопасности США, которых не было ранее или которые не представляли серьезной опасности в период «холодной войны». Это потребовало изменений подходов к достижению целей в области безопасности и нейтрализации асимметричных угроз. «В Президентской директиве № 17 о политике национальной безопасности (*National Security Presidential Directive 17 — NSPD 17*) отмечалось, что более разнообразные и менее предсказуемые угрозы ...требуют применения новых методов сдерживания»². Хотя данная директива не конкретизировала суть «новых методов сдерживания», сама постановка задачи позволяла говорить о том, что от сдерживания как о стратегии американское руководство не отказывается, а лишь требует откорректировать сущность сдерживания в соответствии с новыми условиями.

В развитие этого подхода была выпущена еще одна директива. В Президентской директиве национальной безопасности №23 (NSPD — 23) от 2002 г. говорится: «Настоящая развивающаяся ракетная угроза от враждебных государств коренным образом отличается от угроз периода «холодной войны» и требует отличного подхода к сдерживанию и новых инструментов к обороне. Стратегическая логика прошлого не может применяться к этим угрозам. Мы не можем полностью зависеть от наших возможностей сдерживать их. По сравнению с Советским Союзом их руководители часто более склонны к риску. Они также рассматривают ОМП как оружие выбора, а не крайнего средства. ОМП их самое смертоносное средство, направленное на компенсацию нашего перевеса в силах общего назначения. Это позволит им достигать свои цели с помощью силы, принуждения и запугивания»³. Из такого определения следует, что стратегия сдерживания хотя и остается актуальной, но требует адаптации к новым условиям и более гибкого применения с учетом появления разноплановых угроз по сравнению с периодом «холодной войны». В той же президентской директиве подчеркивается: «Сдерживать эти угрозы (речь идет о приведенных выше угрозах. — О.И.) будет трудно. Нет взаимопонимания или надежных

¹ *Goure D. Nuclear Deterrence, Then and Now // Policy Review, Hoover Institute, 2005. №116.*

² *Стивенсон Дж. Стратегия сдерживания и профилактики терроризма // Международные процессы. 2005. Т.3. Сентябрь — декабрь С.2.*

³ *National Security Presidential Directive/NSPD-23, White House, Washington D.C., 2002. December 16.*

линий коммуникаций с этими государствами. Более того, динамика сдерживания отличается от периода «холодной войны», когда мы стремились удержать Советский Союз от расширения за свои границы»¹.

Тем не менее, сама концепция сдерживания остается основой военно-политического планирования США. Об этом свидетельствует нововведение в рамках доктрины Рамсфелда. Министр обороны США Рамсфелд утверждал: «Вместо сохранения двух оккупационных сил мы решили сделать акцент на *сдерживании* (курсив мой — О.И.) на четырех важных театрах (имеется в виду театр военных действий. — О.И.)»². Но новые задачи требуют нового наполнения концепции сдерживания. По мнению Рамсфелда: «Сегодня наши противники изменились, поэтому изменились наши расчеты сдерживания. Террористы, которые нанесли удар 11 сентября, не были сдержаны массивным американским ядерным арсеналом. Нам нужно найти новые способы сдерживать новых противников. Вот почему президент Буш по-новому относится к сдерживанию: оно сочетает значительные сокращения ядерных наступательных вооружений с совершенствованием неядерных возможностей и противоракетной обороны, которая может защитить Соединенные Штаты и их друзей, войска и союзников от ограниченного ракетного нападения»³. С другой стороны, возрастает и роль концепции «расширенного сдерживания». «Расширенное сдерживание может быть даже еще важнее сегодня в эпоху распространения ОМУ и стратегических вооружений, чем это было в период «холодной войны». Если США откажутся от «расширенного сдерживания», защищая наших союзников, то они будут склоняться к тому, чтобы развивать собственные возможности ОМУ, как способ сдерживания региональных угроз. В добавление США все больше зависят от иностранных баз для поддержки стратегии проецирования неядерной военной силы. Такие базы тоже могут стать целями для нападения с применением ОМУ. Большое доверие союзников и партнеров по коалиции, стоящих перед угрозой ОМУ, наверняка потребует расширения на них ядерных гарантий»⁴.

Одновременно Рамсфелд предлагает и более широкую трактовку концепции сдерживания, в частности: «Мы должны найти способы повлиять на принятие решения потенциальных противников, сдерживая их не только от применения существующего вооружения, но и в первую очередь от создания нового опасного»⁵.

¹ National Security Presidential Directive/NSPD-23, White House, Washington D.C., December 16, 2002.

² *Rumsfeld D.* Transforming the Military // Foreign Affairs, May/June, 2002. P. 24.

³ *Ibid.* P. 29.

⁴ *Goure D.* Nuclear Deterrence Then and Now // Policy Review, Hoover Institute, №116, 2005.

⁵ *Rumsfeld D.* Transforming the Military // Foreign Affairs, May/June, 2002. P. 27.

В связи с этим возникает вопрос: насколько эффективно США способны сдерживать своих противников, полагаясь на стратегию сдерживания в новых условиях?

Для того чтобы попытаться ответить на этот вопрос необходимо обратиться к тем мотивациям, которые, по мнению американских экспертов, подталкивают разные страны приобрести ядерное оружие. Тем более, что все большее количество государств стало стремиться приобрести ядерное оружие, тем самым, бросая вызов интересам США в различных регионах. Причины необходимости наличия ядерного оружия должны учитываться для выработки стратегии сдерживания США. По мнению К.Уолтца, это стремление государств объясняется следующими факторами:

- великие державы всегда противостоят оружию других ядерных держав, обычно подражая тем, кто приобрел новое оружие;
- государство может захотеть иметь ядерное оружие из-за страха, что его союзник великая держава не нанесет удар возмездия, если другая великая держава совершит нападение;
- страна без ядерных союзников сильнее захочет приобрести ядерное оружие, если им обладают противники;
- страна может захотеть обладать ядерным оружием из-за того, что она живет в страхе от сил общего назначения своих настоящих и будущих противников;
- некоторые страны могут находить ядерное оружие более дешевой и безопасной альтернативой, чем экономически разрушительная и с военной точки зрения более опасная гонка обычных вооружений;
- страны могут захотеть обладать ядерным оружием для наступательных целей;
- создавая ядерное оружие, страна может надеяться укрепить свой международный статус¹.

Исходя из этих мотиваций, можно сделать вывод, что вероятно дальнейшее распространение ядерного оружия и появление новых ядерных держав, стремящихся стать региональными лидерами и затрагивающими тем самым американские жизненно важные интересы в различных регионах мира. Такое развитие ставит перед руководством США необходимость не только совершенствовать глобальную стратегию сдерживания, но и развивать региональную стратегию сдерживания. В этом случае возникает потребность в изучении, во-первых, мотивации противника, а во-вторых, его уязвимости. Этот фактор вносит свои коррективы в возможность обеспечения безопас-

¹ *Waltz K. The Spread of Nuclear Weapons: More May Better, Adelphi Papers, Number 171, London: International Institute for Strategic Studies, 1981. P. 7-8.*

ности США. Согласно исследованию, проведенному экспертами корпорации РАНД К.Уэтмэну и Д.Уилкенингу:

- многие региональные противники готовы пойти на значительные риски, потому что они часто вступают в кризисы из стремления избежать потерь, т.е. потери территории, силы относительно внешних угроз и сохранить политическую власть внутри страны;
- региональные противники могут продемонстрировать значительную решимость, потому что обычно в региональных кризисах затрагиваются коренные интересы этих стран;
- ядерное оружие дает региональным державам средства нанести значительный ущерб США, т.е. тот ущерб, который перевесит интересы США во многих регионах мира¹.

Для того чтобы проводить эффективную стратегию сдерживания в современных условиях, необходимо выработать такую стратегию, которая соответствовала бы требованиям, позволяющим сдерживать разнообразных региональных противников. Более того, как считает политолог Гуре: «Типы угроз для США и имеющиеся возможности, которые могут быть необходимы на последующие двадцать пять лет будут настолько различны, насколько различны те вызовы и те контексты, которые будут стоять перед Вашингтоном. Некоторые будущие противники могут быть сдержаны угрозами в отношении их противостоющих целей, для этого потребуется небольшое количество, если вообще, американского ядерного оружия. Другие противники, более мотивированные и весьма терпимые к рискам и затратам, могут быть сдержаны только серьезными угрозами в отношении многих видов целей, требуя значительных американских ядерных возможностей²». Исходя из такого понимания стратегических реалий, перед американским экспертным сообществом стала новая задача, которая заключалась в необходимости разработки новых критериев, способных, не отбрасывая стратегии сдерживания в целом, сделать ее адекватной по отношению к тем угрозам и вызовам, которые появились для США после окончания «холодной войны». Как условия для реализации такой стратегии в исследовании, проведенном корпорацией РАНД, выделяются следующие:

- «1) оценка характера и мотивации региональных ядерных противников;
- 2) развитие путей создания внушающих доверие угроз;

¹ *Watman K., Wilkening D.* U.S. Regional Deterrence Strategies. Santa Monica, RAND, Arroyo Center, 1994. P. 3.

² *Goure D.* Nuclear Deterrence Then and Now // Policy Review, Hoover Institute, 2005. №116.

3) приобретение военных способностей, необходимых убедительно реализовать стратегии лишения и наказания»¹.

Современная стратегия сдерживания должна учитывать изменившийся характер угроз и противников в целом и должна проводиться на разных уровнях. Акцент на стратегический (ядерный) уровень сдерживания может оказаться неэффективным. Необходимо обратить внимание на конвенциональный уровень и на это указывают эксперты корпорации РАНД: «Имеются существенные причины подозревать априори, что наиболее эффективные стратегии сдерживания региональных противников, угрожающих американским интересам, отличаются от американской стратегии сдерживания, направленной на Советский Союз во время «холодной войны». Это так, потому что многие фундаментальные предположения о конфликте с Советским Союзом, которые подкрепляли американское сдерживание, могут быть неадекватны, когда сдерживание применяется для весьма различных целей против различных типов государств и режимов»². Авторы исследования К.Уэтмэн и Д.Уилкенен полагают, что на стратегическом уровне их подход также адекватен. Те же критерии могут использоваться и при сдерживании конвенциональных угроз, исходящих от различных режимов, в условиях многообразия таких угроз. Уэтмэн и Уилкенен сопоставляют задачи конвенционального сдерживания с потенциальными конвенциональными противниками в специфическом региональном контексте. Таблицы 1.4. и 1.5. раскрывают отдельные положения, подкрепляющие стратегическое сдерживание в условиях стратегической биполярности и многополярности.

Во время «холодной войны» руководство США полагало, что его восприятие стратегической реальности по большому счету совпадало с советским восприятием. В то же самое время видение реальности лидерами региональных держав, а также их понимание своих национальных интересов отличается в значительной степени от американских. В таблице 1.4. сравниваются интересы США и новых потенциальных ядерных стран.

В условиях «холодной войны» и принятия модели «общего рационального противника» стратегические силы США обладали потенциалом сдерживания Советского Союза от нападения на территорию США и их союзников. При этом имелось в виду, что они обладают способностью нанести неприемлемый ущерб. Американское военно-политическое руководство достаточно четко представляло, каков должен быть неприемлемый ущерб и какие цели для этого необходимо поражать. Был составлен список стратегических объектов, кото-

¹ *Watman K., Wilkening D.* U.S. Regional Deterrence Strategies. Santa Monica, RAND, Arroyo Center, 1994. P. 3.

² *Ibid.* P.3.

Таблица 1.4

Стратегическая биполярность	Стратегическая многополярность
Характер и мотивация СССР	Характер и мотивации стран «третьего мира»
1. Предполагается, что советское руководство понимало опасность и возможности современного оружия. Следовательно, США мало беспокоил тот факт, что стратегия сдерживания на основе ядерного оружия будет минимизирована советским руководством.	1. Руководители многих стран «третьего мира» могут иметь неполное представление о современных военных возможностях, особенно о возможностях передового обычного вооружения последних десятилетий. Следовательно, они будут более склонны к риску.
2. Предполагается, что советское руководство ценило советское население и экономику. Также предполагалось, что руководство Советского Союза чувствовало свою ответственность за благополучие советских людей, и будущее Советского Союза как модели для подражания имело значение.	2. Во многих режимах «третьего мира» может быть мало аналогичного чувства ответственности или долга по отношению к собственному населению и его благополучию.
3. На протяжении почти всей «холодной войны» американская стратегия основывалась на предположении, что Советский Союз был удовлетворен своим статусом и перспективами на будущее, поэтому он не пойдет на большой риск, который мог бы угрожать ему, таким образом, предпочтителен уход от риска, а не склонность к нему.	3. Многие государства «третьего мира» могут быть хронически неудовлетворены своим статусом и перспективами на будущее. Таким образом, убеждение, что их статус-кво и перспективы являются маргинальными, может быть ассоциировано со склонностью к большему риску. По определению, государства готовы пойти на риски, труднее поддаются сдерживанию, при равных прочих условиях.

Эта таблица обобщена из исследования *Watman K., Wilkening D. U.S. Regional Deterrence Strategies*. Santa Monica, RAND, Arroyo Center, 1994. P. 3-6.

рые по мнению американского руководства, представляли большую ценность для Советского Союза и подлежали уничтожению или нанесению заданного ущерба. В целом было понятно, как реализовывать стратегию сдерживания, каков его механизм и была большая степень уверенности, что сдерживание сработает. Соответственно под эти задачи развивались и стратегические ядерные силы. В тех условиях американское руководство полагало, что «советские лидеры больше всего ценили четыре принципиальные категории целей:

- стратегические ядерные силы;
- руководство;
- предприятия военно-промышленного комплекса;
- другие военные цели»¹.

¹ Searching for National Security in an NBC World. Edited by J.Smith. INSS Book Serious, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. July 2000. P. 40.

Таблица 1.5

*Особенности стратегического сдерживания в условиях биполярности
и многополярности*

Стратегическая биполярность	Стратегическая многополярность
Угрозы возмездия со стороны США, чтобы сдержать ядерное нападение СССР, считались вполне внушающими доверие, потому что самые важные интересы были поставлены на карту.	Почти во всех региональных кризисах угрозы национальным интересам США не будут аналогичной величины. Проблема может быть обострена тем фактом, что ядерное оружие часто не будет для США оружием выбора, чтобы создать сдерживающие угрозы. Сил общего назначения, хотя они внушают большее доверие, может быть недостаточно, чтобы они сдержали региональных противников.
Оценка на основе анализа «затрата-выгода» в рамках «общего рационального противника» была бы неудовлетворительной в этой ситуации из-за расчета затрат, а также таких факторов, как время, ресурсы, потери, политическая поддержка, которые будут представлять из себя различные ценности в некоторых не западных обществах. Это не тривиальный вопрос, т.к. достаточно вспомнить первую реакцию американских военнослужащих на нападения японских камикадзе на флот недалеко от Окинавы во время Второй мировой войны. Среди более современных событий это атаки террористов на казармы морских пехотинцев и другие акты террора, которые указывают на то, что ценности человеческой жизни рассчитываются отлично от западных традиций. Таким образом, понимание культуры является существенным фактором для разработки стратегии сдерживания в региональном контексте*.	

* Эта таблица обобщена из исследования *Watman K., Wilkening D. U.S. Regional Deterrence Strategies. Santa Monica, RAND, Arroyo Center, 1994. P. 6-7.*

К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг обращают внимание на то, какие цели преследуют региональные противники США. Во-первых, они предпримут попытки сдержать США и не дать вмешаться в региональный конфликт. Во-вторых, они постараются запугать региональных американских союзников. В-третьих, противники США будут стремиться обеспечить выживание своих правительств и режимов. Проанализировав возможные американские региональные стратегии сдерживания, К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг делают вывод, что американское руководство должно принимать во внимание следующие общие факторы:

- региональных агрессоров может быть трудно сдержать, если они ожидают, что не смогут удержать свою власть путем отказа от рискованных действий;
- чтобы компенсировать восприятие недостаточной решимости, США должны поддерживать восприятие своих военных возможностей, в частности тех, которые лишают противника возможности достичь военные цели;

- в целом, США следует действовать избирательно в тех ситуациях, в которых они пытаются сдерживать агрессию¹.

В своем исследовании К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг пытаются решить несколько проблем. *Первая проблема* связана с тем, насколько трудно будет сдерживать региональных агрессоров. Исследователи снова обращают внимание на проблему рационализма и иррационализма как концептуальной основы применения военной силы региональными противниками США. «Прогнозируя возможные действия регионального агрессора при угрозе сдерживания, важно признать, что то, что видится как иррациональное поведение, таковым по мнению противника бывает редко. Режим, намеревающийся атаковать американские интересы, будет взвешивать потенциальные затраты и приобретения при нападении, сравнивая их при воздержании от нападения. Если государство относительно удовлетворено своими перспективами и бросает вызов США или их союзникам с целью расширить свои перспективы, то возможность, что оно что-то потеряет вместо того, чтобы приобрести, может служить достаточным фактором сдерживания. В то же время, если режим предвидит мрачное и ухудшающееся для него будущее и если он полагает, что имеется хоть какой-то шанс, даже небольшой избежать дальнейших потерь, предприняв действия против США, то режим может посчитать рациональным, пуститься в рискованное предприятие»².

Можно предвидеть, что вероятность развития подобных сценариев велика. Она особенно будет увеличиваться, если США будут и в дальнейшем проводить активную политику по смещению в различных регионах неугодных режимов, внедряя или расширяя демократию. «Подобные терпимые к риску режимы не являются редкими. Многие правительства «третьего мира» живут с хроническими угрозами своей безопасности. Эти угрозы часто возникают внутри государства. Из-за того, что нестабильность угрожает способности режима остаться у власти, его ставки очень высоки, а склонности к риску могут быть больше, чем они оцениваются американскими руководителями. Сдерживать такие режимы будет трудно и как минимум потребуются внушающие доверие угрозы, чтобы лишить режим целей для применения силы и, может быть, наказать его за агрессию»³.

Вторая проблема связана со способностью США передать региональному противнику внушающее доверие намерение сдерживать его. «Режим-агрессор подумает о том, действительно ли США серьезно

¹ Deterring Regional Aggression in the Post-Cold War Era, Rand Research, 1995. <http://www.rand.org/publications/RB/RB25/rb25.html>

² Ibid.

³ Deterring Regional Aggression in the Post-Cold War Era, Rand Research, 1995. <http://www.rand.org/publications/RB/RB25/rb25.html>

заинтересованы в объекте запланированной агрессии. Противник, изучающий готовность США защитить своего союзника, рассматривает это обязательство избирательно и во временном пространстве, часто при этом учитывая значительные затраты (как финансовые, так и политические). Во многих региональных кризисах США могут переживать трудности, убеждая противника, что их обязательства защитить регионального союзника сильны¹. К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг подчеркивают, что восприятие региональными лидерами американских интересов, а следовательно и намерений США может меняться. Это зависит от сменяющих друг друга администраций в Вашингтоне и от меняющихся ситуаций. Операция «Буря в пустыне» 1990-91 гг. и свержение режима С.Хусейна в Ираке в 2003 г. подтвердили намерение США защитить свои нефтяные интересы на Ближнем Востоке. По мнению региональных лидеров, вполне вероятно, что неоднократное применение военной силы США в этом регионе вовсе не означает, что она будет снова применена, в другом, например в Боснии, для разрешения гуманитарных проблем. Особенно такая уверенность может возникнуть, если не решить еще одну проблему.

Третья проблема имеет отношение к способности США применить военную силу. В этой связи возникает вопрос: какие способности необходимы, чтобы укрепить сдерживание? К.Уэтмэн и Д.Уилкенинг убеждены: «Когда они прибегают к силе, региональные противники обычно стремятся к коротким и «дешевым» войнам. Следовательно, наиболее впечатляющими американскими военными силами будут те, которые могли бы лишить (противника. — О.И.) быстрой и решительной победы. Другими словами, силы, уже размещенные в регионе, или те, которые могут дислоцироваться быстро, будут обладать наибольшим сдерживающим эффектом. Медленно прибывающие силы общего назначения могут быть эффективны в откате противника, но агрессор может не поверить, что они в самом деле будут передислоцированы в ответ на свершившийся факт. Конечно, ядерное оружие обладает наибольшей способностью «лишить» противника своих целей, но в значительной степени возможность его применения большинством противников не берется в расчет в условиях региональных конфликтов, где участвуют силы общего назначения. Однако режим может чувствовать себя менее защищенным, если он применит химическое или бактериологическое оружие и в этом случае США успешно держат своих противников в неведении. Что касается противников, готовых идти на большой риск, то угрозы сдерживания могут выходить за пределы «лишения» и переходить к «наказанию». В частности,

¹ Detering Regional Aggression in the Post-Cold War Era. Op. cit.

США могут пожелать усилить атаки на военные и внутренние силы безопасности, а также другие структуры, которые помогают противнику оставаться у власти. Такого рода нападения могут заставить региональные державы быть более осторожными¹.

Четвертая проблема связана с тем, насколько широко США могут прибегать к стратегии сдерживания. Здесь возникает вопрос о способах эффективной реализации стратегии. «Они (США. — О.И.) могут размещать силы передового базирования или сохранять возможность быстрой проекции силы в беспокойные регионы. Они могут проводить частые военные учения, нацеленные на демонстрацию американских способностей на «лишение» (противника его возможностей. — О.И.). Также при отдельных обстоятельствах США могут оставить за собой очевидный ядерный выбор»².

При всей логичности и убедительности предложенной К.Уэтмэном и Д.Уилкенингом региональной стратегии сдерживания, тем не менее, остается уязвимость, на которую обращают внимание сами американские эксперты. С одной стороны, это связано с небезграничными финансовыми возможностями США. С другой стороны, «американские способности сдерживать готовые к риску режимы ограничены определенным количеством ситуаций. Теми ситуациями, в которых поставлены на карту важные американские интересы (например, Корея и Персидский залив и, возможно, некоторые другие), где американские способности сдерживания могут разубедить противника от совершения агрессии»³.

Такое понимание объясняет, почему может быть так трудно сдерживать региональных агрессоров. Это чрезвычайно сложно сделать сейчас также и потому, что возможности развивать меры доверия по уменьшению риска на данный момент не развиты. Новая стратегия сдерживания должна опираться на политические и военные средства с теми критериями, которые в период «холодной войны» в значительной степени оставались без внимания. Соответственно, американский эксперт Кертиг предсказывает «трудное будущее для международной стабильности, а также уменьшающуюся способность США повлиять на события и проецировать свою силу в регионы, представляющие интерес. В мире разнообразных региональных ядерных держав и негосударственных акторов с доступом к оружию массового уничтожения модель «общего рационального противника» неприемлема в качестве основы сдерживания»⁴.

¹ Detering Regional Aggression in the Post-Cold War Era. Op. cit.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Searching for National Security in an NBC World. Ed. by J.Smith. INSS Book Serious, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. July 2000. P. 29.

Появление новых государственных и негосударственных акторов в международных отношениях, угрожающих безопасности США, представляет новые вызовы для стратегии сдерживания. Здесь возникают вопросы: сколько стратегических сил будет достаточно? На кого они будут нацелены? Ответы на них должны помочь начать формулировать новую стратегию сдерживания. В то же время дать ответ на вопрос «сколько нужно?» уже не является достаточным. Как отмечает К.Пэйн: «Предположим, общий разумный противник будет представлять значительный риск. В отличие от прошлого опыта цели сдерживания второго ядерного века потребуют, по крайней мере, столько же внимания, чтобы ответить на вопрос: «Сколько ты знаешь?» о противнике, как и ответ на традиционный вопрос: «Сколько достаточно?»¹.

Наличие только одной стратегии сдерживания, построенной на основе «парадигмы гарантированной уязвимости», уже недостаточно. Требуется пересмотр всех элементов стратегических сил и политики. Закономерен вопрос: каков характер новых целей? И какая стратегия сдерживания может применяться, если она вообще будет уместна? Американские эксперты склоняются к тому, чтобы разделить цели/угрозы на два уровня: первый уровень это традиционные цели как Россия и Китай, т.е. те государства, которые либо как Россия сопоставимые по своему ядерному потенциалу с США или как Китай, способный нанести серьезный ущерб США. В этом случае, «подход периода «холодной войны» на основе «взаимно гарантированного уничтожения» вполне может быть уместен для сдерживания российской стратегической ядерной угрозы и потенциальной угрозы со стороны Китая как проблемы первого уровня»². Имеющаяся структура американских вооруженных сил в целом и стратегических в частности в значительной степени отражает реальности периода «холодной войны». Они направлены против угроз примерно равного противника. На стратегическом уровне к такому может относиться Китай. В отношении угроз первого уровня в целом классическая стратегия сдерживания рассматривается как прежний эффективный способ обеспечения безопасности США и их союзников.

Что касается угроз второго уровня, то к ним относятся региональные державы и региональные лидеры, как Северная Корея, Иран, стремящиеся приобрести ядерное оружие и ОМП, и способные затронуть жизненно важные интересы США и их союзников. Обозначенная США политика в отношении этих государств предполагает расширение ядерного сдерживания и переноса его и на эти государства. Соответственно повышается и роль ядерного оружия как инструмен-

¹ Payne K. Op. cit. P. 157.

² Searching for National Security in an NBC World. Op. cit. P. 44.

та сдерживания. «Критерии сдерживания ядерных государств второго уровня будут представлять более сложную проблему, так как США не могут рисковать своей безопасностью, прибегая к стратегии сдерживания этих государств на основе взаимной уязвимости. США должны развивать стратегию сдерживания и привязанную к ним структуру сил, которые сохраняют возможность вести боевые действия с любым региональным лидером или группой региональных ядерных держав»¹. Этот подход обуславливает необходимость, во-первых, смещения акцента с угроз первого уровня на второй уровень как более сложный случай, а во-вторых, с отличного подхода к самой стратегии сдерживания. Как считают американские эксперты, весьма вероятно, что военно-политическое руководство стран, представляющих угрозы второго уровня, и совершивших региональную агрессию, будет значительно труднее сдержать угрозой нанесения удара по населению их стран и вероятностью больших потерь, в том числе и среди гражданского населения.

Для того, чтобы решить эту проблему, некоторые американские эксперты как У.Кертис, предлагают взять на вооружение подход «адаптированных стратегических опций». При планировании данный подход будет свободен от ограничений типичных для модели «общего рационального противника» и не будет связывать руки руководству США при выборе решения. Подход «адаптированных стратегических опций» может основываться на следующих составляющих:

- «необходимо отказаться от различий между стратегическими и тактическими уровнями;
- сдерживание должно быть сфокусировано на заявленной политике, подчеркивающей применение стратегической авиации, крылатых ракет, высокоточного оружия и субъядерного оружия, как внушающих доверие угрозам;
- акцент на модернизацию стратегической бомбардировочной авиации, связи и электронных систем, на стратегические крылатые ракеты и высокоточное оружие;
- ключевым фактором является развитие способности анализировать факторы культуры, которые будут влиять на процесс принятия решения руководством стран. Предвидение склонностей этих руководителей к риску существенно в сдерживании региональных лидеров;
- совершенствование базы данных, которая может использоваться для модернизации планов по нацеливанию и стратегий сдерживания лидеров государств второго уровня;

¹ Searching for National Security in an NBC World. Op. cit. P. 44.

- рассмотреть сохранение как отдельной силы стратегических ядерных бомбардировщиков для выполнения стратегических ядерных задач;
- стратегическая триада не теряет своей значимости, обеспечивая эффективное сдерживание государств первого и второго уровня, и должна быть сохранена»¹.

Разъясняя свой тезис о стирании различий между стратегическим и тактическим уровнем, У.Кертис, отмечает, что применение стратегической авиации с территории США для поражения целей в Европе, как это было в Югославии в 1999 г., а также наличие нового поколения крылатых ракет и высокоточного неядерного оружия, сократило разрыв между «стратегическими» и «тактическими» задачами. Далее, он уточняет, что необходим отказ от многих крупных военных баз периода «холодной войны» и переход к более гибкому передовому присутствию. Одновременно должна стоять цель развивать свои способности проецировать военную силу в заданный район мира, а если надо и заменить передовое присутствие. Это свидетельствует, что традиционное различие между стратегическим и тактическим в разработке стратегии сдерживания второго уровня региональных ядерных держав неактуально.

В американском экспертном сообществе стали четче проводить линию на подчинение и ограничение ядерного оружия в стратегии сдерживания. Если в период «холодной войны» ядерное оружие было равнозначным сдерживанию, то в настоящее время акценты стали меняться. Как отметил ведущий научный сотрудник Р.Райн: «Дети «холодной войны» склоняются к тому, чтобы рассматривать сдерживание синонимично ядерному оружию. Независимо от того, в каких рамках: масштабированного возмездия, взаимно гарантированного уничтожения или избирательных ударов рассматривается ядерное оружие, оно висит как дамоклов меч в равной степени как над головами врагов, так и друзей»². Поддерживая тезис Райна о том, что стратегии сдерживания должна трактоваться шире, чем просто угроза применения ядерного оружия, группа военных экспертов США подчеркивает: «В то время как сдерживание по-прежнему остается фундаментальной частью американской внешней и военной политики, ядерное оружие *не равнозначно* сдерживанию. Более того, ядерное оружие играет существенную роль *в рамках* внушающей доверие стратегии сдерживания».³ Понимание ог-

¹ Searching for National Security in an NBC World. Op. cit. P. 46.

² Rhinne R. Deterrence and the Nuclear Weapons Complex, Draft for Comment, Sandia National Laboratories, Livermore, CA, April 18, 2000. P.1.

³ Nuclear Deterrence and Defense: Strategic Considerations. INSS Book Serious, February 2001, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs, February 2001. P. 19.

раниченности ядерного оружия как средства сдерживания вызвало необходимость рассмотрения иных средств или смены приоритетов.

Важной темой для критики концепции сдерживания остается характер и особенности реализации этой концепции в настоящее время. «США прибегают к общему сдерживанию политически провокационным способом. Многие правительства испытывают неудобство от военной силы, которая позволяет вести весьма не дорогостоящие (для американцев) войны, а также от расширения программ научно-конструкторских работ, направленных на то, чтобы сделать эту силу более эффективной (такие, как НПРО). Легко увидеть, почему американские оппоненты так себя чувствуют, но союзники тоже часто испытывают дискомфорт, опасаясь, что США могут использовать свою силу таким образом, что это может нанести им ущерб»¹.

1.6. Неядерное и совокупное сдерживание

С изменением характера угроз и появлением более современных видов обычных вооружений, дающих США превосходство над многими потенциальными противниками, появились новые взгляды на соотношение неядерных и ядерных возможностей в стратегии сдерживания США. Они стали менее зависимы от ядерного оружия и способны более гибко и разнообразно реагировать на опасности, используя конвенциональное вооружение. Как показывает американский опыт ведения войны во Вьетнаме, можно обладать ядерным оружием сдерживания, но проиграть войну более слабому противнику. Более того, эффективное применение конвенционального вооружения может позволить быстро и успешно завершить боевые действия, не дав им перерасти в широкомасштабную войну.

Некоторые военные эксперты и политологи стали склоняться к тому, что растущая эффективность неядерного сдерживания может сместить акценты в американском военном планировании на применение военной силы. В частности, в разработке Института стратегических исследований Колледжа сухопутных войск США подчеркивалось: «Сдерживание может принять отличную форму от той, которая была в недавнем прошлом, и потребовать некоторые изменения в военном вкладе в эту роль. Например, отсутствие соперничества супердержав может уменьшить доминирующую роль ядерного оружия в политике сдерживания. Появление государств «изгоев» или негосударственных акторов, которые могут получить доступ к ядерным ком-

¹ *Morgan P. Deterrence Now. Cambridge University Press, 2003. P. 95.*

понентам или материалам и которые не разделяют давнюю и высоко-развитую культуру сдерживания, появившуюся в годы «холодной войны», может усложнить ситуацию. В равной степени беспокоит рост государств, транснациональных организаций, криминальных групп и террористов, которые могут овладеть химическими и биологическими компонентами. Ввиду того, что эти группы могут питать надежду, что маловероятно или невероятно, что они подвергнутся адекватному возмездию, они могут быть равнодушны к такому наказанию, поэтому их может быть трудно сдерживать при помощи угрозы ядерного возмездия»¹. На снижение роли стратегического ядерного оружия указывают и российские эксперты: «Вместе с тем появление высокоточных стратегических и ядерных средств поражения может привести к снижению сдерживающей роли стратегического ядерного оружия»².

В связи с изменениями акцентов в стратегии сдерживания появились предложения пересмотреть значимость сил общего назначения в сторону их увеличения. «В результате, силы общего назначения, вероятно, будут играть все большую сдерживающую роль, чем в недавнем прошлом. Если, как это ожидается, США сохранят свою активную политику вмешательства в регионах, чтобы обеспечить стабильность, то количество потенциальных «сдерживаемых» будет достаточно значительным. Во-вторых, риски, представляемые потенциальными противниками, будут попадать в более широкий спектр конфликтов, чем это было ранее с относительно ограниченными требованиями ядерного сдерживания во время «холодной войны». Из-за того, что США могут пожелать обратить стратегию сдерживания на многие государства и акторы, которые не обладают ядерным оружием, американское ядерное возмездие, вероятно, покажется мировому сообществу непропорциональным, а следовательно не внушающим доверия. Из-за растущей важности конвенционального сдерживания политикам придется уделять все больше внимание созданию внушающим доверие механизмам сдерживания, таким как коалиции и союзы, передовое присутствие и размещение, принудительные санкции и эмбарго»³.

Также в американском руководстве появились сомнения в необходимости делать ставку исключительно или главным образом на ядерные средства. На слушаниях в Конгрессе США заместитель министра обороны Д. Фейт отмечал: «В некоторых случаях, где ядерное оружие могло быть использовано в качестве инструмента сдерживания и обороны в

¹ *Johnsen W.* The Future Roles of U.S. Military Power and Their Implications, U.S. Army War College, 1997. P. 7.

² *Коробушин В.* Метаморфозы ядерного сдерживания // Независимое военное обозрение, 2005. 15 апреля.

³ *Johnsen W.* Op. cit. P. 7-8.

прошлом, применение передовых неядерных возможностей или оборонительных систем сейчас может быть достаточно с военной точки зрения, представляя меньший риск для США и их союзников, и внушать большее доверие противникам»¹. Такое же мнение можно встретить и среди американского экспертного сообщества. В частности, политолог Д.Гуре считает, что «неядерные ударные силы способны не только доминировать на поле боя с применением обычного оружия, но и представлять риск для широкого ряда стратегических целей. Только этого может быть достаточно для сдерживания использования ОМУ»².

В этом свете по-иному стала оцениваться концепция «расширенного сдерживания». Если в период «холодной войны» она ассоциировалась с возможным применением ядерного оружия для защиты союзников и друзей США, в том случае, если они подверглись нападению со стороны Советского Союза или его союзников, то сейчас предлагается рассматривать концепцию «расширенного сдерживания» иначе. «Когда Соединенным Штатам противостояли противники, обладающие эффективными силами общего назначения, то они (США. — О.И.) зависели от своих ядерных сил для расширенного сдерживания. Сегодня американское расширенное сдерживание полагается на высокотехнологичное обычное вооружение, которое может быть таким же эффективным для достижения военных целей, как и ядерное оружие. Таким образом, американское военное превосходство позволяет США разделить расширенное сдерживание от опоры на ядерное оружие»³.

Те локальные войны, которые провели США начиная с операции «Буря в пустыне» (1991 г.) и по настоящее время, предоставили обширную базу для осмысления роли конвенционального оружия в рамках стратегии сдерживания. Некоторые авторитетные эксперты в области национальной безопасности, такие как П.Нитце, стали утверждать, что «Соединенным Штатам следует рассмотреть изменение главного стратегического инструмента сдерживания в виде ядерного оружия и переход к более внушающему доверие сдерживанию на основе конвенционального оружия, которое включало бы «умное» оружие. Это сдвиг, который мог быть оправданным, как холодный рациональный подход к новой стратегии безопасности и соответствовал бы морально правильному внешнеполитическому выбору»⁴. Это предложение Нитце получило свою поддержку еще у ряда экспертов из влиятельного мозгового центра РАНД Корпорейшн. Проведя ими-

¹ *Feith D.* Prepared Statement for the Hearing on the Nuclear Posture Review, Senate Armed Services Committee, Washington D.C., February 14, 2002. P.4.

² *Goure D.* Nuclear Deterrence Then and Now // Policy Review, Hoover Institute, №116.

³ *Ross R.* Navigating the Taiwan Strait // International Security, Vol. 27, №2, 2002. P. 64.

⁴ *Nitze P.* Is It Time to Junk Our Nukes? // Washington Post, January 16, 1994. P. C-1.

тационную игру по ведению войны «День после...» в 1993 г., аналитики М.Милот, Р.Моландер и П.Уилсон подтвердили вышеизложенный тезис П.Нитце. Они обосновывали растущую роль конвенционального оружия в рамках стратегии сдерживания следующими факторами:

«1) конвенциональное оружие приобрело противосиловые и противощенностные возможности, ранее достижимые только с помощью ядерных сил;

2) ядерные угрозы не внушают доверие в региональных случаях»¹.

Сторонники данного подхода также полагают, что в условиях отсутствия угрозы, равной советской, и наличия асимметричных разноплановых угроз «расширенное» сдерживание не может быть достаточно эффективным.

В рамках нового взгляда на стратегию сдерживания стал делаться акцент не только на высокоточное оружие, но и на подавляющее военно-технологическое превосходство США над потенциальными противниками. Американские стратеги находились и находятся в постоянном поиске новых технологических решений в области С4И (command, control, communication, computers and intelligence — командование и управление, связь, компьютеризация и разведка), и вообще на достижение военно-технологического отрыва от противников нацелена «революция в военном деле» (РМД). Этот аспект вполне соответствует американской стратегической культуре. Сторонники динамичного сдерживания считают, что возможен и необходим отход от «неразборчивого», т.е. классического сдерживания к динамичному сдерживанию. В таком случае есть возможность провести противосиловое и противощенностное наступление по всей глубине территории противника без применения ядерного оружия, а не только уничтожение его живой силы и техники на поле боя, что американские вооруженные силы продемонстрировали в Ираке в 1991 г. и 2003 г. и в Югославии в 1999 г. Сторонники динамичного сдерживания склоняются полагать, что такие возможности могут служить своеобразным сдерживающим фактором для потенциальных противников США, т.е. играть ту роль, которую раньше играло классическое сдерживание.

Тем не менее, несмотря на доводы экспертов, поддерживающих концепцию динамичного сдерживания, есть ряд недостатков, которыми нельзя пренебречь, оценивая данную концепцию.

Во-первых, нет определенности, как использовать конвенциональное оружие в качестве сдерживания против противника, обладающего ОМУ. Американские специалисты считают, что вооруженные силы США должны быть в состоянии найти пусковые установки противника,

¹ American Defense Policy, ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997. P. 332.

уничтожить их и иметь надежную систему противоракетной обороны по крайней мере на ТВД от тех ракет, которые могут остаться целыми после попыток их уничтожения. Этим занимаются не силы общего назначения, а стратегические силы США. На данном этапе трудно представить, как можно использовать конвенциональное оружие в качестве надежного инструмента сдерживания противника, обладающего ОМУ.

Во-вторых, не все цели можно уничтожить, применяя даже высокоточное неядерное оружие. В частности, судя по продолжающейся ядерной программе США, планируется использовать тактическое ядерное оружие против целей, находящихся глубоко под землей.

В-третьих, само по себе конвенциональное оружие не является столь грозным инструментом сдерживания, как ядерное оружие. Кроме этого, трудно передать сигнал противоположной стороне к сдерживанию, если противник не обладает таким оружием и не может полностью оценить его эффективность. Поэтому противник может пренебречь фактором американского превосходства в конвенциональном оружии и попытаться выиграть неядерную войну, особенно если она будет вестись далеко от территории США или их основных военных баз.

В-четвертых, по сравнению с ядерным оружием разрушительная сила конвенционального оружия невелика. Поэтому ввиду особенностей стратегической культуры некоторых государств, их руководители да и социумы могут быть более терпимы к потерям и разрушениям, чем западные страны. Пример Югославии в 1999 г. подтверждает этот тезис: бомбардировки страны НАТО затянулись намного дольше, чем планировалось из-за неправильно оцененного болевого порога югославского общества. Все это снижает эффективность конвенционального оружия как инструмента проведения динамичного сдерживания.

В-пятых, в качестве инструмента сдерживания конвенциональное оружие менее эффективно, чем ядерное, при воздействии на иррационального, по западным стандартам, противника.

Следует отметить, что сторонники этой концепции признают некоторые ее недостатки и заявляют: «Эффективность применения силы является существенным элементом конвенционального сдерживания»¹. Кроме этого, некоторые эксперты высказывают мнение, что «американские ответы на агрессию должны быть непропорциональными для того, чтобы передать серьезность вызова интересам США и предотвратить вовлечение США в затяжной конфликт»². Более того, «для сторонников динамичного сдерживания чем более непропорциональна победа США по ширине, глубине, стоимости и полити-

¹ American Defense Policy, Op. cit. P. 333.

² Buchanan R. Presentation to CSIS Extended Conventional deterrence Working Group, Washington D.C., December 6, 1993.

ческим последствиям, тем более широким и устойчивым будет новое поствоенное сдерживание»¹.

Такая логика строится на том понимании, что картина разрушений будет передана другим потенциальным противникам, а последствия послужат хорошим уроком. В конечном итоге сдерживание сыграет свою роль, удержав противника от опасных для США и их союзников действий.

Анализируя американскую стратегию сдерживания в современных условиях, китайские военные эксперты особо выделяют такую новую тенденцию в неядерном сдерживании, как «информационное сдерживание». Они полагают, что «превосходящая сила может ослепить противника, уничтожить его информационные системы, разрушить его способность вести войну и установить информационное превосходство. В действительности главным элементом современного сдерживания является информационное сдерживание. Возможности информационного превосходства могут создать «информационный зонтик», который может не только заменить ядерный зонтик, но и превосходить его. Информационное сдерживание является лучшим результатом, нанося поражение противнику не воюя. В то время как ядерное сдерживание представляет слишком большой риск и таким образом не применимо в войне, «информационный зонтик» не может представлять ужасающую угрозу и обладает большим потенциалом для применения, чем ядерный зонтик»².

Суммируя общее превосходство американских возможностей в обычных и в первую передовых вооружениях над любым потенциальным противником, к тому же подкрепленное возможностями информационного сдерживания, неядерное сдерживание становится потенциально более эффективным и реальным. Американский политолог Р. Росс приводит мнение китайского военного аналитика, который дает следующую оценку: «Применимость неядерного сдерживания намного выше, чем сил ядерного сдерживания. Таким образом, уверенность в американских обязательствах расширенного сдерживания вмешиваться в локальные конфликты выше, чем это было в прошлом. Превосходящие силы общего назначения дают США эффективную и применяемую «независимую» сдерживающую возможность предотвратить войну в таких местах, как Европа и Корейский полуостров»³. С другой стороны, если сдерживание не удастся, то наличие современного и в особенности высокоточного оружия, способного наносить удары с большого расстояния, позволяет США нанести «га-

¹ American Defense Policy. Op. cit. P. 334.

² Ross R. Navigating the Taiwan Strait // International Security, Vol. 27, №2, 2002. P. 64.

³ Ibid. P. 65.

рантированный ущерб» противнику, который раньше наносился исключительно ядерным оружием, обеспечивая при этом минимальные потери своих вооруженных сил. «Наступательные неядерные возможности позволяют США отказаться от стратегий ограниченной войны и постепенной эскалации, которые США неудачно применяли в войне во Вьетнаме. В случае если сдерживание не удастся в период после окончания «холодной войны», американская стратегия предусматривает быстрый и решительный ввод своих сил, добиваясь победы в наикратчайшее время на первых этапах войны»¹. Такой сценарий событий позволяет усилить доверие противников к стратегии сдерживания США, построенной именно на неядерном сдерживании.

Политологи П.Хют и Б.Рассет, изучая затяжные региональные конфликты, развили идею политолога П.Моргана об основной концептуализации сдерживания. По их мнению, сдерживание имеет две составляющие: общее сдерживание и непосредственное сдерживание. «Общее сдерживание характеризует отношения между государствами, которые рассматривают с подозрением и враждебностью мотивы друг друга на протяжении длительного времени. Непосредственное сдерживание имеет отношение к конкретным кризисам, которые угрожают перерасти в полномасштабную войну. По мнению Хюта и Рассета, такого рода кризисы могут получить свое развитие из-за провала общего сдерживания. Этот провал может пройти следующие фазы:

- 1) принятие защищающимся стратегии общего сдерживания;
- 2) появление соперника, нарушающего статус-кво;
- 3) принятие защищающимся стратегии непосредственного сдерживания;
- 4) продолжающиеся угрозы со стороны соперника;
- 5) провал непосредственного сдерживания, который заставляет защищающегося рассмотреть военный ответ».²

В табл. 1.6. приводится сравнительный анализ двух видов сдерживания, а именно классического и совокупного сдерживания, где иллюстрируются сходства и различия этих видов сдерживания.

Такой подход потребовал нового взгляда на концепцию сдерживания. В частности, политолог Д.Алмог предложил новую трактовку стратегии под названием «совокупное сдерживание». По его мнению, «совокупное сдерживание основывается одновременно на использовании угрозы и военной силе в ходе длительного конфликта»³.

«Совокупное сдерживание работает на двух уровнях. На макро-

¹ Ross R. Op. cit.

² Huth P., Russett B. General Deterrence between Enduring Rivals: Testing Three Competing Models, *American Political Science Review*. №87, March 1993. P.61-73.

³ Ibid. P. 8.

Таблица 1.6.
Классическое и совокупное сдерживание

	Классическое сдерживание	Совокупное сдерживание
Логика	Дихотомический подход	Недихотомический подход
Относящаяся угроза	Ядерная	Конвенциональная
Измерения успеха	Полное предотвращение конфликта	Тактические: достижение успеха через аккумуляцию побед Операционные: формирование новых условий Стратегические: создание основы для улучшения стратегической ситуации
Основные слабости	Не соответствует конвенциональным и ограниченным конфликтам	Ускоряет феномен «асимметричных боевых действий» Требует дополнительную стратегию, включающую усилия трансформировать политическую, экономическую и социальную системы противника
Основные сильные стороны	Смогла предотвратить ядерную войну между рациональными соперниками	Обогащает концептуальную основу стратегии сдерживания Дает возможность повторно использовать стратегию сдерживания в области национальной безопасности [*]

* *Almog D. Cumulative Deterrence and the War on Terrorism. Parameters. Winter 2004-05. P. 9.*

уровне оно создает представление подавляющего военного превосходства. На микроуровне оно полагается на конкретные военные ответы на конкретные угрозы и враждебные действия. Совокупное сдерживание имеет несколько ключевых черт. Во-первых, его эффективность измеряется количеством побед, накопленных на протяжении конфликта, которые мы можем рассматривать как «активы в банке побед». Во-вторых, со временем эти победы приводят ко все более умеренному поведению со стороны противника и сдвигу в его стратегических, операционных и тактических целях до того, что вероятность непосредственного конфликта почти исчезает. В-третьих, такая сдержанность может привести к политическим переговорам и даже к мирному соглашению»¹.

Анализируя концепцию совокупного сдерживания, нужно отметить, что она неоднозначна и вступает в противоречие с основными положениями классической стратегии сдерживания. Главная про-

¹ *Almog D. Op. cit. P. 9.*

блема заключается в том, что классическое сдерживание полностью отрицает непосредственное насилие или прямое применение силы. Примененная сила означает неэффективность сдерживания, его неудачу. Как оценить с этой точки зрения совокупное сдерживание? Сторонники этой концепции утверждают, что они развивают классическую стратегию сдерживания в новых условиях. Критики совокупной стратегии подчеркивают, что такое развитие, построенное на отрицании основополагающего принципа сдерживания, выхолащивает его первоначальную суть, превращая во что-то другое. Кроме этого, политика совокупного сдерживания возможна в отношениях малых государств, к тому же неядерных (за исключением, вероятно, Израиля). Поскольку трудно представить, чтобы ядерные государства, находящиеся в длительном конфликте, прибегали к совокупному сдерживанию. Например, Индия и Пакистан скорее придерживаются стратегии классического сдерживания, типичной для периода «холодной войны». Что касается американской политологической мысли, то совокупное сдерживание пока не рассматривается в практической плоскости как возможная альтернатива классической стратегии сдерживания или ее дальнейшее развитие. Что впрочем не означает, что оно не воспринимается американскими экспертами.

Анализируя американскую концепцию сдерживания в период после окончания «холодной войны», можно констатировать следующее:

1) Сдерживание остается важной теоретической концепцией применения военной силы во внешней политике США. «Ядерное сдерживание среди великих держав (а) не исчезнет полностью и (б) маловероятно останется важным»¹.

2) Стратегия сдерживания главным образом будет регионально ориентированной, призванной ответить на следующие вызовы региональных противников США:

«(1) контроль над порогом конфликта, (2) контроль над спектром конфликта, (3) отрезать США от региона, (4) повысить затраты вмешательства, (5) обеспечить выживаемость своего режима»².

3) Будет возрастать роль неядерного и динамичного сдерживания.

4) Американское руководство не имеет на настоящий момент четкого понимания места и роли сдерживания в иррегулярной войне, а также способов его эффективного применения.

¹ *Morgan P. Deterrence Now*, Cambridge University Press, 2003. P. 255.

² *American Defense Policy*. Op. cit. P. 342.

Глава 2

Иррационализм и применение военной силы

«Только человек, досконально изучивший особенности мышления народа и деятелей соответствующего государства, может с успехом предвидеть их намерения...»¹
(генерал стратегической разведки США
В.Платт)

2.1. Стратегическая культура как важнейший фактор планирования и применения военной силы

В последние годы после окончания «холодной войны» становится все более очевидным, что международная система развивается не только в сторону многополярности, но и в международную среду с играющим все более важную роль фактором многокультурности. Культура существенным образом влияет на то, как люди воспринимают мир и международные отношения. Новое восприятие международной безопасности внесло определенные изменения и в характер самих международных отношений. Анализируя современную международную систему, министр иностранных дел РФ С.Лавров подчеркивает: «На смену идеологической конфронтации времен «холодной войны» приходит угроза значительно более опасного глобального межцивилизационного разлома. Провоцируемый террористами и экстремистами этот конфликт в меньшей мере поддается контролю и регулированию, поскольку выходит далеко за привычные рамки межгосударственных отношений»².

Традиционно для объяснения причинно-следственной связи в международных отношениях и внешней политике, политологи и эксперты использовали две парадигмы: рациональную и иррациональную при доминировании рациональной. В настоящее время иррациональная парадигма приобретает большее значение в исследовании международных отношений в связи с тем, что рационализм не дает исчерпывающего ответа на ряд вопросов, в том числе и связанных с применением военной силы. Рассмотрим теорию «Ожидаемой выгоды войны» (Expected Utility Theory of War) политолога Буено де Мескита. Автор

¹ Платт В. Стратегическая разведка. Основные принципы. М., 1997. С. 94.

² Лавров С. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы // Дипломатический ежегодник-2005. М., 2006.

изучил войны происшедшие между 1816 и 1980 гг. и сделал следующий вывод: предполагаемое успешное применение военной силы возможно при двух условиях. «Центральное предположение исходит из того, что ожидаемая позитивная выгода это необходимое условие для инициирования войны: государства не пойдут на войну, если имеют отрицательную ожидаемую выгоду»¹. Это условие является необходимым, но недостаточным. Неотъемлемым считается еще одно положение. «Необходимым условием войны есть то, что ожидаемый исход войны более предпочтителен, чем статус-кво»². По исследованию Буено де Мескита «из 76 войн, инициированных с 1815 г. 65 (86%) имели положительную или нулевую ожидаемую выгоду и только 11 (15%) обладали отрицательной ожидаемой выгодой»³. Несмотря на то, что по количественным параметрам положительная или нулевая ожидаемая выгода имеет огромное превосходство, «инициаторы войн равны или сильнее своих жертв в большинстве (в 59 из 76 случаев)»⁴, тем не менее, оставшиеся случаи не могут быть объяснены с помощью рациональной парадигмы и вызывают необходимость использовать иррациональную парадигму для исследования этих случаев. Более того, тот факт, что в 17 случаях инициатор войны был слабее своего противника, подвергает сомнению постулат о том, что сдерживание возможно только при наличии военного превосходства. А если учесть, что в настоящее время в большинстве войн и конфликтов проявляется культурно-цивилизационный фактор и, вероятно, в обозримом будущем он будет продолжать играть весьма важную роль, то иррациональная парадигма становится исключительно важной для исследования.

По мнению американского историка Шлезингера-младшего, внешняя политика является лицом нации. Поэтому можно утверждать, что особенности как внешней, так и оборонной политики США необходимо рассматривать через призму американских культурных особенностей. «Различные культуры могут нести различные понимания проблем. В свою очередь эти понимания могут привести к несопоставимым решениям, которые могут вызвать непонимание между стратегическими партнерами (не говоря уж о противниках. — *О.И.*) и создать основу для насилия и конфликта»⁵. Этот фактор оказывает непосредственное воздействие на применение военной силы во вне-

¹ Behavior, Society and Nuclear War, ed. by Tetlock P., Husbands J., Jervis R., Stern P., Tilly C., Oxford University Press, Vol. I, 1989. P. 245.

² Ibid.

³ Ibid. P. 246.

⁴ Ibid. P. 242.

⁵ Crider K. The Strategic Implications of Culture: A Historical Analysis of China's Culture and Implications for US Policy, Air Command and Staff College, Maxwell Air Force Base, Alabama, April 1999. P. 14.

шной политике многих государств, включая и США. Простой анализ или сравнение численности вооруженных сил, боевой техники, степени развития военных технологий разных государств может ввести в заблуждение, если все эти факторы не будут изучаться в контексте других факторов и, в частности, в таком, как культурно-цивилизационном. Бывший начальник Высшего военного колледжа сухопутных войск США генерал в отставке Р.Скейлз говорит о переходе к «культурно-ориентированным методам ведения войны»¹. В настоящее время задачи для применения военной силы в многокультурном окружении становятся более сложными и это вызывает необходимость подвергнуть анализу иррациональную основу применения военной силы.

В период «холодной войны» и биполярного противостояния фактор культуры не играл большой роли в концепциях применения военной силы США. Хотя следует признать, что были войны на «периферии» как война в Корее или во Вьетнаме, когда высокая цена успеха или его отсутствие все-таки принуждали специалистов обращать внимание на фактор культуры в этих войнах. Как пронизательно заметил американский военный эксперт Дж.Трэхэн: «Нет свидетельств, что более глубокий анализ факторов культуры изменил бы исход (речь идет о войне во Вьетнаме — О.И.), но возможно, что в первую очередь такой анализ остановил бы США от вмешательства»². Тем не менее, в тех геополитических условиях казалось, что война будет носить тотальный характер, а угроза возможного применения ядерного оружия нивелировала интерес и значимость фактора культуры в американском военно-политическом планировании и экспертном сообществе.

Фактор культуры будет проанализирован в рамках парадигмы стратегической культуры. Несмотря на то, что эта парадигма не нова, единого, общепринятого определения стратегической культуры не существует. Российский ученый А.Кокошин предлагает воспринимать стратегическую культуру как «...совокупность стереотипов устойчивого поведения соответствующего субъекта при масштабном по своим политическим задачам и военным целям применении военной силы, в том числе при подготовке, принятии и реализации стратегических решений. Стратегическая культура является атрибутом не только вооруженных сил или даже государственной машины, а всего народа в целом. Стратегическая культура — это долговременный, весьма инерционный социо-психологический феномен, который часто действует почти с одними и теми же

¹ Бум М. Борьба за трансформацию военной сферы // Россия в глобальной политике, 2005. №3. Май-июнь.

² Trahan J. The Influence of Culture on Post Cold War Military Operations: An Examination of the Need for Cultural Literacy, 1995. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/TJR.htm>

характеристиками даже при смене не только высших государственных деятелей и военного командования, но при смене политических систем и политических режимов. У ведущих стран (для того или иного исторического периода) имеются ярко выраженные черты национальной стратегической культуры»¹. Американские политологи дают ей различные определения. К.Грей определяет стратегическую культуру как «относящуюся к способам мысли и действия по отношению к силе, которая происходит из восприятия национального исторического опыта, из стремления к ответственному поведению в национальном понимании и даже из гражданского общества и образа жизни»².

По мнению С.Розена, стратегическая культура включает «убеждения и допущения, которые создают возможность выбора относительно применения военной силы в международной среде. Особенно это касается решений начать войну, предпочтений для наступательного, экспансионистского или оборонительного ведения войны и уровня потерь в ходе боевых действий, которые могут считаться приемлемыми»³. Другой политолог Х.Ризви определяет стратегическую культуру как «коллективно разделяемые верования, нормы, ценности и исторический опыт господствующей в обществе элиты, которые влияют на ее понимание и интерпретацию вопросов безопасности и среды, а также формируют реакцию на них»⁴. Один из ведущих политологов — теоретиков стратегической культуры А.Джонстон дает ей два определения. В соответствии с первым более общим под ней он понимает «ранжированные главные стратегические предпочтения, происходящие из центральных положений парадигмы о природе конфликта и противника, коллективно разделяемых теми, кто принимает решение»⁵. Согласно другому определению Джонстон полагает, что стратегическая культура это интегрированная система символов, устанавливающих долгосрочные приоритеты, формулируя концепции о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях.

Актуальность данной парадигмы объясняется особенностями современного мира. Как «представляется в нынешних условиях переходного периода, отмеченного неопределенностью и поисками новых моделей, инструментов международного влияния, стратегическая

¹ *Кокوشин А.* Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М.: Росспэн, 2003. С. 380.

² *Gray C.* National Style in Strategy: The American Example // *International Security* 6, № 2, Fall, 1981. P. 35.

³ *Rosen S.* Military Effectiveness: Why Society Matters // *International Security* 19, №4, Spring, 1995. P. 12.

⁴ *Khan F.* Comparative Strategic Culture: The Case of Pakistan, *Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.

⁵ *Johnston A.* *Cultural Realism*, Princeton University Press, 1998. P. IX.

культура, опирающаяся на национальный опыт (и, конечно, цивилизационный, но в своем понимании), намного больше, чем прежде, воздействует на поведение государств во внешнем мире...»¹. Также иррационализм является противоположной рационализму парадигмой, создающей теоретическую основу для разработки стратегии по применению военной силы США во внешней политике. С концептуальной точки зрения «американский способ ведения войны отражает особенности американского общества, в то время как американские вооруженные силы отражают реальные, предвкушаемые и вероятные требования американской внешней политики»².

Российские исследователи предприняли попытки изучить американские особенности субъективного характера, но в контексте реальной политики США. В частности, российский ученый Ю. Давыдов, проводя сравнительный анализ стратегических культур США и Европы, считает: «Между тем различие (имеются в виду разные стратегии. — О.И.) это не было лишь результатом их личного видения ситуации. В значительной мере оно было обусловлено тем особым, традиционным подходом (свойственным именно данной цивилизации, данному государству, обществу, индивидууму) к решению возникающих внутренних и внешних проблем, который складывался в данном обществе (государстве) в его специфических временных, пространственных, исторических условиях, как первая реакция на изменения внутренней и внешней среды. Этот традиционный подход становился частью политической культуры страны, той его частью, которую можно определить как стратегическая культура данного общества, его элиты, государства. Таким образом, стратегическая культура — это сложившийся к нынешнему времени исторически предпочтительный метод решения жизненно важных проблем, возникающих перед данным индивидуумом, обществом, данной страной, данным союзом, данной цивилизацией»³. Необходимо отметить, что такое определение стратегической культуры отличается от определений американских политологов. Главное отличие заключается в том, что «предпочтительный метод решения жизненно важных проблем» дает весьма широкое поле для трактования. С одной стороны, сюда могут войти как силовые методы с применением военного насилия, так и несиловые, а с другой стороны, из приведенного выше определения можно делать вывод, что речь идет о разрешении как внутренних, так и внешних проблем. В то время как американские политологи свя-

¹ Давыдов Ю. Стратегические культуры США и Европы // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. 2006. №3. С. 49.

² Gray C. Stability Operations in Strategic Perspective: A Skeptical View // Parameters. 2006. Summer. P.2.

³ Давыдов Ю. Указ. соч.

зывают со стратегической культурой национальные особенности применения исключительно военной силы и именно во внешней политике.

Другой российский исследователь И.Жинкина изучала американское стратегическое мышление в совокупности с другими факторами. По ее мнению, «стратегическое мышление в самом общем плане представляет собой целенаправленный процесс и одновременно результат познания какой-либо социально значимой иерархической системы в интересах обеспечения ее развития. Применительно к деятельности в области безопасности государства стратегическое мышление может быть определено как коллективный процесс познания исторического опыта соотношения интересов и целей страны с возможностями ее внутреннего развития и их использования в деле преобразования внешнеполитического окружения»¹.

И.Жинкина предлагает рассматривать стратегическое мышление как совокупность понятий и концепций в привязке к ресурсной базе, тесно связанной с национальной мощью, состоящей из материальных, интеллектуальных и морально-волевых возможностей государства. Из такого подхода следует, что материальная сторона важна, но она является одной из составляющей стратегического мышления. «Стратегическое мышление — не есть простая сумма концепций, понятий и теорий. В идеале — это целостная развивающаяся система научных взглядов на цели, средства, способы их достижения, на принципы стратегических действий»². Следует признать, что субъективный фактор весьма важен, но необходимо отметить, что имеется в виду рациональный субъективный фактор. Стратегическое мышление состоит из организованного аналитического процесса для поиска наиболее оптимального рационального мышления. Таким образом, остается за скобками элемент иррационализма, напрямую связанный с фактором культуры.

Американское стратегическое мышление опирается на историю и теорию вооруженной борьбы. В этом отношении оно связано с общими законами ведения военного противоборства, но любая стратегия отражает национальные особенности. Даже известное определение К.Клаузевица, что война есть продолжение политики только иными методами, в преломлении к США является «войной по выбору», т.е. в подавляющем большинстве случаев решение участвовать в войне или начинать ее является рациональным выбором руководства США. Кроме этого, современная национальная специфика заключается в том, что «военная сила является наиболее активным из них (признаков суверенитета. — *О.И.*) и предназначенным в первую очередь для силового воз-

¹ Жинкина И. Стратегическое мышление США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. 2002. №3. С. 79.

² Там же. С. 80.

действия на внешнюю среду обитания государства»¹. Стратегическое мышление и стратегическая культура это разные, хотя и близкие парадигмы. «Различие в понятиях «стратегическая культура» и «стратегическое мышление» заключается в их субъектности. Стратегическая культура характеризует настроение и представления общества в целом. Стратегическое мышление — в большей степени относится к элите, доминирующей в определении внешнеполитической повестки дня»². Можно констатировать, что стратегическая культура как научная парадигма дает более глубокий социальный срез, охватывает все слои общества.

Иррационализм тесно связан с фактором культуры. Если сторонники рационализма считают, что существуют общие для всех государств или акторов международных отношений объективные законы, то сторонники теории культуры говорят о возможных различных линиях поведения акторов в зависимости от культуры того или иного актора.

Разрабатывая стратегию и предлагая ее военно-политическому руководству страны, планировщики должны принимать во внимание те требования, что «любой стратегический совет должен пройти три теста: он должен быть удобным, достижимым и приемлемым»³. Что касается достижимости и удобства, то эти требования вполне укладываются в рациональную модель, где можно применить известные математические расчеты для необходимых определений. Достижимость и удобства являются частью рационального подхода формулирования стратегии. Что же касается приемлемости, то она сочетает как рациональные, так и иррациональные составляющие. «Она (приемлемость. — *О.И.*) требует, чтобы стратег оценил не только военные затраты, но также предпочтения, настроения, ценности и склонности тех, кто принимает решения и общественности. Другими словами, тест на стратегическую приемлемость основывается на политической и стратегической культуре»⁴. Таким образом, стратегия по применению военной силы выходит за рамки рациональной модели и зависит от иррационального фактора как политическая или стратегическая культура. Из этого следует вывод, что чем дальше друг от друга стратегическая культура разных государств, тем больше будет отличаться выбор стратегий по применению военной силы. «Каждое государство обладает политической культурой, которая включает контекст стратегии. Она является источником нерационального крите-

¹ Жинкина И. Указ. соч. С. 84.

² Рыхтик М. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. Нижний Новгород: издательство Нижегородского университета, 2004. С. 92.

³ Eccles H. Military Power in a Free Society, Newport, R.I.: Naval War College Press, 1979. P. 73.

⁴ Downey F., Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // Parameters, 1988. September.

рия формулирования стратегии и состоит из предпочтений, ценностей, склонностей, происходящих из исторического опыта, идеологии и политических и экономических организаций. Политическая культура создает что-то типа трения на поле боя, которое разрушает рациональность стратегического процесса. Даже, если стратегия отвечает рациональным критериям удобства и достижимости, она обречена на провал, если стратегия не сумела интегрировать политическую культуру»¹. Для США это положение весьма актуально, так как американское военно-политическое планирование в значительной степени зависит как от влияния различных культур — общей политической, стратегической, организационной, так и от общественного мнения. И поскольку культура в отличие от общественного мнения меняется значительно медленнее, стратег имеет дело с более или менее стабильной основой, что позволяет формулировать приемлемую стратегию. Правильное понимание и учитывание фактора культуры «является первым шагом в гарантии того, что совет (военного стратега. — *О.И.*) пройдет тест на приемлемость»².

К понятиям «рационализм» и «иррационализм» в международных отношениях следует относиться с пониманием того факта, что, как отмечается в американской «Концепции совместных операций по стратегическому сдерживанию», «почти все принимающие решения противники будут действовать в соответствии с логикой рационального собственного интереса»³. Здесь проявляется на первый взгляд смешение двух взаимоисключающих противоположных концептуальных подходов: рационального и иррационального. Но научное и прикладное понимание «собственного интереса» заключается в том, что «по определению собственный интерес рассматривается через призму культуры, религии, идеологии и личностного фактора противника, которые часто противоречат американским или западным нормам»⁴. Таким образом, рациональный собственный интерес основывается на культуре, т.е. иррациональной парадигме. Из этого следует, что рациональный собственный интерес акторов может изменяться в зависимости от различий в области культуры данных акторов. Эти изменения могут иметь практическое значение для применения военной силы во внешней политике. Так, например, «воспринимаемая ценность человеческой жизни варьируется среди культур, групп влияния и организаций. Вознаграждение за уничтожение этих считающихся «недостойными» (по культурным, религиозным или идеологическим причинам) могут мотивировать действия, противоречащие американским интересам»⁵.

¹ Downey F., Metz S. Op. cit.

² Ibid.

³ Strategic Deterrence Joint Operating Concept, Department of Defense, February 2004.

⁴ Ibid.

⁵ Strategic Deterrence Joint Operating Concept. Op. cit.

По мнению политолога М. Уолзера, «культуры представляют из себя силу. Они описывают институты и задают поведенческие шаблоны, служащие для людей ориентиром, направляющие их на те пути, какие считаются правильными в каждом отдельно взятом обществе»¹. Конечно, понятие силы, по Уолзеру, отличается от понимания силы политологами — сторонниками политического реализма. Здесь будет важным уточнение К. Гиртца, что «культура это не сила, к которой общественные явления, поведения, институты или процессы могут быть отнесены по причинно-следственным отношениям. Это контекст, в рамках которого они могут быть понятно объяснены»².

Рассматривая культуру, необходимо иметь в виду следующие факторы: во-первых, культура это то, что разделяется и является общим для определенной группы людей. Во-вторых, она носит в основном нематериальный, психологический характер, но находит свое выражение в социальной сфере, в том числе в решениях в военно-политической области. Из этого следует, что культура передается через принятые решения и способы их реализации. Вообще говоря, «сильно различающийся национальный опыт ведет к тому, что вызывает различные политические ответы»³. Национальный опыт напрямую связан с фактором культуры. Культура как феномен проявляется тогда, когда группа людей подбирает способ разрешения проблемы.

Культура весьма важный, но трудный объект для исследования. «В действительности невозможно дать полного описания культурам, из-за того что они слишком сложны и динамичны. На практике разглядывание через культурный лабиринт требует идентификации культурных тотемов: образов, норм, ценностей, историй и практик, которые кажутся особенно существенными в определении того, как выглядит политическая или общественная жизнь ... Культура может помочь нам понять, почему люди поступают так, как они поступают, и какие сходства и различия существуют между ними»⁴.

Большое значение имеет положение о том, что культура носит адаптивный характер. «Адаптивная природа культуры означает, что, в конце концов, даже если вы не в состоянии изменить культуру изнутри, вы можете добиться ее изменения, изменяя среду, в которой она эволюционирует. Наконец, поскольку культуре учатся, это означает, что она является частью *открытой системы* (курсив авт. — О.И.). Обладая надлежащими инструментами, мы можем изменить поступающую информацию и

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 526.

² Lavoü P. Pakistan's Strategic Culture: A Theoretical Excursion // Strategic Insights, 2005. Vol. IV, Issue 10, October.

³ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

⁴ Murden S. Culture in World Affairs, in John Baylis and Steve Smith, eds., The Globalization of World Politics, third edition, Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 540.

процессы так, что на выходе получим отличный набор культурных норм, ценностей и верований»¹. При таком подходе культура является, с одной стороны, процессом, а с другой — продуктом. Таким образом, рассматривая культуру как систему открытую для внешнего воздействия², американская политика нацелена в том числе на формирование выгодной для себя культурной среды другого общества. В глобальном измерении на это была направлена политика президента Клинтона через его стратегию «вовлечения и расширения демократии», а также президента Буша через стратегию «распространения свободы путем внедрения демократии». В частности, это стало одной из целей американской операции в Ираке: т.е. изменить иракское общество путем создания извне демократии в стране. При этом американская военная сила рассматривается как «надлежащий инструмент» для достижения этой цели.

Политологи, работавшие в парадигме теории культуры, считали, что их оппоненты из школы политического реализма, а потом неореализма преувеличивают значение силы и баланса сил в международных отношениях, принижая при этом фактор культуры или иррационализма. Они считали, что, с одной стороны, политологи-реалисты обедняли сложный характер международных отношений, сведя их лишь к силовому фактору, а с другой стороны, односторонний рациональный подход давал неадекватную картину окружающей среды, сужал исследовательский арсенал экспертов-международников. Как утверждает политолог Р.Бетс: «Даже если психология не мешает руководителям понять себя, то коллективные черты в рамках культуры могут помешать им понять своих противников. Стратегические расчеты могут быть логичными в рамках их собственного культурного контекста. Таким образом, даже если обе стороны рациональны по-своему, то стратегическое взаимодействие становится диалогом глухих»³.

В целом, не отрицая принципов рационализма, теоретики культуры утверждают, что фактор иррационализма настолько важен в международных отношениях, что его тоже надо изучать и учитывать в практике международных отношений вообще и в применении военной силы во внешней политике, в частности. Об актуальности изучения и принятия во внимание во внешней и военной политике фактора культуры говорят выводы, сделанные в 2004 г. американским Советом военной науки по изучению стратегических коммуникаций: «Враждебность по отношению к американским целям и политике в облас-

¹ *Casebeer W.* The Importance of Treating Culture as a System: Lessons on Counter-Insurgency Strategy from the British Iraqi Mandate // *Strategic Insights*, 2005. Vol. IV, Issue 10, October.

² Здесь можно проследить аналогию с «простой кибернетической моделью» политолога Д.Истона.

³ *Betts R.* Is Strategy an Illusion? // *International Security*, 2000. Vol. 25. №2. P. 28.

ти национальной безопасности подрывает мощь США, их влияние и стратегические союзы. Потенциально отчасти эта враждебность может быть движима недостатком понимания американской стороной культурного и регионального контекста. Если это так, то министерству обороны США необходимо лучше понимать культурные контексты, с которыми американская внешняя политика и политика в области национальной безопасности сталкивается. Это упростит возможность достичь цели американской оборонной политики»¹.

Одна из парадигм теорий культуры, которая непосредственно изучает роль, место и особенности применения военной силы во внешней политике, это теория стратегической культуры. основополагающий постулат теории стратегической культуры говорит о том, что стратегическая культура конкретного государства объясняет особенности его стратегии лучше, чем императивы международного окружения. При этом имеется в виду, что коллективно разделяемые идеи, верования и нормы не меняются с такой же скоростью, как влияющие на них внешние и внутренние факторы и структурные изменения. Один из ведущих американских теоретиков этой школы А.Джонстон полагает: «Все (подходы на основе культуры) воспринимают систему взглядов реалистов как мишень и нацелены на те случаи, когда структурные материальные понятия интереса не могут объяснить конкретный стратегический выбор»². Стратегическая культура подвергается воздействию двух факторов: это собственная политическая культура, т.е. внутренний фактор и внешние факторы как структурные изменения или воздействия внешних угроз и вызовов. В этом случае стратегическая культура представляет собой некую концептуальную модель ответа на внешние вызовы и угрозы, позволяющие прогнозировать и моделировать стратегию актора. По мнению одного из ранних теоретиков стратегической культуры К.Грея:

- концепция стратегической культуры является полезным инструментом для лучшего понимания себя, других и того, как другие рассматривают нас;
- как понимание культуры может просвещать нас, так и «культурный туман» может ограничить понимание;
- ограниченное понимание стратегической культуры других может быть очень опасным для международного мира и безопасности»³.

Стратегическая культура тесно связана с национальным стилем и следовательно конкретной культурой, а конкретная культура ведет к

¹ Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21-22, 2005.

² Johnston A. Thinking About Strategic Culture // International Security, 1995. Vol. 19. №4. Spring, P. 41.

³ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, Winter 1984. P. 26.

конкретному стилю мысли и действия. Стратегическая культура является производной общей политической культуры общества. Политическая культура определяется как «набор верований и ценностей общества, которые относятся к политической системе»¹. По мнению политолога Дж. Даффилда, существуют различные уровни проявления политической культуры. В частности выделяются следующие: «когнитивный, который включает эмпирические и причинные верования; оценочный, который состоит из ценностей, норм и моральных суждений и экспрессивный, включающий эмоциональные привязанности, модели идентичности и лояльности и чувства близости, отвращения или равнодушия»². Данные уровни политической культуры создавали концептуальную основу изучения связи политической культуры с внешней политикой и военной стратегией государства.

Наряду с когнитивными факторами, объясняющими принятие решения, и эксцентричностью некоторых руководителей, также есть «тенденция для политиков определенной стратегической культуры проводить политику таким образом и настолько субстантивно, что она соответствует границам культуры. Национальный стиль не есть просто выбранный наугад продукт воображающего мышления политиков. Это модель национального ответа на вызов, которая адекватно срабатывала в прошлом. Эта реальность является истинной по определению, так как стратегическая культура и национальный стиль, не прошедшие объективный тест на адекватность, представленной внешней политикой в области безопасности, неумолимо приведут к политическому, если не физическому краху государства»³. По своему определению стратегическая культура имеет глубокие корни в рамках исторического опыта конкретной культуры. Тем не менее, было бы неправильным допускать, что культура является чем-то неизменным, как и национальные парадигмы мысли и действия, а также предпочитаемый способ решения проблем и реализации возможностей.

Стратегическая культура находится под влиянием политической психологии, социологии, теории безопасности и различных теорий международных отношений. По мнению политолога Дж. Лентиса, «современные ученые похоже соглашаются, что различные политические культуры могут существовать, но определения все еще размыывают границы между формированием предпочтений, ценностями и поведением государств. Также стратегические культуры представляют

¹ *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Boston: Little, Brown, 1965. P.11.

² *Duffield J. World Power Forsaken: Political Culture, International Institutions, and German Security Policy After Unification*, Stanford, Calif.: Stanford, University Press, 1999. P. 23.

³ *Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters*, Winter 1984.

собой иерархию и оценку дискурса на уровне элит, военную организационную культуру и публичные/социальные культуры как отличные друг от друга, но связанные сферой стратегической мысли»¹. Обычно принято связывать стратегическую культуру с военно-политической элитой общества как ее главного носителя, но необходимо признать, что этот подход не находит поддержки у всех ученых. Есть другая точка зрения. Политолог А.Клуан «предостерегает от фокусирования только на элиту как источник стратегической культуры и напоминает, что ученые и политики также должны рассматривать и общества, которым элиты принадлежат. Общество позволяет раскрыть силовые отношения внутри и среди элит, а также позволяет раскрыть, как культура влияет на некоторые государственные решения, а на какие нет»².

Базовые вопросы, на которые теоретики стратегической культуры пытаются ответить, следующие:

- 1) Где находится стратегическая культура?
- 2) Где существует то поведение, которое на нее влияет?

На эти и другие вопросы, в частности, пытались найти ответ участники конференции, проведенной Центром по изучению современного конфликта на факультете Национальной безопасности Военно-морского университета США в сентябре 2005 г. Политолог Э.Стоун предложила разработанную ей матрицу, которая суммировала подходы различных политологов на стратегическую культуру³.

Таблица 2.1.

Нахождение культуры	Влияние стратегической культуры			
	доктрина	глобальная национальная стратегия	национальные интересы	система
Институты	Позен, Летро, Киер, Тумей	Снайдер	Снайдер	
Государство	Грей	Лентис, Джонстон	Хопф, Хан, Клуан	Киссинджер
Международная система	Ван Эвра		Вендт	

Нужно признать, что предложенные политологом Стоуном места нахождения стратегической культуры не дают полной картины, так как носителями стратегической культуры являются не только и не столько организации разного уровня, сколько люди, относящиеся к военно-политической элите, и социум в целом. Стратегическая куль-

¹ Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21-22, 2005.

² Ibid.

³ Ibid.

тура имеет свои объекты воздействия. Ее влиянию может быть подвержена, например, военная или внешнеполитическая доктрина, глобальная национальная стратегия, которая может не являться официальным документом, а представлять собой систему неофициальных, концептуальных взглядов на стратегию, национальные интересы государства и наконец стратегии в области безопасности на международном уровне, имеющие системный характер. В середине таблицы приводятся политологи, представляющие разные школы мысли. Таблица демонстрирует, что внутри одной теории стратегической культуры существуют несколько различных подходов, что, с одной стороны, позволяет охватить разные аспекты парадигмы, но с другой — затрудняет исследование, так как размывает единство и связность теории.

Стратегическая культура имеет свои источники. *Первый источник* это географические особенности государства, наличие или отсутствие ресурсов. Геополитическое положение государства оказывало и продолжает оказывать с учетом глобализации свое влияние на стратегическую культуру. Некоторые эксперты полагают, что геополитические факторы имеют ключевое значение для формирования стратегической культуры. Например, географическая удаленность США от других исторических центров силы сформировала такие особенности американской культуры, как ощущение своей неуязвимости. Этим в определенной степени объясняется тот шок, который испытали американцы в результате террористических актов 11 сентября 2001 г. Оказалось, что географическая удаленность более не гарантирует безопасность. Чем сильнее ощущение неуязвимости, тем сильнее шок, который вносит некоторые изменения в стратегическую культуру. Кроме этого, стремление сохранить доступ к ключевым запасам мировых ресурсов или получить доступ к новым определяет интервенционистский характер американской стратегии и соответственно американской культуры.

Второй источник стратегической культуры — это история и опыт. Они оказывают свое влияние на формирование, сохранение и развитие культуры. По классификации американских политологов государства ранжируются от «несостоявшихся» или «слабых» до современных и постсовременных. «Это ведет к перспективе, что государства различных видов могут иметь разные стратегические проблемы, и с отличными материальными и нематериальными ресурсами прибегают к уникальным ответам»¹. Однако остается нерешенным вопрос: где находится историческая отправная точка исследования стратегической культуры? Некоторые исследователи берут в качестве отправной точки крупные исторические события в развитии стратегии страны, но нужно иметь в

¹ Howlett D. Strategic Culture: Reviewing Recent Literature // Strategic Insights, 2005. Vol. IV, Issue 10, October.

виду, что все, что происходит и изучается на концептуальном уровне, есть продолжение одних тенденций и отрицание других. Поэтому часто понятие отправной точки носит условный характер. В частности, такой вехой в развитии американской стратегической мысли принято называть события 11 сентября 2001 г., но эти террористические акты отразили тенденции в международной среде, которые начались задолго до 2001 г., а администрация президента Буша предложила те военно-политические ответы, которые раньше не были устоявшейся практикой применения военной силы во внешней политике США.

Третий источник стратегической культуры — это особенности политической системы государства и организационные культуры тех ведомств, которые вовлечены во внешнюю и оборонную политику. Здесь имеют значение такие факторы, как степень открытости государственной системы и ее демократичность, степень социальной стабильности общества и характер военно-гражданских отношений. Для США характерным является достаточная открытость формирования внешнеполитической и военной стратегий и принятие решения в этой области. Все ветви власти инкорпорированы в систему сдержек и противовесов, что не позволяет ни одной из них подминать под себя другие. Типичным для военно-гражданских отношений является приоритет гражданской власти над военными. Так, согласно законодательству США, министром обороны может быть только гражданское лицо.

Четвертым источником стратегической культуры выступают мифы и символы¹. «Оба рассматриваются как релевантные по мере их возможного действия как стабилизирующего, так и дестабилизирующего факторов в эволюции стратегических и культурных идентичностей»². При этом необходимо иметь в виду, что понятие мифа в стратегической культуре отличается от его бытовой коннотации. Под мифом понимается «набор верований, который выражает фундаментальные, главным образом подсознательные или предполагаемые политические ценности общества или коротко разительные выражения идеологии. Детали, передаваемые в политических мифах, могут быть истинными или ложными. Чаще всего они сочетают истину и фантазию таким образом, что их трудно отличить. Однако, что здесь важно, так это то, что передаваемые элементы мифа воспринимаются как истинные»³. Для американской стратегической культуры характерен миф, связанный с мессианской природой применения военной силы, который часто соотносится

¹ Необходимо признать, что такие источники стратегической культуры как мифы и символы вызывают особую критику со стороны политологов-реалистов. Они считают, что мифы и символы слишком абстрактны, не поддаются измерению и вообще не носят научный характер.

² Howlett D. Op. cit.

³ Calvert J. The Mythic Foundations of Radical Islam // Orbis, 2004. Winter.

с духом крестовых походов. Неслучайно об этом заявил президент Буш сразу же после террористических нападений 11 сентября 2001 г.

Пятым источником стратегической культуры являются письменные источники, раскрывающие стратегические мысли и действия. Как правило это работы мыслителей или доктринальные документы, рассматривающие особенности применения военной силы и влияющие на современные внешнеполитические и военно-политические концепции. Для США такими работами считаются «История Пелопонесской войны» древнегреческого историка Фукидида, учение китайского военного мыслителя Сунь Цзы и его книга «Искусство войны», учение прусского теоретика К.Клаузевица и его книга «О войне» и работы английских военных теоретиков Дж.Фуллера и Б. Лиддел Гарта, а также президентские доктрины и официальные стратегии.

Еще одним источником стратегической культуры считаются транснациональные нормы, генерационное изменение и новейшие технологии. Транснациональные нормы определяют «цель и возможности военного изменения и предоставляют руководство по применению военной силы»¹. Транснациональные нормы переносятся на национальную почву и влияют на внутреннюю стратегическую культуру. «Радикальная пересадка норм может генерироваться тремя способами: во-первых, через внешний шок местной культурной системы в виде войн, депрессии и революций. Во-вторых, «нормами предпринимателей», тех индивидуумов, которые чем ближе к аппарату по принятию решения страны-объекта, тем легче они смогут вступать в контакт и проталкивать новые идеи. В-третьих, через такие «изменения в кадрах», что инновационномыслящие люди получают доступ к влиятельным должностям и будут способны внедрять новые идеи в процесс формирования политики»². Генерационное изменение и новейшие технологии получили свое выражение в переходе к войнам нового поколения, в «революции в военном деле», в новых видах операций, таких как стратегического паралича и сете-центричных. При этом надо иметь в виду, что при переносе извне на местную культуру транснациональные нормы, генерационное изменение и новейшие технологии преломляются через призму данной локальной стратегической культуры и проходят определенную адаптацию.

Существуют два метода исследования стратегической культуры. Первый метод заключается в «слежении за процессом». Его суть — создание исторического исследования, нацеленного на воссоздание цепочки событий, приведших к определенному результату. «Слежение

¹ *Farrell T., Terriff T.* The Sources of Military Change. Culture, Politics, Technology, Boulder, CO: Lynne Rienner, 2001. P. 7.

² Howlett D. Op. cit.

за процессом это один из способов попытаться подобраться поближе к механизмам или микро основам за пределами наблюдаемого феномена. Слежение за процессом пытается эмпирически установить постулированные вмешивающиеся факторы и последствие, которое может быть истинным в данном случае, если конкретное объяснение этого случая истинно»¹. Используя этот линейный метод, исследователь прослеживает процесс на конкретных примерах и делает выводы.

Второй способ — это «создание условных обобщений о сочетаниях или конфигурациях факторов, которые создают теоретические типы»². Такого рода типологическое теоретизирование «позволяет проводить пересекающиеся сравнения/изучения разных случаев, которые могут быть интегрированы с методами по изучению конкретного случая, что позволит создать структурные повторения между теориями и случаями»³. Такой метод исследования носит обобщающий нелинейный характер. С научной и экспертной точки зрения для того, чтобы исследование было верным и убедительным необходимо применять оба метода, так как они способны дополнить друг друга. Сочетание этих методов, с одной стороны, позволяет сделать эволюционный срез, как развивалась стратегическая культура по своим внутренним законам, а с другой — рассмотреть, какие внешние факторы влияли на ее развитие.

В США теория стратегической культуры зародилась и начала свое формирование и развитие в рамках теории культур в первой трети XX в. накануне Второй мировой войны. На этом этапе главная задача заключалась в изучении национального характера стран — потенциальных противников США. Для этой цели в управлении Военной информации был создан отдел по анализу морального состояния иностранных государств. Кроме изучения национального характера и его влияния на внешнюю политику и ведение войны в исследованиях того времени изучалась связь между политической культурой и поведением государства на основе антропологических моделей.

Завершение первого этапа развития теории культуры в США произошел в конце 40-х — начале 50-х годов из-за появления ядерного оружия, которое оказало огромное значение на американское стратегическое мышление и выработку стратегии применения военной силы. Как концептуальная основа теории культуры были оттеснены на периферию и стали доминировать школы мысли, основывающиеся на рациональном подходе, как например, политический реализм. Стал развиваться антипод теории культуры — теория сдерживания. Как утверждает американ-

¹ *George A., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, Mass.: MIT Press, BSCIA Studies in International Security, 2005. P. 147.

² *Ibid.* P. 233.

³ *Ibid.*

ский политолог М.Деш: «Развитие и размещение абсолютного оружия (имеется в виду ядерное оружие. — О.И.) США и Советским Союзом привело к тому, что многие стали полагать, что эта технология заставит обе супердержавы вести себя примерно одинаково. Ядерное оружие было настолько разрушительно, что оно делало культурные различия по большому счету нерелевантными. Вместо этого, ядерная революция привнесла общие теории стратегического поведения как теорию сдерживания, поддержанную положениями однородных рациональных акторов и методологией рационального выбора из экономики»¹.

С конца 60-х и начала 70-х годов прошлого века началась новая волна теории культуры. Безусловное доминирование рационального подхода продолжалось до войны во Вьетнаме. Неудачная для США война во Вьетнаме поставила под вопрос полноту научного объяснения международных отношений школой политического реализма и вообще состоятельности рационального подхода.

Как подчеркивал политолог К.Грей: «Маловероятно, что американские теории ограниченной войны, эскалации, ведение противопартизанской войны и создание государств достигнут желаемых целей, если не будет уделено внимание локальному контексту»². Необходимость анализа применения военной силы в локальном контексте привлекло внимание к изучению теорий культуры, и в частности, к стратегической культуре, которая могла бы объяснить особенности применения военной силы. В период «холодной войны» американская стратегическая мысль и культура сравнивались с советскими. В проводимых исследованиях особое внимание уделялось организационной культуре. Американский историк и политолог Р.Пайпс писал: «Настоящая американская стратегическая мысль была рождена в результате брака между ученым и бухгалтером. При этом профессиональный солдат был увлечен и обманут»³. На протяжении второго этапа развития теорий культуры и стратегической культуры в ходе «холодной войны» особенности американской стратегической культуры изучались на фоне советской стратегической культуры и мысли. В американской научной среде сложилось мнение, что «демократические США были слабыми и нерешительными, так как у них не было достаточно традиций ведения длительных войн или искусства управления государством. Ввиду того, что США были коммерческим обществом, считалось, что они были неспособны вести успешную игру в высокой политике»⁴. Все эти недостатки демонстрировали слабости аме-

¹ *Desch M. Culture Clash // International Security, 1998. Vol. 23. №1. Summer. P. 141.*

² *Gray C. What Rand Hath Wrought // Foreign Policy, 1971. № 4, Fall. P. 126.*

³ *Pipes R. Why the Soviet Union Thinks It Could Fight and Win a Nuclear War // Commentary, 1977. Vol.64, №1, July. P.24.*

⁴ *Desch M. Op. cit. P. 146.*

риканской стратегической культуры и давали преимущества Советскому Союзу. Тем не менее, несмотря на тот толчок, который теории культуры получили в результате войны во Вьетнаме, теории политического реализма и рациональной модели имели большее количество сторонников как в научной, так и политической среде в США того времени.

В этот период началось активное компаративное изучение советской и американской стратегических культур. Один из авторитетных исследователей Дж.Снайдер предложил рассматривать как советскую военно-политическую стратегию через призму советской стратегической культуры, так и американскую стратегическую мысль через американскую стратегическую культуру. Снайдер выдвинул тезис, что «как результат процесса социализации ряд общих убеждений, отношений и моделей поведения достиг состояния полупостоянства, которое выводит их на уровень «культуры», а не просто политики»¹.

По мнению политолога Дж.Лентиса, «Снайдер применял свою парадигму стратегической культуры для объяснения развития советской и американской ядерных доктрин как продуктов различных организационных, исторических и политических контекстов и технологических ограничений»². Таким образом, поскольку стратегическая культура носила полупостоянный характер, то для того чтобы иметь неискаженное и полное представление о военно-политической стратегии, все ее изменения должны рассматриваться только через призму стратегической культуры. Исходя из этого посыла, изучив исторические и культурные особенности, место военной силы и способы ее применения, американские исследователи делали следующие выводы: «Советские военные отдавали предпочтение упреждающему, наступательному применению военной силы, которое уходило своими корнями в российскую историческую внутреннюю небезопасность и внутреннюю автократию. США демонстрировали тенденцию к спорадическому и неохотному, хотя мессианскому и в духе крестовых походов использованию силы. Этот подход основывался на глубоком убеждении в том, что война есть отклонение от правильного пути в человеческих отношениях и в морализме ранней государственности. Китай показывал тенденцию к контролируемому, обусловленному политикой, наступательному и минималистскому применению силы, что глубоко коренилось в искусстве управления государством древними стратегами и восприятием мира с позиции сравнительно самодовольного превосходства»³.

¹ *Snyder J.* The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options, Santa Monica, Calif. Rand Corporation, R-2154-AF, 1977. P.8.

² *Lantis J.* Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Insights, Naval Postgraduate School, CA, Vol. IV, Issue 10, October 2005.

³ *Johnston A.* Cultural Realism, Princeton University Press, 1998. P. 1.

Поэтому на закате «холодной войны» и после ее окончания внимание политологов вновь было привлечено к теории стратегической культуры. В 1990 г. Американская академия наук провела свой первый семинар по обсуждению этой теории. Целью семинара являлась необходимость выработать определение стратегической культуры и обсудить тот вклад, который могла внести данная теория в объяснение стратегического поведения государства.

2.2. Особенности развития теории стратегической культуры на современном этапе

Терроризм, вспышки национализма и рост конфликтов, носящих этнический и религиозный характер, создали новые угрозы международной и национальной безопасности. По мнению государственного секретаря США К.Райс, «в настоящее время самые серьезные угрозы возникают больше изнутри государств, а не из отношений между ними. Основопологающий характер режимов сейчас имеет большее значение, чем международное распределение силы»¹. Кроме этого, изменился характер угроз: они стали носить асимметричный и иррациональный характер, что обнажило недостатки теории сдерживания, основанной на рациональной модели. Появление этих факторов обусловило возросший интерес политологов к культурно-цивилизационным факторам современных международных отношений. Вновь привлекла внимание теория стратегической культуры. По мнению политологов, именно знание теорий культуры вообще и стратегической культуры в частности могло объяснить как факторы иррационализма, так и действия государств, выходящие за рамки рациональной модели поведения.

Если в предыдущие годы американские политологи уделяли большое внимание советской стратегической культуре, то в настоящее время они сместили свой научный акцент на изучение стратегических культур других стран и на то, как они соотносятся с американской стратегической культурой. «Вызов представлял собой недостаток научной кумуляции. Появился новый интерес к изучению мотивации и близких к ней источников поведения трудных для понимания таких стран, как Северная Корея, Иран, Пакистан, Индия и Китай. Пришло время заново взглянуть на стратегическую культуру»². Научное познание стратегических культур других стран имеет актуальное практическое значение для амери-

¹ *Kessler G., Graham B.* Diplomats Will Be Shifted to Hot Spots // Washington Post, 2006. January 19. P. A01.

² Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21-22, 2005.

канского военно-политического истеблишмента, поскольку оно позволяет предложить наиболее эффективную политику США в отношении конкретных стран или в целом регионе. Предостережение «Познай противника» приобрело еще большую значимость в мире после 11 сентября 2001 г., и правительство США должно продолжать работать над тем, как лучше оперировать этим принципом. На конференции (проведенной в Военно-морском университете США. — О.И.) была подчеркнута настоятельная необходимость еще раз вернуться к изучению культуры как законному инструменту политического анализа»¹.

Несмотря на существование различных определений стратегической культуры, есть нечто общее, а именно, то, что стратегическая культура исходит из политической культуры конкретного социума и фактически отражает национальный стиль, а национальный стиль в свою очередь находит свое выражение в определенном стиле мысли и действия в области политики и стратегии. В одном из ранних исследований по изучению стратегической культуры политолог К.Грей подчеркивал: «Вообще Советский Союз формирует свои задачи в области обороны непривычно для Соединенных Штатов и ведет себя в вопросах обороны необъяснимо по американским стандартам. Эти отличия можно пронаблюдать в мышлении и практике, которые имеют настолько устойчивый характер, что даже идиосинкритичные возможности выносятся за скобки. Уместно будет выступить с гипотезой, что Советский Союз относился и продолжает относиться к вопросам обороны в сугубо советской манере, понятной только в рамках ее стандартов»².

Другое, что объединяет все определения стратегической культуры, это то, что она является производной двух составляющих, а именно: культуры и стратегии. Все политологи, работающие в рамках данной парадигмы, изучают, какие существуют исторически устойчивые модели на то, как рассматривает военно-политическая элита место военной силы и способы ее применения для внешнеполитических целей. Разные элиты имеют разные модели, которые зависят от военного и политического опыта государства, и которые находятся под влиянием политических, военных, культурных и когнитивных факторов. Кроме этого, данные модели должны иметь устойчивый временной характер.

Необходимо отметить, что сторонники парадигмы стратегической культуры признают значимость таких объективных факторов, как вооружение, технологии, возможности, геополитические условия, но подчеркивают, что они носят подчиненный характер. С другой стороны, учитываются такие субъективные факторы, как уровень угрозы, история и опыт, мифы и символы, и такие нематериальные структу-

¹ Ibid.

² Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

ры, как политическая структура и организационная структура, а также организационная культура ведомств, участвующих в военно-политическом планировании. Политолог Дж.Снайдер отмечает: «Конечно, отношение может меняться в результате изменений в технологиях и международном окружении. Однако новые проблемы не оцениваются объективно. Они скорее рассматриваются через перцепционные линзы, предоставленные стратегической культурой»¹. Поэтому, что важно, так это то, как вышеприведенные объективные факторы рассматриваются через призму стратегической культуры конкретной элиты конкретного государства, какие делаются из этого выводы и какие принимаются решения. Таким образом, любой официальный документ в военно-политической области будь то стратегия, доктрина или концепция любого государства является в первую очередь отражением культурного опыта данного общества в данной области.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что стратегическая культура как парадигма вступает в противоречие с рациональной моделью. В соответствии с рациональным подходом в первую очередь учитываются такие факторы, как распределение силы в системе, военные возможности и геополитические условия.

Все стратегические решения должны основываться на суммировании этих факторов и выведении из них национального интереса. Сторонники рациональной модели утверждают следующее: «Решение элит сделать выбор из ряда вариантов обычно оформляется в результате определения национального интереса, который в большинстве случаев носит универсальный характер. Он также может быть детерминирован организационными интересами, но не заострен с точки зрения фактора культуры. *Любая часть любой элиты, помещенная в похожую ситуацию, должна сделать схожий выбор* (курсив авт. — О.И.)»².

Рис. 2.1. отражает рациональную парадигму. Если представить, что государства «А» и «Б» находятся в примерно одинаковом геополитическом положении, обладают примерно одинаковым потенциалом и находятся примерно перед аналогичными угрозами и вызовами, то их реакция в виде стратегий, доктрин или концепций будет примерно одинаковой. Они будут близкими, поскольку согласно рациональной модели, будут строиться на таком принципе рационализма, как минимизации затрат и максимизации выгоды. Это соответствует утверждению, что любая часть любой элиты, помещенная в похожую ситуацию, должна сделать схожий выбор. Отличия будут объясняться разницей государств их геополитическом положении, потенциале, вызовами и угрозами.

¹ Gray C. Op. cit.

² Johnston A. Cultural Realism. Princeton University Press, 1998. P. 3.

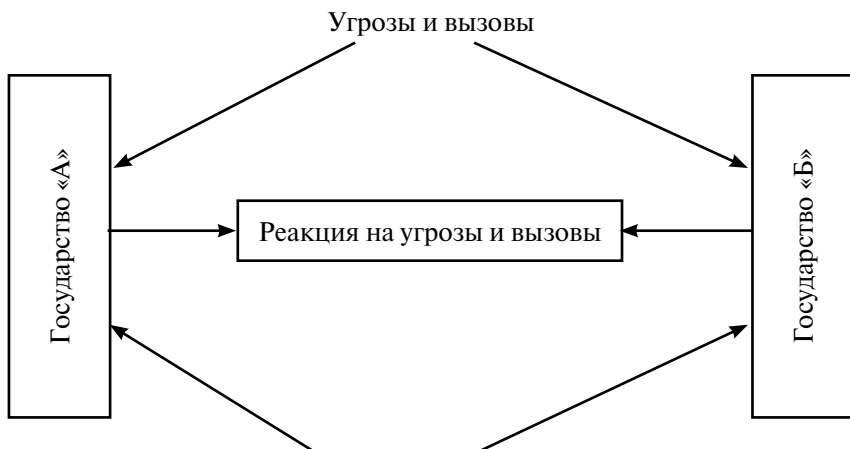

Рис. 2.1. Обобщенная схема рациональной парадигмы

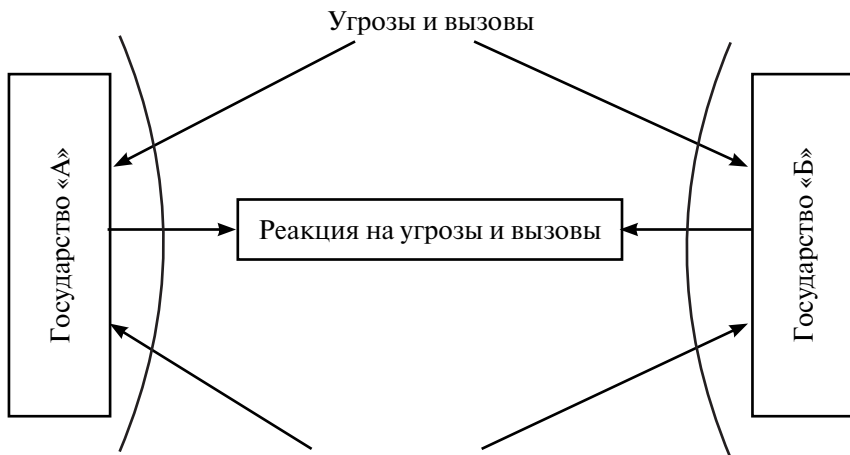

Рис. 2.2. Обобщенная схема иррациональной парадигмы

Рис. 2.2. отражает иную парадигму, основывающуюся на иррациональном подходе. Как утверждает теоретик стратегической культуры А.Джонстон: «Части элиты в рамках различных стратегических культур сделают различные выборы, если их поместить в схожие ситуации. Таким образом, подход на основе стратегии и культуры бросает вызов вне историческим и вне культурным объяснениям стратегического выбора, связывая стратегические предпочтения с историей и культурой, а не главным образом со структурой системы и дистрибуцией возможностей государства. Поскольку стратегические культуры обладают характерны-

ми признаками и варьируются среди государств и обществ, то нам следует ожидать, что схожие стратегические реальности будут толковаться различно»¹. Исходя из этого тезиса, даже если представить, что государства «А» и «Б» находятся в примерно одинаковом геополитическом положении, обладают примерно одинаковым потенциалом и находятся примерно перед аналогичными угрозами и вызовами, то их реакция в виде стратегий, доктрин или концепций все равно будет различной. Разница объясняется тем, что, являясь частью культуры данного социума, восприятие собственного потенциала, геополитического положения, угроз и вызовов, а также реакция на них обязательно проходит через «жалюзи» или «линзы» культуры, поэтому элита, даже оказавшаяся в схожей ситуации, все равно сделает разный выбор. Отличие в выборе будет объясняться разницей в культуре вообще и в стратегической в частности.

Теория культуры занимает свое место наряду с парадигмой политического реализма и приведенная табл. 2.2. иллюстрирует этот расклад относительно двух измерений, а именно внутреннее против внешнего и материальное против идеального.

Таблица 2.2.

Материальные	Внутренние 1. Организационная теория и традиционный реализм	Международные 2. Структурный реализм или неореализм
Идеальные	3. Организационная, политическая и стратегическая культура	4. Глобальная культура и нормы*

* *Desch M. Culture Clash // International Security, 1998. Vol. 23. №1. Summer, P. 156.*

Согласно характеристике политолога М.Деша, организационная теория связана с материальными интересами ведомств, которые и определяют выбор конкретной военной доктрины и в целом внешнеполитическое поведение государства. Традиционный реализм также имеет отношение к материальному измерению, но больше делает акцент на понятии силы государства с точки зрения его внутренних силовых характеристик, а природа человека объясняет причины и ход международных конфликтов. Структурный реализм или неореализм строится на особенностях распределения в основном материальной силы в системе и оно в свою очередь объясняет создание и распад военно-политических союзов (на этом строится теории баланса угрозы и военно-политических союзов С.Уолта). Организационная, политическая и стратегическая культура опирается на идеальные, субъективные факторы, которые объясняют выбор адекватной стратегии государства

¹ *Johnston A. Op. cit.*

или его военной доктрины. И наконец, глобальная культура и нормы претендуют на собственное объяснение необходимости гуманитарных интервенций, принятие некоторых военных технологий и выбор союзников. Приведенные выше характеристики не являются бесспорными, но они дают некоторое системное представление о месте и соотношении теории культуры в общей теории международных отношений.

Вместе с тем, необходимо признать, что перед теоретиками стратегической культуры и политологами—реалистами возникают свои пока еще не решенные проблемы: «проблема для теоретиков культуры заключается в том, как объяснить сходства в стратегическом поведении через культуры, когда культуры отличаются. И наоборот, проблема для структурных реалистов заключается в том, как объяснить различия в стратегическом поведении, когда структурные условия более или менее постоянны»¹.

В широком смысле стратегическая культура включает в себя две части:

- базовые положения о стратегической среде, о войне в международных отношениях, о природе противника, об угрозах, о месте и роли военной силы и ее эффективном применении. В этом заключается главная парадигма стратегической культуры.
- положения на оперативном уровне, отвечающие на вопрос: какие стратегические решения являются более эффективными для борьбы с имеющимися вызовами и угрозами. На этом уровне стратегическая культура влияет на поведенческий выбор.

Существуют несколько уровней анализа стратегической культуры:

- макроуровень: здесь учитываются географические особенности исследуемого объекта, его этнокультурные характеристики и исторический опыт;
- социальный уровень: здесь изучаются социально-экономические характеристики общества и его политическая культура;
- микроуровень: здесь проводится анализ военных институтов и военно-гражданских отношений.

Объектом анализа являются письменные источники, такие как официальные документы военно-политического, внешнеполитического и международного характера, выступления государственных деятелей и представителей элиты на военно-политические, внешнеполитические и международные темы, а также дебаты и научные труды по этим проблемам. Этот анализ проводится в определенном временном разрезе, который позволяет делать выводы об эволюции и устойчивости того или иного явления.

¹ Johnston A. Op. cit. P. 3.

Для анализа главным образом используется два метода. Первый — метод когнитивного картирования. «Когнитивная карта предназначена для того, чтобы охватить структуру причинно обусловленных суждений человека в отношении конкретной области политики и вызвать последствия, следующие из этой структуры»¹. Второй метод — анализ символов. Здесь подразумевается, что «символы — средства выражения и распространения мыслей, с помощью которых культурные формы (т.е. разделяемые правила, аксиомы, предпочтения и т.д.) вовлекаются, активируются или проявляются эмпирически»². По мнению А.Джонстона, в принципе символом может стать все, что угодно. Может иметься в виду слово или фраза, жест или событие, человек или место, а также предмет. Но здесь должно соблюдаться условие, что что-то становится символом в том случае, если оно наполняется смыслом, значением или ценностью. «С этой точки зрения через символы может отражаться стратегическая культура относительно роли силы в человеческих отношениях, эффективности определенных стратегий, а также какие стратегии могут быть лучше, чем другие»³.

Конечно, анализ символов требует осмотрительности и понимания ограниченности выводов. Это достаточно абстрактный и трудно измеряемый параметр в политической науке. К тому же может возникнуть вопрос об устойчивости смысла, значения и ценности изучаемого символа. В этом случае обязательно необходимо учитывать его временное измерение и, конечно, больше всего будут внушать доверие те символы, которые прошли испытание временем и эмпирически себя зарекомендовали. А.Джонстон предлагает использовать следующие предметы для анализа:

«1) часто используемые идиомы и фразы, которые приняты как аксиомы для обоснованного описания стратегического контекста и которые могут опосредованно содержать стратегические предпочтения;

2) ключевые слова, которые олицетворяют определенные бихейвиористские аксиомы или которые используются для описания законных действий, направленных непосредственно на противника;

3) аналогии и метафоры, функционирующие как дефиниции стратегического окружения»⁴

Здесь уместно вспомнить заявление президента США Дж.Буша сразу же после террористического нападения 11 сентября 2001 г., о намерении начать «крестовый поход» против международных террористов.

¹ *Axelrod R. Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites, Princeton, 1976. P.58.*

² *Johnston A. Op. cit. P. 50.*

³ *Ibid. P. 51.*

⁴ *Ibid.*

Это заявление вызвало резкую негативную реакцию в первую очередь среди мусульман Ближнего Востока, и оно было вскоре дезавуировано подчиненными Дж.Буша. Причина, по которой это заявление вызвало такую реакцию, лежит в негативной исторической памяти народов этого региона, оставленных крестовыми походами. Крестовые походы являются символом, имеющим вполне определенный устойчивый религиозно-идеологический смысл, к тому же носящий противоположный характер для народов Ближнего Востока и США. Кроме этого, необходимо подчеркнуть, что упоминание президентом Бушем крестовых походов не случайно, а является отражением американской стратегической культуры. США позиционируют себя в мире как своеобразную всемирную мессию, несущую свободу и демократию всем народам. Поэтому одна из характерных черт этой культуры это ее мессианский характер. Таким образом, можно констатировать, что упоминание Бушем крестового похода есть определенный символ американской стратегической культуры, характеризующий ее как мессианство, а применение военной силы против террористов и неугодных режимов — это инструмент реализации данной миссии, понимаемой президентом Бушем как продолжение крестовых походов в современных условиях.

Большое значение как компонент стратегической культуры имеют национальные стратегические представления. Эти представления влияют на выбор стратегии, например по приобретению ядерного оружия, исходя из трех предпосылок:

- «1) подчеркнуть небезопасность своей страны или ее неудачное международное окружение;
- 2) представить эту стратегию как наилучшим образом способную решить эти проблемы;
- 3) успешно ассоциировать эти верования с существующими культурными нормами и политическими приоритетами;
- 4) убедить политиков принять и действовать на основе этих взглядов»¹.

Стратегические представления могут вступить в конкурентную борьбу различных представлений разных ведомств (которые по сути есть часть организационной культуры), участвующих в выработке стратегии, а также элиты, экспертной и академической среды и общества. Возникает вопрос: какое/ие представления могут взять верх. Здесь выделяются три фактора, способных повлиять на конечный результат.

- 1) субстантивное содержание стратегического мифа² и его совмес-

¹ Lavoy P. Pakistan's Strategic Culture: A Theoretical Excursion // Strategic Insights, Vol. IV, Issue 10, October 2005.

² Некоторые политологи как П.Лавой используют термин «миф», на наш взгляд термин «представление» более предпочтителен.

тимостью с существующими культурными нормами и политическими приоритетами;

- 2) способность создателя мифа легитимизировать и популизировать его или ее верования среди окружающей элиты, а затем убедить национальное руководство действовать на основе этих верований;
- 3) процесс, посредством чего институциональные акторы интегрируют стратегические мифы в идентичности и задачи своих организаций¹.

Несмотря на то, что как любая культура, она менее подвержена влиянию структурных изменений или баланса сил в международных отношениях, стратегическая культура находится в постоянном процессе эволюции, так как отражает процесс развития исторического опыта. Национальные модели мысли и действия в области применения военной силы также постепенно меняются по мере того, как возникают более предпочтительные способы разрешения проблем и появляются новые возможности, дающие дополнительный толчок развитию исторического опыта. Поэтому не существует неизменной стратегической культуры. «Крупные потрясения в системе, вес прошлого и то, как путь в прошлое интерпретируется в качестве ориентира в настоящее, далеко перевешивает важность маргинальных изменений в культуре, наблюдаемой из года в год».²

Кроме этого, существуют несколько подходов к выведению зависимости между стратегической культурой и стратегическим поведением государства, исходя из вероятности наличия независимых факторов.

1) Ортодоксальные сторонники теории стратегической культуры (С.К.) придерживаются прямой зависимости между стратегической культурой и поведением государства и особенностями и способами применения военной силы. Графически эта зависимость выглядит следующим образом:

С.К. → поведение государства

2) В соответствии со вторым подходом в эту зависимость вмешивается внешний фактор, который может оказать значительное влияние на то, как государство ведет себя во внешнем окружении и как оно рассматривает место военной силы и способы ее применения во внешней политике. Например, поражение США во Вьетнаме привело к появлению доктрины Уайнбергера — Пауэлла. А окончание «холодной войны» и изменения в международных отношениях в связи с распадом

¹ *Lavoy P.* Op. cit.

² *Gray C.* Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

СССР и мировой системы социализма привели к отказу от этой доктрины. Графически эта зависимость выглядит следующим образом:

С.К. → фактор отличный от культуры → поведение государства
(например, внешний кризис)

3) Согласно третьему подходу на эту зависимость влияют как внешние, так и внутренние факторы. Например, появление доктрин Буша и Рамсфелда — это, с одной стороны, результат нападения международных террористов на США, а с другой стороны, эти доктрины — своеобразная внутренняя политическая игра неоконсерваторов внутри страны, которые воспользовались этой ситуацией для реализации своих планов. Графически эта зависимость выглядит следующим образом:

С.К. → факторы отличные от культуры → поведение государства
(например, внешний кризис и внутренняя политическая игра)

При этом сторонники теории культуры считают, что реакция на внешние и внутренние факторы все равно будет зависеть от всех типов культуры данного государства как политической, организационной, так и стратегической, а стратегический выбор и поведение будет отражением этих культур. Более конкретно на стратегическую культуру влияет ряд факторов, таких как «провал существующих стратегий, генерационные изменения, крупные внутренние технологические революции, существенные развития в международном окружении и уроки, полученные со стороны других государств»¹. Политолог Дж.Лантис утверждает: «Возможно Бергер (политолог. — О.И.) прав, что стратегическая культура лучше всего понимается, как «являющаяся предметом переговоров реальность» среди внешнеполитической элиты»². Что указывает на то, что на культуру влияет «торг» среди внешнеполитической элиты по поводу применения военной силы и поведения государства.

В то же самое время необходимо признать, что в последние десятилетия после окончания «холодной войны» на стратегическую культуру государств объективно влияют внесистемные силы в виде террористических организаций. Они оказывают как материальное, так и идейное воздействие на стратегическую культуру.

Весьма интересным с академической и практической точек зрения представляется вопрос о том, можно ли полагать, что негосударствен-

¹ Booth K. Strategy and Ethnocentrism, New York: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1979. P.121.

² Lantis J. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // Strategic Insights, Naval Postgraduate School, Vol. IV, Issue 10, October 2005.

ные акторы, как, например, террористические организации, тоже обладают стратегической культурой, как и государства — акторы международных отношений. Ответ лежит в плоскости выбранных подходов к изучению стратегической культуры. Если мы отдаем приоритет материальному фактору, как геополитика, то только государства являются носителями стратегической культуры. Если же приоритет отдается мифам и символам, которые легко распространяются в информационной среде, то негосударственные акторы становятся обладателями стратегической культуры. В любом случае будет уместно отметить, что «конкретная рациональность оппонента может отражать ценности, верования, восприятия и суждения относительно приемлемого риска, которые могут отличаться от того, кто пытается повлиять на поведение. Простые предположения, что кто-то имеет дело с рациональными или унитарными акторами может быть особенно опасным, когда кто-то пытается иметь дело с негосударственными акторами, такими как боевики, террористы или соперники в гражданских войнах»¹.

Изучая стратегическую культуру и рассматривая ее как один из факторов, влияющих на применение военной силы в международных отношениях, необходимо иметь в виду «предостережение, что в поиске причинно-следственных отношений существует риск слишком большого упрощения социального мира. Соответственно категории из одного случая могут неуместно применяться в других. Неадекватное знание данной стратегической культуры может привести к неправильному пониманию различных свойств таких понятий, как гордость, честь, обязанность, безопасность и стабильность»². Проблема заключается в определении адекватного места стратегической культуре как одной из парадигм в ряде других, объясняющих применение военной силы. Понимая, что каждая парадигма имеет свои сильные и слабые стороны, они способны дополнять друг друга при осознанном и правильном их использовании.

2.3. Американская стратегическая культура и ее проявление в войне в Ираке

Американская стратегическая культура носит свой оригинальный характер, так как является частью общей американской политической культуры и отражает военно—стратегический опыт, особенности социального и культурно-исторического развития государства, делаю-

¹ George A. and Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, Mass.: MIT Press, BSCIA Studies in International Security, 2005. P. 273.

² *Howlett D. Strategic Culture: Reviewing Recent Literature // Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.

щих США отличными от других стран и культур. Вице-президент российской коллегии военных экспертов А.Владимиров дает следующую характеристику американской стратегической культуре: «В качестве несомненных национальных особенностей стратегической культуры США (и их несомненного большого военного стиля) мы можем указать на следующие: способность к глубокому стратегическому национальному целеполаганию и наличие разработанной национальной стратегии; решительность и глобальность целей национальной стратегии; способность руководства государства к планомерному, целеустремленному и решительному воплощению целей национальной стратегии и к мобилизации для этих нужд огромных ресурсов; равнодушие к конечной судьбе населения «сокрушенного» государства и так далее»¹. Не подвергая сомнению корректности характеристики рациональной основы американской стратегической культуры, недостаток заключается в том, что она подходит под военно-политическую стратегию любого крупного государства, построенную на рациональной модели. В данной характеристике не хватает иррациональной индивидуальной составляющей, что является исключительно важным, так как по определению политолога К.Грея, стратегическая культура определяет «наш (американский. — О.И.) национальный подход к войне как инструменту политики»².

Необходимо иметь в виду, что на формирование американской стратегической культуры повлияли и продолжают влиять внутренние и внешние факторы. К внутренним факторам можно отнести следующие:

- «1) континентальная изолированность;
- 2) отдаленность серьезных угроз безопасности частично ввиду военной слабости непосредственных соседей;
- 3) опыт освоения приграничных территорий;
- 4) устойчивые фундаментальные религиозные верования;
- 5) национальная субструктура иммигрантов»³.

Что касается внешних факторов, то одним из самых значительных является динамичный баланс сил в международной системе. В настоящее время сложился дисбаланс силы в пользу США. Как утверждает американский исследователь Р.Кейган: «Существенное и постоянно возрастающее неравенство сил (между США и Европой) не могло не вызвать углубления пропасти в стратегическом восприятии и стратегической культуре. Сильные державы изначально смотрят на мир ина-

¹ *Владимиров А.* О национальной стратегической культуре и национальной стратегии России // Маркетинг и Консалтинг, 2004. 28 апреля.

² *Gray C.* National Style in Strategy: The American Example // International Security, Fall, 1981. P. 22.

³ *Gray C.* Nuclear Strategy and National Style, Lanham, Md.: Hamilton Press, 1986. P. 40.

че, чем более слабые. Они по-разному оценивают опасности и угрозы, по-разному определяют безопасность и имеют иные пороги терпимого отношения к опасности»¹.

Наложила свой отпечаток и теория сдерживания. Как утверждают сторонники этой рациональной модели, сдерживание есть игра рационально мыслящих акторов. Возможность реализовать стратегию сдерживания зависит от того, насколько точно стороны воспринимают сигналы друг друга. Вообще, стратегия сдерживания реализуется в условиях прозрачности действий сторон тогда, когда военные возможности очевидны. Здесь понимание зависит не только от точности изложения своих требований, но не в меньшей степени от культурных факторов и стратегической культуры в частности, играющих роль своеобразных линз, через которые проходят посылаемые сигналы. В соответствии с американской стратегической культурой «передовое развертывание их сил (например, передвижение авианосных групп в прибрежные воды сдерживаемого государства) посылает сильный сигнал своих возможностей и желания применить силу в данной ситуации. Таким образом, ожидается, что он должен иметь сильный сдерживающий эффект. Однако такое действие легко может быть неправильно понято страной, такой как, например, Китай, чья стратегическая традиция подчеркивает важность неожиданного нападения. С этой точки зрения преднамеренное выставление сил кажется больше как альтернатива их применению. В конце концов, если противник намеревался атаковать, то он был бы более осторожен в своих приготовлениях»².

С другой стороны, опасно переносить особенности своей стратегической культуры на противоположную сторону и смотреть на нее через линзы своей стратегической культуры. «США могут рассматривать отсутствие видимых приготовлений применения силы как признак того, что противнику не хватает воли или возможности. Вместо этого, оно может отражать желание противника достичь неожиданности, когда в реальности нападение произошло. Подобным образом как США (в Корее в 1950 г.), так и Индия (в 1962 г.) неправильно восприняли тактическую «паузу» Китая (т.е. прекращение боевых действий вслед за первоначальной атакой со стороны Китая) как признак того, что китайцы не желали или были неспособны вести крупные боевые действия»³. Таким образом, незнание или непонимание стратегической культуры может привести к ложной оценке возможных действий противоположной стороны. Что касается самих США, то открытая демонстра-

¹ Кейган Р. О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004. С. 30-31.

² Shulsky A. Deterrence Theory and Chinese Behavior, RAND, 2000. P. 33-34.

³ Ibid. P. 34.

ция военной силы в виде проводимых маневров или концентрации сил для вероятного нападения, соответствует их стратегической культуре и особенно явно выражено в реализации стратегии сдерживания.

Правильное понимание значения и места такого иррационального фактора, как культура, в применении военной силы или в выработке стратегии по ее применению важно, так как пренебрежение им или акцентирование своих действий исключительно на рациональной модели может привести к сверх обобщениям и не дать возможность построить свои приоритеты. С другой стороны, нельзя уходить в другую крайность, когда фактор культуры начинает диктовать определенные решения тем, кто их принимает. «Успешный стратег должен понимать американскую политическую культуру. Приобретение такого понимания это процесс на всю жизнь. В политической культуре есть устойчивые темы, но есть и такие, которые появляются, исчезают и меняют свою важность. Простого перечня не будет достаточно, поскольку темы политической культуры не обладают одинаковой важностью в каждой ситуации. Стратег должен понимать социальные условия, которые вызывают сдвиг в ценностях»¹.

Необходимо знать и учитывать фактор культуры вообще и политической культуры в частности, поскольку знание этого фактора ведет к:

- лучшему пониманию своей и других культур в локальном смысле;
- лучшим возможностям различать устойчивые политические мотивации и делать прогнозы;
- лучшим возможностям сообщать то, что необходимо сообщить;
- лучшим возможностям понять значение событий в их оценке другими².

Поскольку стратегическая культура вообще и американская в частности, связана с видением места и особенностей применении силы, то для того, чтобы правильно понять американскую стратегическую культуру, необходимо ответить на вопрос: «Что влияет на то, что должен чувствовать, думать и как себя вести американец относительно военной силы»? Для этого необходимо рассмотреть ряд положений, раскрывающих американскую стратегическую культуру.

Отношение к фактору времени. Проводя компаративный анализ американской культуры с китайской культурой, Г.Киссинджер отмечает разницу восприятия фактора времени: «Пульс времени Китай и Америка ощущают по-разному. Если спросить американца о каком-нибудь историческом событии, он назовет вам конкретную дату, а китаец назовет династию, в правление которой оно произошло. Из 14

1 Downey F. and Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // Parameters, 1988. September.

2 Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

императорских династий по меньшей мере восемь правил дольше, чем вся история Соединенных Штатов»¹.

Обладая различным ощущением пульса времени, неудивительно, как подчеркивают американские политологи Ф.Дауни и С.Метц: «Американцы часто ведут себя, как будто мир был создан в 1945 г. В американской внешней политике содержится мало глубокого понимания истории, которое наполняет государственное управление стран Европы и Азии. Это не должно удивлять: одержимость новыми вещами находится в центре американской культуры... Новое обычно считается лучшим»². В качестве примера можно рассмотреть отношение американского военно-политического сообщества к стратегии по борьбе с повстанцами. Она была весьма популярной до поражения США в войне во Вьетнаме. После печального опыта войны той же стратегии дали название стратегия «конфликтов низкой интенсивности» (КНИ). «Все, что имеет ярлык стратегии КНИ, имеет больше шансов быть принятым, чем стратегия по борьбе с повстанцами. Даже те измерения антиповстанческой доктрины, которые прошли испытание временем, должны быть переупакованы, чтобы выглядеть новыми»³.

Американское стремление быстро решить имеющиеся проблемы и достичь поставленных задач, является отражением восприятия узости исторического процесса. Недостаток терпения усиливается электро-ральным циклом. Положительные результаты нужны к определенному сроку, связанному с предстоящими выборами. Этот фактор стал частью американской культуры и оказывает постоянное давление на военно-политическое планирование. «Для стратега нетерпение создает проблемы. Даже когда он осознает, что рекомендации, ведущие к быстрому разрешению, будут восприняты политиками, проницательный стратег также знает, что именно эти рекомендации провалятся, как только они начнут выполняться. Стратег часто оказывается в ситуации выбора между предложением плохого совета, на который скорее обратят внимание, и хорошего совета, который вероятно будет проигнорирован»⁴.

Отношение к проблемам в международных отношениях и способам их разрешения. Являясь технократичными по своей природе, американцы ориентированы на нахождение пути решения любой проблемы, причем в короткие сроки.

«Американцы ищут решения конкретных проблем. Китайцы видят в истории процесс, у которого нет видимой кульминации. Американ-

¹ Киссинджер Г. Восток есть Восток // Итоги, 2001. 17 апреля. С. 34.

² Downey F., Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // Parameters, 1988. September.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

цы считают, что в основе международных разногласий лежит либо недопонимание, либо чья-то злая воля. В первом случае можно действовать убеждением (иногда достаточно настойчиво), во втором — нужно одолеть злодея или его уничтожить. Китайцам чужд личный подход, они сдержаны и терпеливы, в то время как Вашингтон в международных отношениях старается апеллировать к доверию и доброй воле»¹. Действительно согласно американской политической культуре, проблемы и угрозы создают «плохие парни» и если избавиться от них, тем самым освободив другие народы и государства, то это будет соответствовать американским национальным интересам, а США и весь мир будут в безопасности и процветать. Этим можно объяснить стремление американской администрации отстранить от власти таких лидеров, как С.Милошевича в Югославии и С.Хусейна в Ираке. Такое восприятие мира через линзы «черное — белое» по сути является феноменом, известным в теории международных отношений, как «зеркальное отражение». Это весьма упрощенное восприятие мира, что по мнению Г.Киссинджера и объясняет следующее отношение китайцев к американцам: «Американцы кажутся китайцам сумбурными и легковесными»². При таком восприятии американской культурой проблем и способов их разрешения в международных отношениях применение военной силы может быть неадекватной и весьма опасной.

В зависимости от культуры по-разному могут восприниматься даже такие явления, как кризисы. «Американская концепция кризиса рассматривала его только как опасность, которая вела к использованию кризисного менеджмента. Она была нацелена на разрешение кризисов, а не рассматривала кризис как возможность воспользоваться им для своих интересов. В то же время китайская концепция подчеркивала, что кризисы это новые возможности»³. Такое различное прочтение кризисов, а также различная интерпретация планов и расчетов лежит в основе того непонимания, которое сложилось в отношениях между Китаем и США еще в годы «холодной войны».

Вера в свою уникальную мессию в мире. Американцы уверены в том, что они обязаны выполнять свою уникальную мессию в мире в духе крестовых походов. Как подчеркивает Г.Киссинджер, «крестовые походы от имени демократии неявно выражены в американском политическом мышлении, но периодически ярко проявлялись в американской политике со времен Вудро Уилсона и особенно в политике администрации Дж.Буша»⁴. Отсюда и исходят попытки распространить и

¹ Киссинджер Г. Восток есть Восток // Итоги, 2001. 17 апреля. С. 34.

² Там же. С. 36.

³ Betts R. Is Strategy an Illusion? // International Security, 2000. Vol. 25. №2. P. 28-29.

⁴ Kissinger H. Anatomy of a partnership // International Herald Tribune, 2006. March 10.

внедрить систему американских ценностей как универсально подходящую всем культурам. «Приверженцы идеи «благожелательности» и важности американской миссии убеждены, что все народы должны разделять те же ценности, что и американцы; если этого не происходит сразу, то они все равно захотят поклоняться тем же ценностям в будущем и будут готовы принять их; если же они отказываются от этого, то это ошибка, и они не понимают, что хорошо и что плохо для их страны, поэтому Вашингтон должен убедить их или заставить их принять эти ценности»¹. В этом случае военная сила также выступает инструментом «помощи» принятия этих ценностей другими народами и государствами и создания новых государств. Именно на американской военной силе держится сегодняшняя администрация в Ираке.

Вера в свою исключительность. Известный лозунг «Права или не права, моя страна всегда права» сидит глубоко в сознании американцев и тесно связан с искренним убеждением в своей исключительности. Вера американцев в свою исключительность основывается на морализме ранней республики, когда американцы начали считать, что они морально выше «старого света», раздираемого социальными противоречиями и религиозными преследованиями. По характеристике американского историка Ф. Логеваля «Америка представляет собой высшую форму цивилизации, светоч надежды для всего человечества. Ее политика уникально бескорыстна, а ее институты заслуживают особого подражания»².

Вера в свою исключительность находит свое отражение в позиционировании себя в мире. «Если США не солипсистичны, то по крайней мере, они ужасно самоцентричны. В некоторой степени все государства стремятся вменять другим свои собственные восприятия, ценности и мотивации в том, что называется «зеркальное отражение». Однако США часто доводят эту тенденцию до предела. В результате американская стратегия упускает из вида ключевые отличия в восприятии, ценностях и мотивациях как своих союзников, так и оппонентов»³. Частью американской политической культуры является ощущение собственной «исключительности», которое имеет особый идеологический характер. Директор института США и Канады С.Рогов подчеркивает: «Надо иметь в виду, что США — чрезвычайно идеологизированная страна, считающая себя «сияющим градом на холме»⁴. Это восприятие основывается на том редком факте, что США были первой страной,

¹ Шаклеина Т. Российско-американские отношения: от иллюзии партнерства к реальности взаимодействия // США и Канада, 2004. №12. С. 7.

² Печатнов В. Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике, 2006. №2.

³ Downey F., Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // Parameters, 1988. September.

⁴ Блинов А. Нестабильное партнерство Москвы и Вашингтона // Независимая газета, 2006. 31 мая.

созданной на основе конституции. Если в XVIII и XIX вв. эта «исключительность» поддерживала изоляционизм в политике, то в последующий период эта черта стала оправдывать необходимость взять на себя глобальное лидерство. В среде американской элиты широко распространена «вера в то, что большинство стран хотят быть похожими на США, и принимают их лидирующую международную роль»¹.

Создание образа врага. Если противника нет или его угроза не так велика, то для преследования собственных национальных интересов, враг либо создается, либо его опасность преувеличивается. Пример американской кампании в Ираке в 2003 г. наглядно свидетельствует о том, как преувеличивалась опасность режима С.Хусейна и принималось «нужное» решение на его быстрое свержение. Американские разведчики были поставлены своим руководством перед задачей, найти быстрое решение в условиях неполной или искаженной информации о наличии ОМУ в Ираке. Бывший помощник государственного секретаря и специального советника президента, а сегодня директора департамента международной безопасности и оборонной политики в авторитетном мозговом центре РЭНД Корпорейшн Доббинс отмечает: «Этот провал разведслужб может объясняться естественной склонностью аналитиков преувеличивать любой возможный риск, которая была подкреплена склонностью политиков преувеличивать риск того, что у Саддама Хусейна могло быть оружие массового поражения»². Как иллюстрирует анализ событий, преувеличение аналитиков явилось и результатом такого явления, которое достаточно хорошо известно среди специалистов в области национальной безопасности, когда политики — потребители развединформации обращают внимание только на те сведения или требуют от разведчиков только ту информацию, которая поддерживает существующую или намеченную политическую линию. Как показываю свидетельства, скорее всего это и произошло в рассматриваемом случае. Подтверждает данный тезис вывод, сделанный в докладе американского Фонда Карнеги: «Где-то в 2002 г. на разведывательное сообщество начали оказывать неправомерное давление взгляды политиков»³. В Вашингтоне образовались два мощных рычага воздействия на президента Буша. Первый — Пентагон во главе с министром Рамсфелдом и его заместителем Вулфовицем. В Пентагоне было создано управление специальных планов (Office of Special Plans), задачей которого был самостоятельный анализ поступающей информации по Ираку. Но, как оказа-

¹ *Becker M.* Strategic Culture and Ballistic Missile Defense // *Aerospace Power Journal*, Special Edition, 1994.

² *Dobbins J.* A perilous dialogue of pessimists, *The Financial Times*, 2004. February 4.

³ Intelligence abuse is a dangerous game // *The Financial Times*, 2004. January 9, www.inosmi.ru

лось, по большому счету сотрудники управления занимались «сбором вишни» (cherry-picking — профессиональный разведывательный сленг), т.е. отбирали те сообщения, которые подтверждали уже существующие взгляды политиков на проблему, отвергая все остальные. Второй рычаг — приобретшие больший вес и влияние, чем традиционно принято в американской национальной безопасности, должность вице-президента и его аппарат. Американский эксперт Херш отмечает, что старшие аналитики ЦРУ, работавшие по Ираку, находились под постоянным давлением кабинета вице-президента Чейни, дабы они предоставляли только наихудшие сценарии по оценке ситуации с ОМП в Ираке. Вскоре они «сдались» и начали предоставлять «нужную» информацию.

Демонизация противника. Одной из характерных черт американской культуры является реализация такого политологического понятия, как «зеркальный образ». Понятие «зеркального образа» говорит о том, что каждая из противоположных сторон считает, что она обладает положительным и добропорядочным образом, в то время как противоположная сторона демонизируется. Таким образом, мир выглядит в тонах белый-черный или свой-чужой и плохой-хороший. Если в период «холодной войны», как утверждает российский историк В.Печатнов, «вытекающая отсюда склонность к демонизации противника поощрялась громоздкой конституционной системой «сдержек и противовесов» и популярностью массового антикоммунизма, что толкало политиков к повышенному алармизму в отношении «советской угрозы», то в настоящее время американская военно-политическая элита склоняется к тому, чтобы демонизировать все государства и их лидеров, которые не демонстрируют свою лояльность политике США. «Поэтому любая враждебность к Соединенным Штатам по определению направлена против прогресса и правого дела, а следовательно (тоже по определению), находится вне закона»¹.

Именно таким восприятием обладает президент США Дж.Буш, когда он заявляет, что весь мир делится на тех, кто поддерживает США в борьбе с терроризмом, и тех, кто стоит на стороне террористов, если они не согласны с США в борьбе с ними. Подход на основе «зеркального отражения» искажает объективное восприятие международного окружения, поскольку даже не все союзники США поддерживают американские методы в борьбе с террором. В целом как результат, демонизация противоположной стороны «становится источником выборочного невнимания, отсутствием сочувствия (к другому) и излишней военной уверенности»².

¹ Печатнов В. Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике, 2006. №2.

² Neack L., Hey J., Haney P. Foreign Policy Analysis, Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1995. P. 56.

Отношение к военной силе. Если исторически американское общество подозрительно относилось к применению военной силы в своей внешней политике, то, начиная с появления известного документа национальной безопасности NSC-68 в рамках стратегии сдерживания, военная сила стала рассматриваться как панацея для разрешения политических проблем. При этом необходимо отметить, что она сориентирована на кратковременное и эффективное применение с упором на технологическое превосходство над противником. На протяжении всей «холодной войны», кроме периода после вьетнамского синдрома, эта тенденция сохранялась в разных вариациях. Уже после окончания «холодной войны», являясь государственным секретарем, М.Олбрайт подчеркивала: «Здравый смысл говорит нам, что иногда лучше иметь дело с нестабильностью, когда она все еще на расстоянии, чем ждать ее появления у нашего порога»¹. Причем речь шла не только о дипломатических усилиях, но и о применении военной силы. Такая логика объясняет одно из ключевых положений доктрины Клинтона о том, что «лучший способ сохранить стабильность в тех регионах, которые действительно важны для Соединенных Штатов (как Западная Европа), заключается в борьбе с нестабильностью в других регионах, как бы незначительно она ни выглядела до того, как она может усилиться и распространиться»². В связи с этим положения доктрин Уайнбергера — Пауэла стали считаться устаревшими. «Стратегия НАТО (речь идет о бомбардировке Югославии — О.И.) была антидоктриной Пауэла», заметил уже в наше время представитель Белого дома. «Ее успех означал, что сегодня вы не увидите Колина Пауэла, говорящего о доктрине Пауэла по телевидению», сказал другой»³.

В настоящее время признается, что война, ориентированная на кратковременное и эффективное применение военной силы, не является самым сильным местом, поскольку, по мнению самих американских экспертов, «американские военные обладают умением вести сражение, но не войну. К сожалению, война не только связана с наиболее точным нанесением огневого удара и с быстрым и решительным маневром механизированных сухопутных сил»⁴. Кроме этого, судя по недостаточно эффективным действиям американских военнослужащих уже в конфликтах низкой интенсивности в Ираке после свержения режима С.Хусейна, американские политики и стратеги пренебрегли или недооценили известное правило, гласящее: «К вой-

¹ *Klare M.* The Clinton Doctrine // The Nation. Web Edition. 1999. April 19.

² *Ibid.*

³ *Daalder I., O'Hanlon M.* Unlearning The Lessons Of Kosovo // Foreign Policy, Fall 1999. P. 128.

⁴ *Gray C.* How Has War Changed Since the End of the Cold War? // Parameters, 2005. Spring. P. 21.

не нельзя прибегать, не принимая во внимание ее политический, социальный и культурный контекст»¹.

Американская стратегическая культура по-своему рассматривает потенциал уничтожения противника. В частности, «американские руководители полагали, что «способность военного уничтожения является ключом сдерживания». В то время как китайские руководители подчеркивали, что массы, владеющие оружием, и социальная сплоченность, а не само по себе оружие (являются ключом сдерживания. — О.И.)»².

Низкая терпимость к людским потерям. Этот фактор проистекает из индивидуализма как одной из важных составляющих общей американской культуры, уходящих корнями в протестантизм. Американское общество крайне болезненно воспринимает боевые потери среди американских военнослужащих. Поэтому американская стратегическая культура направлена на максимальное сохранение жизней своих военнослужащих. «Американские руководители рассматривали перспективу человеческих потерь врожденно негативно (имеются в виду собственные потери, а не противника. — О.И.). В то время как китайцы считали, что человеческие жертвы являются необходимой ценой прогресса и свидетельство того, что политические завоевания достигаются»³. Резкое неприятие потерь как часть американской культуры стало причиной бурного недовольства американского общества потерями, которые понес американский военный контингент в Сомали в 1993 г. Протесты американцев, последовавшие после показа убитых военнослужащих США по телевизионному каналу Си Эн Эн, вынудили президента Клинтона вывести войска из Сомали. По признанию американского военного эксперта Дж.Трэхана, «когда дело справедливое, а ставки высоки, мы (имеются в виду американцы. — О.И.) демонстрируем замечательную устойчивость. В менее важных делах наша культурная терпимость к потерям низкая»⁴.

В 2002 г. министр обороны США Рамсфелд выпустил руководство по применению военной силы, в котором говорится, что руководители США должны избегать давать обещаний не делать что-то, т.е. например, не использовать сухопутные войска, не бомбить ниже 20000 футов (поскольку повышается риск для летчика быть сбитым средствами ПВО противника), не рисковать жизнями американцев. Это положение руководства свидетельствует о том, что в рамках трансформации вооруженных сил Рамсфелд пытается отойти от неприя-

¹ Gray C. Op. cit.

² Betts R. Is Strategy an Illusion? // International Security, 2000. Vol. 25/ №2/ P. 29.

³ Ibid.

⁴ Trahan J. The Influence of Culture on Post Cold War Military Operations: An Examination of the Need for Cultural Literacy, 1995. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/TJR.htm>

тия потерь как фактора стратегической культуры. Низкая терпимость к людским потерям рассматривается противниками США как их уязвимое место, которым необходимо воспользоваться, чтобы добиться победы над США. Во время американской операции в Сомали в 1992-1993 гг. руководитель повстанцев генерал Айдид заявил, что они изучали опыт Вьетнама и знают, что для того, чтобы избавиться от американцев, надо их убивать. Тогда изменившееся общественное мнение положит конец действиям США. Сами американские эксперты подчеркивают, что на затягивание боевых действий для нанесения больших потерь и будут нацелены асимметричные действия возможных противников в будущем. Рост потерь и неопределенная перспектива в Ираке также выводят на первый план данные особенности американской стратегической культуры.

Влияние практики и культуры предпринимательства. Практика и культура предпринимательства является частью американской стратегической культуры. Гражданское общество и большой бизнес оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на выработку военно-политических стратегий и особенности применения военной силы. Согласно законодательству США, министром обороны может быть только гражданское лицо. «В министерстве обороны, научных учреждениях военного профиля и в самих вооруженных силах много гражданских специалистов и служащих (около 1 млн. человек)»¹. Гражданские и военные связаны общими деловыми и иными интересами. Крупный бизнес оказывает огромное влияние через ВПК страны. Идет постоянная ротация верхнего и в значительной степени среднего эшелонов военно-политической элиты из мира бизнеса в государственный аппарат и обратно. Так например, Д.Чейни был на должности министра обороны в администрации Дж.Буша-старшего, затем ушел в нефтяной бизнес, а в администрации Дж.Буша-младшего стал вице-президентом. Министр обороны в администрации Дж.Буша-младшего Д.Рамсфелд занимал эту должность ранее при президенте Р.Рейгане, а в промежутке также работал в американском бизнесе. Наиболее авторитетные ученые и эксперты в военно-политических исследованиях как Б.Броди, А.Джордж, Г.Киссинджер, Г.Моргентау, Р.Смоук, С.Хантингтон, Т.Шеллинг и многие другие были гражданскими людьми.

Большой бизнес стал частью американской стратегической культуры благодаря применению экономической теории в разработке военной стратегии. В частности, заняв должность министра обороны при президенте Дж.Кеннеди в 1961 г., Р.Макнамара ввел в военное дело

¹ *Жинкина И.* Стратегическое мышление США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2002. №3. С. 86.

широко применявшийся в бизнесе системный анализ через систему планирования, программирования и бюджета (Planning Programming & Budgeting System — PPBS). Главной задачей, по мнению Макнамары, было предельно рационализировать процесс разработки военной стратегии, ввести объективные показатели, нацеленные на то, чтобы минимизировать затраты, максимизировав при этом выгоду, тем самым уменьшая влияние иррационального фактора.

В настоящее время бизнес продолжает оказывать свое воздействие на военное дело. «Эволюция концепций национальных интересов происходит под влиянием методик, применяемых крупными корпорациями для определения приоритетности стратегических целей и задач, выстраивания их иерархии. Обнаружены многие полезные для стратегии национальной безопасности подходы в анализе зависимости стратегических целей от имеющихся средств и возможных методов их достижения, в исследованиях рычагов влияния на окружающую среду и выработки затем оптимальных вариантов внешней и военной политики»¹. С другой стороны, показательно, что идет и обратный процесс, когда военное дело воздействует на американский бизнес, все больше сближая их методы работы. В частности, американский маркетинг широко использует военный опыт. Об этом свидетельствует изменение акцентов с потребителей товаров и услуг на рынке на конкурентов. «Чтобы сегодня добиться успеха, компания должна начать ориентироваться на конкурентов. Она должна искать слабые места в их позициях и устраивать маркетинговые атаки, нацеленные именно туда. Многие добившиеся в последнее время процветания компании подтверждают это... Маркетологи должны готовиться вести войну... Все более важным будет становиться стратегическое планирование. Компаниям придется научиться атаковать конкурентов и обходить их с флангов, овладеть навыками партизанской войны. Им понадобится разведка, чтобы знать о готовящихся действиях конкурентов... Изучение войны — это не просто изучение методов побеждать... Это еще и овладение навыками не проигрывать»². Таким образом, методы ведения бизнеса и военной стратегии в США переплетаются и обогащают друг друга. Как в бизнесе, так и в военной стратегии главной задачей становится формирование благоприятной для американской стороны «внешней среды». Глобальная стратегия США в форме сдерживания или нанесения упреждающих ударов преследует именно эту главную цель на долгосрочную перспективу.

Зависимость от технологий. Как в американском бизнесе, так и в военном деле все большее значение приобретают передовые техноло-

¹ Жинкина И. Указ. соч. С. 88.

² Райс Э., Траут Дж. Маркетинговые войны. СПб., 2000. С. 20-24. Цит. по: Жинкина И. Указ. соч. С. 87.

гии. Опора на передовые технологии получила свое выражение в «вере в высокие технологии и вообще в панацею менеджерского и технического рода»¹. Данный взгляд объясняется тем, что, во-первых, согласно американской стратегической культуре любую проблему можно решить, подобрав правильный технологический прием. Такой подход можно охарактеризовать как своеобразный технократический подход. Во-вторых, как неперенное условие США обязательно должны обладать технологическим превосходством над любым противником. Как указывал министр обороны Рамсфелд в своем ежегодном докладе президенту и Конгрессу страны (2002 г.): «Технологическое превосходство является одной из характерных черт вооруженных сил США и одной из фундаментальных основ американской военной стратегии»². Если будет выбор, то США не будут вести боевые действия с кем-либо, если они не обладают таким превосходством. Задача на технологическое превосходство ставится по двум причинам. С одной стороны, это сугубо рациональный подход, чтобы минимизировать затраты и максимизировать выгоду. С другой стороны, это иррациональный: добившись превосходства, американцы чувствуют себя комфортно, так как находятся в своей культурной среде.

Характеризуя американскую стратегическую культуру, американский эксперт С.Метц подчеркивает, что она включает: «Бесконечный поиск технологических решений проблем, стремление к постоянному усовершенствованию, тенденцию использовать качественное превосходство, чтобы снизить потери и таким образом сохранить политическую поддержку боевых действий, а также ощущаемую необходимость американского военного превосходства»³. Поиск технологических решений проблем и стремление к постоянному усовершенствованию получили свое практическое выражение в так называемой «революции в военном деле», которая также стала частью американской стратегической культуры. «Две взаимосвязанные концепции РВД (революция в военном деле. — *О.И.*) и необходимость трансформации подчеркивают акцент на постоянное изменение и совершенствование, что стало частью американской культуры»⁴. Конечно, эта тенденция будет иметь устойчивый и длительный характер, поскольку позволяет США идти по проверенному и хорошо разработанному пути внедрения современных технологий. С другой стороны, современные технологии позволяют использовать рациональную модель, где это возможно.

¹ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

² Rumsfeld D. Annual Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. Washington D.C. 2002. August <http://www.defenselink.mil/execsec/adr.2002>

³ Metz S. American Strategy: Issues and Alternatives for the Quadrennial Defense Review, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2000. P.25.

⁴ Ibid. P.32.

Стремление к массированному и быстрому применению военного насилия. Поскольку стратегическая культура произрастает из общей культуры социума, то фактор времени в военной области также имеет прямое отношение к его восприятию в гражданском обществе. Известное высказывание из мира бизнеса, что «время это деньги», находит свою реализацию в стремлении американской стратегической культуры добиться быстрых искомым результатов, т.е. победы. Отсюда вытекает принцип массированного применения американской превосходящей силы, нацеленного на быстрое достижение положительного результата. Поэтому доктрина Уайнбергера — Пауэлла была принята как органично отражавшая особенности американской стратегической культуры. Политолог Э.Коэн приводит две доминирующие характеристики американской стратегической культуры как «предпочтение массированному сосредоточению большого количества личного состава и техники и пристрастие к непосредственному и интенсивному наступлению»¹. Согласно американской стратегической культуры и американскому способу ведения войны, когда Соединенные Штаты наконец создали национальный подход к применению силы в международной политике, стратегия уничтожения стала характерным американским способом ведения войны.

Американское военно-политическое руководство, извлекая уроки из поражения во Вьетнаме, отказалось от теоретической и практической подготовки к «малым войнам», т.е. конфликтам низкой интенсивности, а готовилось вести ширококомасштабные традиционные войны с классическим государственно-центричным противником. В принципе на это и была нацелена доктрина Уайнбергера — Пауэлла. Миротворческие и другие операции, попадавшие в категорию «военных операций вне условий войны», считались нетрадиционными и противоречившими американской стратегической культуре.

В основе концептуального восприятия готовности вооруженных сил США к войне лежало понимание военно-политического истеблишмента того факта, что если американские военные готовы вести традиционную войну в рамках рациональной модели, то они без труда смогут проводить и операции вне условий войны, включая иррегулярные войны. А если необходимо, то эти операции можно избежать, т.е. их проведение или отказ от проведения будет являться рациональным решением руководства страны в результате военно-политического планирования. Как оказалось на практике в Ираке, рациональное принятие решения не всегда возможно. Те трудности, с которыми столкнулись США в Ираке, свидетельствуют, что американское

¹ *Aylwin-Foster N.* Changing the Army for Counterinsurgency Operations // *Military Review*, 2005. November-December P.9.

военно-политическое руководство оказалось в ситуации «скользкого склона»¹, втянутыми помимо своей воли в боевые действия с иррегулярными силами в Ираке. Тактика применения военной силы, структура и боевая подготовка оказались неадекватны тем условиям иррегулярной войны, с которыми американские военные столкнулись в Ираке. Кроме этого, оказалось, что американцы ведут войну, опираясь на свою стратегическую культуру, сформированную в значительной степени под влиянием «холодной войны», т.е. в иных стратегических и исторических условиях.

Американскую войну в Ираке можно разделить на два этапа. Первый этап связан с самой операцией «Иракская свобода» по свержению режима С.Хусейна и оккупацией страны. Об ее успешном окончании заявил с борта американского авианосца «Абрахам Линкольн» президент Буш 1 мая 2003 г. Этот этап войны американские военные провели практически безупречно, достигнув поставленные цели с минимальными потерями. Настоящие проблемы начались на втором этапе, который американская сторона называет поствоенной стабилизацией или борьбой с террористами на территории Ирака. Одна из самых больших американских трудностей связана с тем, что американские военные оказались не готовы вести так называемую «малую войну», ту войну, которую навязали им иракские противники. Учебник по «малым войнам» корпуса морской пехоты США дает следующее определение этим войнам. «Операции, предпринятые высшим руководством там, где военная сила сочетается с дипломатическим давлением на внутренние и внешние дела другого государства, чье правительство является нестабильным, неадекватным или неудовлетворительным для сохранения жизни и интересов, определенных политикой нашего государства»². В такого рода войнах сложнее добиться не победы как таковой, сколько определить критерии успеха. Неготовность американских военных проявилась в столкновении американской стратегической культуры с иракской культурой в парадигме нетрадиционной иррегулярной войны, навязанной американским военным иракцами.

Как продемонстрировал ход этой войны в Ираке, необходимость принятия во внимание фактора культуры вообще и стратегической культуры в частности становится все более насущной и неотъемлемой частью эффективного применения военной силы. На этот аспект обращает внимание патриарх американской дипломатии Г.Киссинджер: «Комиссия Бейкера-Хэмилтона убедительно охарактеризовала тупик

¹ «Скользкий склон» (slippery slope) это военный термин, используемый американскими экспертами для обозначения положения, близкого к тому положению, в котором американские войска оказались в войне во Вьетнаме.

² US Marine Corps, Small Wars Manual, Washington: USMC, 1990. P. 1.

на земле (имеется в виду в Ираке. — *О.И.*). Это результат альтернатив, некоторые из которых были приведены президентом (Бушем. — *О.И.*), где стоящие цели и фундаментальные американские ценности столкнулись с региональными и культурными реалиями»¹.

Фактор культуры стал особенно актуальным в ведении иррегулярных войн. Военная сила должна быть «настроена» на соответствующую культурную волну той культурной среды, в которой она находится. Это требует не только знания культурного окружения, но и способности к быстрой адаптации в чуждой культурной среде. Именно этих качеств не хватило американским военным в Ираке. «Несмотря на свой многообразный культурный характер, армия (имеется в виду американская. — *О.И.*) не была культурно настроена на окружение»². Трудности адаптации связаны с несколькими факторами. Во-первых, абсолютная уверенность американских военных в превосходство американских ценностей над неамериканскими. Во-вторых, характерной чертой американской военной культуры является осознанное самоотчуждение от гражданского общества, которое значительно увеличивается в инородной среде. В-третьих, еще более автономное, чем у других союзников США, пребывание американских военных на своих базах на территории США и особенно за границей приводит к тому, что они живут своей отдельной от гражданского и тем более иностранного общества жизнью мини-Америки, не желая и не умея адаптироваться к иностранной среде. «Нет ни одной черты, которая может помочь американскому личному составу сочувствовать местному гражданскому населению во время операций, особенно когда местные нормы культуры значительно отличаются от западных трендов»³.

С американской стратегической культурой тесно связана военная организационная культура. В рамках этой культуры американские вооруженные силы готовились к ведению традиционных войн против государственных акторов. Это привело к тому, что все военные операции вне условий войны, попадающие в «серую зону» применения военной силы, как миротворческие, спасательные, по созданию государств, стали вызывать отторжение у военных, как не соответствующих американской военной организационной культуре. Учитывая, что американские стратеги рассматривают иррегулярные войны как доминирующие войны в будущем, это будет означать вероятные сдвиги в американской культуре в сторону большей адаптации к ведению иррегулярных войн. Причем интересно, что взгляды самого президен-

¹ *Kissinger H.* Withdrawal is not an option // Tribune Media Services, 2007. January 18.

² *Aylwin-Foster N.* Changing the Army for Counterinsurgency Operations // Military Review, 2005. November-December. P. 6.

³ *Ibid.* P. 10.

та США Буша претерпели определенную эволюцию. Еще в 2000 г. он утверждал: «Военные не должны использоваться для неясных военных задач или служить в качестве постоянных миротворцев, разделяющих воюющие стороны»¹. Война в Ираке и неудачные попытки поствоенной стабилизации показали, что стратегическая культура вступила в противоречие с поставленными задачами и мешает их выполнению. В 2005 г. Министерство обороны США было вынуждено выпустить директиву по «Военной поддержке стабильности, безопасности, переходу и операциям по восстановлению». Эта директива определяла операции по стабилизации как ключевую американскую задачу. Это изменение было связано с пониманием необходимости отойти от прямого применения военной силы как инструмента насилия в иррегулярных войнах. Политика должна быть направлена на устранение причин, ведущих к таким войнам, и созданию такого окружения, которое бы соответствовало американским интересам. В директиве указывается, что задачи по стабилизации «лучше всего выполняются местными, иностранными или американскими гражданскими профессионалами... (военные силы), успешно выполняющие эти задачи, могут помочь обеспечить прочный мир и способствовать своевременному выводу американских и иностранных сил»². Такой подход означает значительную корректировку в самой американской стратегической культуре.

Было бы ошибкой утверждать, что основные положения американской стратегической культуры плохи или неправильны, поскольку хорошей или плохой, правильной или неправильной культуры не бывает. Тем не менее, некоторые американские эксперты признают: «Соединенные Штаты не доминируют во всех технологиях и всех формах ведения боевых действий и являются слабыми с точки зрения культуры (курсив авт. — *О.И.*) и способностей в неконвенциональной области»³.

Одна из знаковых ошибок, сделанных американскими политиками и военными, заключается в том, что они не поняли или неправильно оценили природу войны 4-го поколения, как в Ираке или Афганистане. По их пониманию, война напрямую связана исключительно с уничтожением или выведением из строя целей. На это направлена вся военная трансформация вооруженных сил США, «революция в военном деле», «сетцентричные операции», концепции «стратегического паралича». Основная задача здесь заключается в том, чтобы обнаружить

¹ *Melillo M.* Outfitting a Big-War Military with Small-War Capabilities // Parameters, 2006. Autumn. P. 28.

² US Department of Defense, "Directive Number 3000.05," Washington, D.C., 2005. 28 November.

³ *Noonan M.* The Future of American Military Strategy A Conference Report, 2006. February 3. <http://www.fpri.org/enotes/20060203.military.noonan.futureamericanmilitarystrategy.html>.

противника, идентифицировать, определить цели и уничтожить. Более того, в условиях растущего военно-технологического превосходства США над потенциальными противниками американские стратеги все больше склоняются к пониманию того, что нет необходимости выявлять намерения противника. Какой смысл определять, какие *были* у него намерения, если противника уничтожили высокоточным оружием с дальнего расстояния. Таким образом, военные не нацелены на какую-либо интерактивную работу с противоположной стороной. Они делают слишком большой акцент на подчиненной части неконвенциональной войны — уничтожении и игнорируют другие очень важные ее аспекты. Американские стратеги упустили из вида тот постулат, что «главным образом война — это деятельность человека и попытки убрать человека из ее центра, как предполагают недавние тенденции и программы, скорее приведут к катастрофе»¹. Это особенно стало очевидным при оккупации страны. Неудачи американских военных в Ираке отчасти объясняются забвением этого постулата. Как оказалось, оккупировать страну и свергнуть правящий режим не означает одержать полную победу. Уничтожение противника и усилия по изменению внутреннего политического устройства Ирака являются только частью проблемы. Являясь оккупирующей страной, США несут полную ответственность за положение в Ираке. Необходимо признать, что действия США не достигли очень важной задачи: они не обеспечили стабильность и безопасность не только жителей Ирака, но и своих военнослужащих². Это можно объяснить не только непониманием иракской культуры, но и неумением коррелировать свою культуру с местной³.

Необходимо оценивать, как отдельные положения американской стратегической культуры могут сказаться на американской военной и внешнеполитической стратегии. Влияние практики и культуры предпринимательства на военное дело имеет неоднозначную оценку, и этот факт получил свое подтверждение в Ираке. Применение принципов, взятых из бизнеса, рационализация процесса разработки военной стратегии, использование объективных показателей, нацеленных на то, чтобы минимизировать затраты, максимизировав при этом выгоду, уменьшая тем самым влияние иррационального фактора, представлялись как сильная сторона американской стратегической культуры. Со-

¹ Kagan F. The U.S. Military's Manpower Crisis // Foreign Affairs, 2006. July-August. P. 97.

² Парадоксально, но больше американских военнослужащих погибло после официального заявления президента Буша об успешном завершении задачи в Ираке в мае 2003 г.

³ Очевидно, американские руководители недооценили тот факт, что в тоталитарном обществе, привыкшем к полному управлению и контролю из центра, весьма слабо развито стремление к самоорганизации на местном уровне, что затрудняет способность местных властей обеспечить безопасность и нормализовать повседневную жизнь людей.

гласно законам бизнеса, больше ресурсов должно вкладываться в наиболее прибыльные и перспективные сферы, сворачивая дела в менее выгодных. Идя по этому пути в военном деле, Пентагон стал развивать передовые военные технологии для уничтожения противника, в которых США имеют превосходство. В частности, больше внимания уделялось развитию системы связи, контроля, управления и разведки, а также высокоточному вооружению, способному поражать цели на больших расстояниях. В целом войска готовились к ведению быстрой конвенциональной войны для уничтожения противника и поражения целей. Как оказалось, в Ираке после окончания активных боевых действий началась война 4-го поколения, в которой известные принципы бизнеса не работают. «В бизнесе конкурируют друг с другом, но не пытаются проникнуть и физически, психологически или организационно уничтожить другого. В войне не все так. В конце концов, военные организации предназначены для уничтожения друг друга как предпосылка для достижения большей цели»¹. Технологическое военное преимущество не имеет значения, если средства не инвестируются в индивидуальных солдат, готовых не уничтожать противника, а обучать их взаимодействовать и сотрудничать с местным населением.

Важно проанализировать еще несколько существенных положений. Как заявлено в противоповстанческой доктрине: «Противоповстанческая сила должна обладать двумя умениями, которые не являются востребованными в конвенциональных боевых действиях. Во-первых, она должна быть способной видеть проблемы и действия с точки зрения местного населения. Во-вторых, она должна понимать относительную ценность силы, и то как легко избыточная сила, даже когда она очевидно оправдана, может подорвать поддержку населения»². Поскольку, по Клаузевицу, война есть акт насилия, то американские военные не проводят разницы между традиционными боевыми действиями и борьбой с повстанцами. В ведении повстанческой войны существуют две альтернативы: завоевать поддержку населения, отделив повстанцев от местного населения, или просто сконцентрироваться на уничтожении повстанцев. Второй подход более традиционный и приемлемый для военных, так как их этому готовили. Первый подход более тонкий и требует знания и учитывания фактора культуры. Американские же военные, в соответствии со своими уставами, стремятся применить в первую очередь насилие по отношению к противнику. В то же самое время, согласно американской стратегической культуре они добиваются того, чтобы свои потери были предельно минимальными. Этого можно достичь,

¹ Kagan F. The U.S. Military's Manpower Crisis // Foreign Affairs, 2006. July-August. P. 106.

² Aylwin-Foster N. Changing the Army for Counterinsurgency Operations // Military Review, 2005. November-December P.4.

применив массированное силовое воздействие на противника, что американцы и делали в Ираке. «Некоторые американские офицеры полагали, что их союзники были слишком сдержаны в применении смертоносной силы. Они возражали, что нежелание применить силу укрепляло смелость и способность восстанавливаться, демонстрируя местному населению отсутствие решимости у коалиции, затягивая таким образом конфликт. Было очевидно, как считали многие, что единственно эффективной и морально приемлемой противоповстанческой стратегией является уничтожение или захват всех террористов и повстанцев. Они рассматривали военное уничтожение противника как по праву своей стратегической целью»¹. В своем исследовании американского опыта ведения войны в Ираке английский генерал Элвин-Фостер, анализируя кредо американского солдата, дал весьма точную следующую характеристику: «Солдат должен иметь только один вид взаимодействия со своим противником — «вести боевые действия и *уничтожить* (курсив авт. — *О.И.*) его». Не *победить* (курсив авт. — *О.И.*), что могло бы позволить какое-то количество других политически настроенных альтернатив, а *уничтожить* (курсив авт. — *О.И.*)... Это военное кредо не может помочь солдатам понять, что во многих случаях в неконвенциональных ситуациях они должны быть солдатами, а не воинами»².

Для американского способа ведения войны главный инструмент достижения поставленной цели — это реализация технологического превосходства. Кроме этого, оно обеспечивает безопасность личного состава. Но необходимо признать, что из-за меняющейся природы военных действий опора на высокие технологии как на фактор американской стратегической культуры может снизить эффективность применения военной силы в условиях иррегулярной войны, так как противники США, неспособные противостоять США на равных, будут прибегать к асимметричным методам ее ведения. В этом случае опора на данный фактор культуры может сыграть негативную роль. Как показал ход конфликта низкой интенсивности в Ираке после свержения С.Хусейна, «личный состав армии США инстинктивно повернулся к технологиям, чтобы разрешить проблемы. Подобным образом, их инстинкт заключался в поиске средств, включая технологии для минимизации частых тесных контактов с местным населением с целью усилить защиту войск, но это привело к дальнейшему отчуждению войск от населения»³. Кроме того, что современные технологии усиливают отчуждение американского личного состава от местного населения, они еще направлены на поиск быстрого технологическо-

¹ *Aylwin-Foster N.* Op. cit. P.5.

² *Ibid.* P. 14.

³ *Ibid.* P.6.

го решения проблем, которые часто нельзя решить технократически в условиях иррегулярной войны. Найти решение можно путем общения и убеждения местного населения, т.е. путем использования человеческого компонента. Такая же ошибка была совершена и в Афганистане после устранения режима талибов. Увлечение технологиями в военном деле привело к злоупотреблению технократической стороной: акцент на сете-центричные боевые действия привел к недооценке «культуро-центричных боевых действий».

Также нужно иметь в виду, что стремление вести молниеносные войны в рамках доктрины Уайнбергера — Пауэлла или стратегии стратегического паралича не всегда может привести к положительному результату. Проведение сражений и сама война это не одно и то же. Как говорили американские военные во время войны во Вьетнаме: «Мы выиграла все сражения, но проиграли войну». По словам К.Грея, «Война имеет отношение к миру, который она формирует»¹. Здесь будет уместно вспомнить, что еще К.Клаузевиц считал, что война развивается как по объективным, так и по субъективным законам. Субъективные законы напрямую связаны с фактором культуры вообще и стратегической в частности. Развивая этот тезис, историк Дж.Блэк пишет: «В своих основах война меняется намного реже и менее значительно, чем большинство людей предполагает. Это не просто из-за того, что война состоит из константы, а именно: желания организованной группы убивать или рисковать жизнью, но также из-за материальной культуры войны, на которую обычно уделяют внимание, а она менее важная, чем ее социальный, культурный и политический контекст»².

Скорость, равнозначная эффективности, как фактор американской стратегической культуры не может не вести к сбоям. В американской экспертной среде распространено предположение, что «большинство вооруженных конфликтов в предстоящие десятилетия вероятно будут иметь внутренний характер»³, не все эксперты с этим соглашались, но все склоняются к тому, что конфликты будут иметь внутренние корни, неразрывно связанные с культурой. В этом случае нельзя ожидать быстрой победы в классическом смысле по Клаузевицу. Более того, можно прогнозировать, что сложившаяся стратегическая культура, нацеленная на быструю победу, вступит в противоречие с установкой министра обороны США Рамсфелда вести то, что он называет «долговременные войны». «Изменения в оборонной стратегии, в комплектовании лич-

¹ Gray C. How Has War Changed Since the End of the Cold War? // Parameters, Spring 2005. P. 21.

² Black J. War in the New Century. London, Continuum, 2001. P. 114.

³ Metz S., Millen R. Future War/Future Battlespace: the Strategic Role of American Landpower, U.S. Army War College, Strategic Studies Institute, 2003. March. P. 13.

ным составом и в доктрине поможет стране взять верх в том, что официальные лица сейчас называют «долговременные войны»¹. Именно поэтому в рамках подготовки к таким войнам в 2006 г. Министерство обороны США создало Академию по борьбе с повстанчеством. Главная задача учебных программ заключается в подготовке офицеров сухопутных сил для ведения нетрадиционной войны с повстанческими отрядами. Причем упор делается не столько на боевой подготовке, сколько на «необходимости сил США изменить свой менталитет, нацеленный на ведение конвенциональной войны, на то, как победить в конфликтах с иррегулярными силами»². По сути дела, обращение к таким программам есть возврат к прошлому, ведь начиная с середины 70-х годов XX в., т.е. после окончания войны во Вьетнаме, борьбе с иррегулярными силами внимания не уделялось. А позже, когда господствовала доктрина Уайнбергера — Пауэлла, эта тема вообще не появлялась в учебных программах. Сейчас одним из наиболее востребованных учебных пособий в американских военных учебных заведениях стала книга «Ведение войны против иррегулярных сил: Теория и Практика», написанная еще в 1964 г. французским офицером Д.Галулой, который имел опыт такой войны в Северной Африке, т.е. регионе, по культурным особенностям идентичному Ближнему Востоку. Как заявляет директор программы полковник в отставке К.Анкер III: «Мы пытаемся изменить культуру, модернизировать культуру так, чтобы было понятно, что решение проблемы не является только тактической проблемой, решаемой пушками, бомбами и маневром»³. Однако проблема заключается в том, как совместить фактор культуры, вступающему в конфликт с традиционным пониманием принципов рационализма и их применением в нетрадиционной войне. Он является доминирующим во многих современных конфликтах и войнах с участием иррегулярных сил. Война в Ираке по свержению режима С.Хусейна подтверждает этот тезис.

Согласно американской стратегической культуре, для победы необходимо превосходство над противником. Изначально это превосходство было численным, а как результат революции в военном деле главным образом технологическим. Но, как показывает практика ведения боевых действий в Ираке, простое численное превосходство не решает проблемы. «Наводнить страну американскими солдатами — это зачастую ошибочное решение: они настолько мало осведомлены о местных условиях, что в конце концов нередко приносят больше вреда, чем

¹ *Garamone J.* Rumsfeld Speaks on Process Behind Budget. QDR, American Forces Press Service, Washington, 2006. Feb.7.

² *Ricks T.* U.S. Counterinsurgency Academy Giving Officers a New Mind-Set // Washington Post, 2006. February 21. P. A10.

³ *Ricks T.* Lessons Learned in Iraq Show Up in Army Classes Culture Shifts to Counterinsurgency // Washington Post, 2006. January 21. P. A01.

пользы»¹. Таким образом, важно не сколько личного состава введено, а насколько он в состоянии перестроить свою культуру от ведения традиционной войны на рациональной модели в пользу иррегулярной войны на иррациональной модели. В войне такого рода, когда идет борьба «за умы и сердца», технологическое превосходство трудно реализуемо.

Природа тех ошибок, которые американские военные совершили в Ираке, анализируется в пронизательном наблюдении, сделанном экспертом Дж.Наглом: «С самого ее рождения роль американской армии заключалась в искоренении угроз национальному выживанию, что контрастировало истории британской армии, как инструменту ограниченной войны, предназначенной для достижения ограниченных целей с ограниченными затратами»². Американские военные перенесли свою стратегическую культуру ведения традиционной войны, сформированную в период «холодной войны», на иррегулярные боевые действия в Ираке, а до этого в Сомали в 1993 г., что и привело к неудачам. Воспитанные на превосходстве американской мощи и ее массивном применении, как и предписывалось доктриной Уайнбергера — Пауэлла, военная сила США оказалась плохо адаптированной к изменениям в среде и методам ведения боевых действий в нетрадиционных войнах и в условиях асимметричных угроз. Нагл подчеркивает: «Культура британской армии поощряет быстрый ответ изменяющимся ситуациям, в то время как культура американской армии нет, *если меняющаяся ситуация не попадает в параметры той войны, которую определили в качестве главной миссии* (курсив авт. — О.И.)»³. Отсюда вытекает восприятие фактора времени, как составляющей культуры. Стремление быстро добиться победы предполагает быстрое решение проблем путем массивного применения военной силы, а ведение иррегулярной войны требует терпения и методичной, малоэффективной, каждодневной работы с местным населением, сопровождаемой выборочным насилием, а не применение его неизбирательно против всего местного населения.

Таким образом, американские военные в Ираке не в состоянии уничтожить всех повстанцев, отгородились от местного населения, поскольку не знают и не понимают культурных особенностей этой среды и только после нескольких лет войны начинают делать некоторые выводы. «Командиры разрешили войскам стрелять во все, что угрожает хоть в малейшей степени. Им не удалось обеспечить свои вой-

¹ Бут М. Борьба за трансформацию военной сферы // Россия в глобальной политике, 2005. №3. Май-июнь.

² Aylwin-Foster N. Changing the Army for Counterinsurgency Operations // Military Review, 2005. November-December. P.8.

³ Ibid. P.9.

ска базовыми концептуальными и культурными инструментами, необходимыми для действий в сложной среде в Ираке: от того, как иметь дело с шейхами, до понимания того, почему обычное уничтожение повстанцев является наименее желанным результатом работы с ними. Как учат сейчас, считается более эффективным убедить их дезертировать или присоединиться к политическому процессу»¹. Американские военнослужащие вынуждены заново учиться принимать во внимание фактор культуры. Вот что отметил американский офицер, учившийся в Академии по борьбе с повстанчеством: «Пройдя все это, у меня действительно изменилось понимание того, как воевать с повстанцами. Я начал понимать, что центр тяжести — это население, и вы должны отколоть повстанцев от населения»².

Война в Ираке как война 4-го поколения, где фактор культуры играет одну из ключевых ролей, ведет к определенному сдвигу в американской стратегической культуре. Если до сих пор приоритет технологий над человеческим фактором был непререкаемым, и он остается в целом приоритетным, то обозначился некоторый отход от безусловного господства технологий к большему вниманию к человеку. «Изда за того, что Джей Ви 2010³ явно предпочитает технологии, а не людей, обращает внимание тот факт, что сбор информации против сегодняшних угроз требует инвестиций в человеческие умения, а не в технологии. Вообще, серьезное обсуждение получения информационного господства может обнаружить его (господства. — О.И.) невероятность, о чем свидетельствует недостаток понимания ситуации в Ираке и Афганистане, а также нашу неспособность серьезно взяться за всемирную сеть Аль-Каиды»⁴. Министерство обороны США предусматривает увеличить расходы на подготовку американских военнослужащих к ведению иррегулярных войн с повстанцами. В частности, в военных расходах на 2007 г. предусматривается «совершенствование учебных программ по изучению иностранных языков и культуры с бюджетными ассигнованиями в размере 181 миллиона долларов»⁵.

Извлекая уроки из иракской кампании, перед американскими военными стоит трудная задача: как совместить применение силы с налаживанием сотрудничества с местным населением. Им приходится думать о том, как сопровождать насилие с борьбой «за умы и сердца» иракцев. В

¹ *Ricks T.* U.S. Counterinsurgency Academy Giving Officers a New Mind-Set // Washington Post, February 21, 2006. P. A10.

² *Ibid.*

³ Джей Ви 2010 — программный документ Пентагона Joint Vision (Совместное Видение) 2010.

⁴ *Cordesman A., Frederiksen P.* America's Uncertain Approach to Strategy and Force Planning, Center for Strategic and International Studies, 2006. 5 July. P. 21.

⁵ *Ibid.* P. 14.

более широком контексте американские военные эксперты отмечают, что «войны будущего будут характеризоваться слиянием различных видов и средств войны. Выбор между конвенциональной и нетрадиционной войнами является ложным выбором. Вероятно, американские военные столкнутся с обоими видами одновременно и в одном боевом пространстве... Видение боевых действий не может точно, подходяще и экономично охватываться единой парадигмой»¹. Это означает, что происходит, как минимум, столкновение двух моделей применения военной силы: рациональной и иррациональной. Таким образом, в американском военно-политическом истеблишменте и экспертной среде есть понимание того, что фактор культуры в военном деле становится не менее важным, чем само насилие, а не принятие этого фактора во внимание равносильно поражению. Однако проблема заключается в том, как добиться слияния двух противоположных моделей, охватывая все единой парадигмой.

Отметив важность фактора стратегической культуры, необходимо указать на ограниченности теории стратегической культуры. Так, продолжаются споры в политологической среде относительно двух проблем. Во-первых, среди политологов нет единства в оценках о степени обоснованности заключений, построенных на парадигме стратегической культуры, во-вторых, насколько в состоянии теории культур, включая теорию стратегической культуры, могут составить конкуренцию политическому реализму в объяснении международных отношений и возможности прогноза. На конференции, проведенной Центром по изучению современного конфликта на факультете Национальной безопасности Военно-морского университета США в сентябре 2005 г., отмечалось, что, несмотря на усилия многих политологов, в отличие от таких теорий, как теория политического реализма/неореализма или либерализма, теория стратегической культуры не представляет из себя такую же стройную парадигму. «Недостаток научной кумуляции часто является результатом того, что авторы часто применяют очень разные концепции стратегической культуры в отношении одного и того же случая»².

Сомнения, которые возникают у некоторых политологов, опирающихся на рациональные модели и парадигмы в рамках теории политического реализма и неореализма, объясняются недостаточной научной надежностью субъективных и абстрактных понятий, которыми оперируют политологи — сторонники теорий культур. В том числе, отмечаются следующие основные недостатки, типичные для теорий культур: «неопределенные дефиниции ключевых терминов, недостаток обоб-

¹ *Melillo M.* Outfitting a Big-War Military with Small-War Capabilities // *Parameters*, 2006. Autumn. P. 34.

² Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, 2005. September 21-22.

щения и противоречия внутри самого семейства теорий культуры»¹. К первым двум недостаткам, которые переносят и на теорию стратегической культуры, добавляют еще и неспособность политологов сформулировать единое и общепринятое определение стратегической культуры.

Кроме всего этого, необходимо выделить еще три ограничения научного подхода, основанного на теории культуры вообще и стратегической культуре в частности. *Первое ограничение* связано с тем, что в отличие от материальных факторов, которыми в основном оперирует такая конкурирующая школа, как политический реализм, сам фактор культуры сложно определить. Определения политической культуры как набор верований и ценностей общества, относящихся к политической системе, являются слишком широкими. Кроме этого, фактор культуры трудно поддается научной разработке и им не всегда можно надежно оперировать в исследовании.

Второе ограничение имеет отношение к той особенности культуры, что она сосредотачивается на уникальности изучаемого предмета или явления и на его отличиях от подобных. Обобщение — неуместный подход с точки зрения культуры. «Коренным принципом подхода с точки зрения культуры является отрицание внешнего рационализма (который делает предсказуемым поведение в ряде изучаемых случаев). Если это верно, то сторонники теории культуры обладали бы небольшим количеством элементов, если вообще какими-либо системными элементами, на основе которых можно было создавать свои теории»². В таком случае мы вряд ли могли бы говорить о возможности прогноза, хотя, как известно, одна из целей создания и функционирования теории — это возможность прогноза как в научных, так и в практических политических анализах. Показательно, что даже такой известный ученый, построивший свою теорию «столкновения цивилизаций» на теории культуры, как С.Хантингтон, до появления этой теории, утверждал: «Объяснения на основе культуры часто неточны или тавтологичны или и то и другое. В крайнем случае все сводится к более утонченному рассказу «французы вот такие». С другой стороны, объяснения на основе культуры также не удовлетворяют ученого-политолога потому, что они противоречат склонности ученого к обобщению»³.

Третье ограничение теории культуры, по мнению некоторых критиков, связано с тем, что эта теория скорее является программой исследования, а не теорией в строгом смысле этого понятия. Отличие заключается в том, что «исследовательские программы — это группы

¹ Duffield J., Farrel T., Price R., Desch M. Correspondence. *Isms and Schisms: Culturalism versus Realism in Security Studies // International Security*, 1999. Vol. 24, №1, Summer. P. 173.

² Desch M. *Culture Clash // International Security*, 1998. Vol. 23, №1, Summer. P.152-153.

³ Huntington S. *The Goals of Development. Understanding Political Development: An Analytical Study*, Boston: Little, Brown, 1987. P. 23.

теорий, которые разделяют те же самые базовые предположения, но они могут иметь различные вспомогательные предположения, которые могут привести к тому, что сделают разные прогнозы относительно одного и того же случая»¹. Как полагают оппоненты теории культуры, такого рода оценка подвергает сомнению научную достоверность выводов, сделанных на основе этой теории.

Что касается использования теории стратегической культуры как инструмента для возможного прогноза развития международных отношений или поведения государств, то политолог Х.Густавсон из Массачусетского технологического института утверждает: «Как только вы начинаете писать о культуре людей, и как только они начинают читать ваши труды, их культура меняется. Гуманитарные науки никогда не способны к прогнозу из-за того, что они изучают объекты, обладающие сознательностью»². Политолог Дж.Джонсон поддерживает приведенный выше тезис в том смысле, что сами по себе широкие теории поведенческого характера не позволяют создать краткосрочные прогнозы относительно внешнеполитического поведения отдельных стран, поэтому определения стратегической культуры должны быть динамичны и будут содержать некоторые противоречия. Этим и объясняют некоторые скептики тот факт, что до сих пор нет единого и общепринятого определения стратегической культуры.

Есть некоторые ограничения, которые надо принимать во внимание, используя теорию стратегической культуры как исследовательскую парадигму. Все еще нет единства среди политологов, относительно того насколько устойчива и точна независимая сила фактора культуры в изучении международных отношений. Часть политологов не согласны со своими оппонентами, которые утверждают, что культура — это просто своеобразный флюгер в окружающей среде и стратегической рациональности. Они отмечают: «Реальность может быть социально конструирована, но только с помощью имеющегося материала и в рамках существующих структур... Однако, когда противоречие между внешними условиями и тенденциями в культуре становится слишком большим, культура скорее всего адаптируется»³.

Несмотря на достаточную научную разработку данной теории, ее слабым местом остается сложность применения для объективной оценки отдельной страны или группы. Проблема заключается в том, что трудно избежать стереотипов при анализе. Здесь проявляется «застарелая» болезнь, связанная со стереотипами: они часто неточ-

¹ Desch M. Op. cit. P. 155.

² Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21-22, 2005.

³ Desch M. Op. cit. P. 170.

ны, устаревают и вводят в заблуждение, когда речь заходит об отдельных личностях. Это может привести к неправильному восприятию и к вероятности возникновения конфликта, что в ядерном мире может иметь катастрофические последствия.

Другая проблема связана с тем, что как подчеркивают сторонники рациональной модели, поскольку теория стратегической культуры не носит нормативно — предписывающий характер, весьма абстрактна и субъективна, то она не обладает достаточно убедительной силой, следовательно эта теория аналитически слаба, а «применение аналитически слабой концепции стратегической культуры может ухудшить ту самую проблему, которую она должна разрешить»¹. Поскольку в соответствии с теорией стратегической культуры политики мыслят, оценивают ситуацию и принимают решение согласно их культурной парадигме, то поверхностные стереотипы культуры могут создать те самые ложные линзы, через которые политики смотрят на то, что происходит вокруг них. В результате проблемы приобретают искаженный характер, что ведет в конечном итоге к их неправильному решению.

Также одна из особенностей культуры это то, что несмотря на ее кажущуюся устойчивость, она в значительной степени податлива внешним воздействиям и внутренним материальным и идеологическим факторам, влияющим на ее развитие. Ввиду различных организационных культур разные группы могут формировать военную и внешнюю политику по-разному, что создает большие трудности для прогнозирования внешнеполитического поведения акторов на основе стратегической культуры.

«Хотя культура очень важна, мы не можем точно ее охарактеризовать в конкретный момент времени, и это имеет отрицательные последствия, не столько для изучения стратегической культуры, сколько для изучения международной безопасности. Это означает, что ученым, работающим в парадигме стратегической культуры и в целом в рамках международной безопасности, следует быть более скромными в своих требованиях особенно относительно своих прогнозов»². Этот тезис важен в связи с тем, что все еще не разработан механизм определения фактического влияния фактора стратегической культуры на внешнюю и военную политику. Стратегическая культура создает определенный фон, на основе которого проходит разработка и реализация стратегии, но все еще отсутствует объективно проанализированная прямая зависимость стратегии от фактора стратегической культуры. Это объясняет сложность применения парадигмы стратегической культуры для достаточно достоверного прогнозирования международных отношений.

¹ Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21–22, 2005.

² Ibid.

Другая проблема заключается в том, что политологи часто используют две крайние парадигмы: более широкую, связанную с национальной культурой, которая напрямую влияет на формирование национальных интересов и позиционирование государства в системе международных отношений и более узкую, связанную с организационной культурой, и аналогичную второй модели политолога Г.Эллисона¹. Возникает необходимость найти ту «золотую середину», которая бы создала общую методологию для компаративного изучения стратегической культуры своей страны и иностранных государств.

2.4. Фактор культуры в стратегии сдерживания

В период «холодной войны» в условиях стратегической биполярности «рациональная модель» доминировала, так как интересы и ставки Советского Союза и США были понятны и достаточно близки друг к другу. Остальные акторы международных отношений не были так важны. В многополярном мире повысилась значимость и количество государственных и негосударственных акторов. По мнению политолога С.Хантингтона, «военная безопасность во всем мире все больше зависит не от глобального распределения силы и действий супердержав, а от распределения силы внутри каждого региона мира и действий государств, составляющих ядро цивилизаций»². Даже если не принимать теорию Хантингтона о «столкновении цивилизаций», то все равно очевидно, что появилась необходимость уделять внимание не только рациональному фактору, но и таким факторам, как культура общества, восприятие ценностей, в том числе элитой и руководством, а также место и роль военной силы в обществе.

Трудность для американского восприятия заключается в том, что «в теории и практике сдерживание главным образом является отражением политики США. Образ по Броди базируется на четком понимании того, что нет ничего лучше, чем сохранение самого общества. Можно вести войну с большими затратами, но они должны быть направлены на интересы сохранения общества. То, что составляет рациональное поведение ограничено тем, что сохраняет общество»³. Модель «рационального актора» как концептуальная основа сдерживания оставляет за скобками

¹ Здесь речь идет о модели «организационный процесс» в книге Г.Эллисона «Суть решения».

² *Huntington S. The Clash of Civilizations: Remaking of World Order. New York: Touchstone Books, 1997. P. 90.*

³ *Martel W. Deterrence and Alternative Images of Nuclear Possession // T.V. Harknett P. & Wirtz J. ed. The Absolute Weapons Revisited: Nuclear Arms and the Emerging International Order, Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1998. P. 213.*

вопросы ценностей. Политолог У.Мартел отмечает: «По большому счету сдерживание включает в себя основные ценности общества. Таким образом, общества имеют различные представления о взаимосвязи применения военной силы с политическими целями. Во-вторых, рациональное преследование политических целей не исключает подвергание риску выживание общества»¹. Для американского восприятия рисковать своим обществом есть акт безрассудства или иррационализма.

В таких условиях успешная реализация стратегии сдерживания должна выйти за рамки модели «рационального противника». Военно-политическому руководству США приходится тратить больше ресурсов на изучение и составление профиля многочисленных потенциальных противников. Исключительно важной становится способность оценить такой фактор, как готовность идти на риск или восприятие риска руководством региональных ядерных стран. Модель «общего рационального противника» не воспринимает фактор восприятия риска как столь важной, поскольку он является продуктом стратегического биполярного мышления, в то время как в современных условиях значимость фактора восприятия и оценки риска становится особенно высокой. Как утверждает политолог У.Кертис, «по мнению аналитиков, относящихся к поколению периода после «холодной войны», культура и восприятие риска взаимосвязаны»². Формулируя стратегию сдерживания, существенным становится правильное понимание целей региональных держав. В исследовании корпорации РАНД отмечается: «Вероятно, региональные державы будут использовать ядерные угрозы для политических и стратегических целей, дабы повлиять на ход конфликта таким образом, чтобы превалировать в нем»³. Как неперемное условие превалирования становится постановка и преследование ряда целей, позволяющих добиться желаемого успеха в отдельном регионе. К этим целям относятся:

- «1) сдерживать вмешательство США в данном регионе;
- 2) запугать союзников США в данном регионе;
- 3) обеспечить выживание государства или режима от внешних угроз, в частности не дать США добиться безоговорочной сдачи или вытеснения руководства как условие для перемирия»⁴.

Имея в виду приведенные выше цели, американские эксперты по новому смотрят на восприятие риска новыми ядерными государствами. По их мнению, фактор готовности этих государств пойти на риск

¹ Martel W. Op. cit. P. 213.

² Searching for National Security in an NBC World. Ed. by J.Smith. INSS Book Serious, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs. 2000. July. P. 35.

³ Watman K., Wilkening D. Op. cit. P. 32.

⁴ Ibid. P.74.

должен стать важным элементом в выработке американской стратегии сдерживания. В этом контексте знаменательно звучат слова высокопоставленного индийского военного, который, отвечая на вопрос об уроках Войны в Заливе (1991 г), подчеркнул: «никогда не воюйте с США, если не обладаете ядерным оружием»¹. Таким образом, с одной стороны, наличие ядерного оружия неизбежно толкает новые ядерные страны к следованию «рациональной модели» создания стратегии сдерживания, т.е. к той парадигме, которой придерживаются США, СССР раньше, а теперь Россия. С другой стороны, как считают некоторые американские эксперты: «В целом, подход к риску с точки зрения рационального выбора в принятии внешнеполитического решения не способен охватить все сложности реальности. Необходима более утонченная, эмпирически обоснованная теория оценки риска и предпочтения риска в принятии внешнеполитического решения. Риск как красота в глазах наблюдателя. Этот важный факт поднимает два связанных вопроса: один когнитивный, а другой бихейвиористский. Первый: что вызывает ситуацию или возможность для решения, воспринимаемые как рискованные. Второй: если ситуация определяется как рискованная, то как принимающие решение справляются с ней. Эти вопросы учитывают оценку риска и принятие риска. Они связаны, но не всегда жестко взаимосвязаны: аналогичная оценка риска принимающими решение не обязательно вызывает одинаковые поведенческие ответы»². Этот подход подвергает сомнению устойчивость «парадигмы гарантированной уязвимости» как концептуальной основы стратегии сдерживания, так как «рациональная модель» исключает многочисленные и разнообразные факторы риска и акторов в современных условиях, выстраивая их в один ряд.

В своем исследовании политолог Верцбергер отмечает, что для политиков очень важно принимать во внимание фактор оценки и принятия риска как одно из условий разработки стратегии сдерживания, при этом учитывая характер и мотивацию руководителей потенциальных ядерных государств. Он подчеркивает: «Культура играет свою роль в формировании восприятия риска и в определении риска как приемлемого или нет. Являясь своеобразными фильтрами, через которые люди смотрят на мир, культура может воздействовать на распределение всех трех компонентов риска. Можно ли рассматривать конкретные последствия как негативные или благоприятные и в какой степени на них влияет культура»³. В качестве иллюстрации можно рассмот-

¹ *Manning R.* The Nuclear Age: The Next Chapter. Foreign Policy, 1997-1998. №109. Winter. P. 79.

² *Vertzberger Y.* Risk Taking and Decisionmaking: Foreign Military Intervention Decisions, Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 2.

³ *Ibid.* P. 61.

реть, как культура влияет на процесс принятия решения относительно отрицания риска или его принятия. Верцбергер считает, что «ценность человеческой жизни варьируется в различных культурах. В культурах, в которых высоко ценится жизнь, решения, ведущие к риску для жизни, вызывают отторжение. В то время как в культурах, где жизнь не ценится высоко, аналогичные решения не исключают принятие риска»¹.

Американская культура очень восприимчива к возможным людским потерям, особенно если они несутся в операциях, далеких от обеспечения национальной безопасности США или их союзников и никак не связанных с жизненно важными интересами страны. Операция в Сомали (1993 г.) закончилась из-за неоправданных потерь по мнению американской общественности, которые понесли американцы, пытаясь поймать руководителя местного сопротивления генерала Айдида. Этот факт есть проявление культурной нормы как неприятие потерь в американском обществе. Верцбергер заявляет: «Не только оценка риска связана с культурой, но и предпочитаемая стратегия, сопряженная с риском, иногда зависит от отношения, уходящего своими корнями в нормы культуры относительно желательности принятия риска или его отторжения»².

По мнению сторонников подхода, не разделяющих универсальную модель «общего рационального противника», американскому экспертному сообществу необходимо разработать иновариантные эффективные стратегии сдерживания как для новых ядерных государств, так и для неядерных стран, а также для негосударственных акторов, способных бросить вызов США в разных регионах мира. Более того эти акторы вполне вероятно будут обладать разными культурами и соответственно разными цивилизационными характеристиками, а значит могут проводить иррациональную с точки зрения США политику.

Для этого требуется познание и принятие во внимание культуры и фактора принятия риска, так как «будучи равными, различные стратегические культуры должны привести к различным стратегическим и операционным диспозициям. Например, предпочтение высоко рискованной против низко рискованной военной стратегии и оценка вероятности успеха каждого зависит от отношения к принятию риска (или даже стремлению к нему) и отторжению его»³. Изучение парадигмы «гарантированной уязвимости» в условиях стратегической многополярности указывает на то, что проблема сейчас более сложная, чем в условиях биполярности. Если в основе данной парадигмы лежала модель «общего рационального противника», которая счита-

¹ Vertzberger Y. Op. cit.

² Ibid. P. 62.

³ Ibid. P. 63.

лась вполне применимой в условиях «холодной войны», то в современных условиях эффективность ее применения стала под вопросом. Таким образом, критики модели «общего рационального противника» полагают, что оценка угроз в современном международном окружении на основе этой модели не будет полной и адекватной, чтобы обеспечить безопасность США, их глобальных интересов и их союзников. Из этого следует, что действительно противники США будут поступать в соответствии со своей логикой рационального интереса, а интерес объективно должен анализироваться через призму культуры вообще и стратегической в частности.

Какое значение имеет теория стратегической культуры для объяснения места военной силы и способов ее применения во внешней политике с политологической точки зрения? При всех ее недостатках, а от них не свободна ни одна из теорий международных отношений, ее значимость заключается в том, что она сумела объяснить то, что не смогла объяснить школа политического реализма и рациональная модель. Как подчеркивал М.Деш: «Во-первых, факторы культуры могут объяснить лаг между структурными изменениями и изменением в поведении государства. Во-вторых, они могут объяснить, почему некоторые государства ведут себя иррационально и страдают от последствий неудачной адаптации к принуждениям в международной системе. Наконец, в структурно неопределенной ситуации внутренние факторы, такие как культура, могут иметь более независимое влияние»¹. Действительно, можно согласиться с политологом Джонстоном, что не всегда структурные материальные понятия интереса могут объяснить конкретный стратегический выбор. В этом случае, хотя и ограниченной, но определенной объяснительной силой будет обладать фактор стратегической культуры. Именно стратегическая культура может пролить свет на то, почему оказались в примерно одинаковых условиях акторы принимают различные решения по применению военной силы. Критика теории культуры в недостаточности обобщения смягчается таким тезисом, что «теории культуры, которые не поддаются обобщению в ряде случаев, тем не менее могут привести к обобщению в этих случаях с течением времени. Другими словами, они могут не предлагать общих теорий поведения государств, но они в состоянии предложить теории внешнеполитического поведения конкретного государства в определенных временных рамках»².

Оценивая место стратегической культуры, было бы правильно согласиться с точкой зрения, что «военно-политическое руководство необязательно производит всеобъемлющую оценку угрозы на основе

¹ Desch M. Culture Clash // International Security, 1998. Vol. 23. №1. Summer, P. 166.

² Ibid. P. 155.

реальности, но часто формирует свои планы в области безопасности в соответствии со своим представлением о ситуации. Это не означает, что распоряжения и ответы в области безопасности даются импульсивно, но по сути своей это смесь реализма (имеется в виду парадигма политического реализма. — *О.И.*), организационной динамики на фоне относительно постоянной стратегической культуры»¹. Действительно, стратегическая культура это та субъективная или иррациональная среда, отличная от геополитической среды, носящей более объективный и рациональный характер, в которой принимаются решения. В этих средах проявляются другие факторы как сила, институциональная политика и когнитивные факторы. Вполне разумным представляется подход политологов Р.Прайса и Н.Танненвалд, которые не рассматривают мир с точки зрения раздельно существующих независимых факторов, чей независимый эффект на отклонение может измеряться в соответствии с логикой статистики или не ограничиваться изучением исключительно того, что подвергается измерению.

Принимая все это во внимание, необходимо констатировать, что культура имеет значение, а теория стратегической культуры является релевантной парадигмой для анализа международных отношений, хотя при этом некоторые политологи признают, что «новые теории стратегической культуры не вытеснят теории реализма из изучения национальной безопасности потому, что сами по себе они обладают очень ограниченной объясняющей силой»². Кроме этого, остается открытым для исследователей вопрос: как велика объяснительная сила теории стратегической культуры и насколько она в состоянии объяснить особенности применения военной силы во внешней политике. С практической точки зрения «концепцию стратегической культуры нельзя рассматривать как всеобъемлющее объяснение национальной стратегии. Она определяет границы политики и предположения, но не всегда детерминирует конкретные политические выборы. Она просто еще один инструмент, который может помочь понять национальные стратегии»³. Задача состоит в том, чтобы правильно определить место, сильные и слабые стороны этой теории и продолжить ее разработку. «Нам представляется, что до конца не исчерпан ресурс этого направления в изучении безопасности»⁴.

¹ *Khan F.* Comparative Strategic Culture: The Case of Pakistan, Strategic Insights, 2005. Vol. IV, Issue 10, October.

² *Desch M.* Op. cit. P. 170.

³ *Becker M.* Strategic Culture and Ballistic Missile Defense // Aerospace Power Journal, Special Edition, 1994.

⁴ *Рыхтик М.* Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика, Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004. С. 36.

По мнению политолога Дж.Лантиса, особенностью стратегической культуры является то, что она представляет из себя эволюционирующую систему разделяемого значения, которая управляет восприятием, коммуникациями и действиями и мало предлагает в пользу проверяемых гипотез. Стратегическая культура обладает в большой степени неразрывностью и встроена в коллективное сознание населения или группы. Стратегическая культура подвержена воздействию внешнего и внутреннего шока, которые при некоторых условиях способны внести в нее значительные изменения, поэтому данную парадигму следует рассматривать как подвижную и постоянно развивающуюся концепцию. Несмотря на эти воздействия, культура сохраняется и продолжает свое развитие в целостной форме, что позволяет использовать ее как аналитический инструмент для политологического исследования.

Что касается непосредственно США, то правильное понимание и принятие во внимание стратегической культуры важно, так как она представляет ту среду, где дискутируются вопросы, связанные с применением военной силы США, и принимаются решения. Кроме этого, «понимание стратегической культуры и стиля может помочь объяснить, почему американские политики принимают определенные решения. Более того, если удалось пролить свет на прошлое и настоящее, то будет возможным применить концепцию стратегической культуры (и стиля) для предсказания тенденций поведения в будущем»¹. Теория стратегической культуры в рамках иррационального подхода является неотъемлемой концептуальной основой внешнеполитического и военно-стратегического планирования США. В рамках этой культуры проявляются американские особенности применения военной силы и внешнеполитического поведения США.

¹ Gray C. Comparative Strategic Culture // Parameters, 1984. Winter.

Заключение

Военная сила остается неотъемлемым инструментом внешней политики США и одним из основных средств достижения американских внешнеполитических целей. В свое время государственный секретарь США Дж.Шульц дал следующее характеристику дипломатии: «Дипломатия, не поддержанная силой, всегда будет неэффективной в лучшем случае и опасной в худшем»¹. Проанализировав особенности применения военной силы США через стратегию сдерживания на основе двух концептуальных подходов: рационального и иррационального, можно констатировать, что стратегия сдерживания, претерпев определенную эволюцию, остается важной военно-политической концепцией, направленной на достижение американских национальных интересов.

В современных условиях обозначились различные подходы относительно значимости и эффективности классической стратегии сдерживания. В соответствии с первым подходом сдерживание сохраняет свою важность и эффективность, как это было и в период «холодной войны». Согласно второму подходу, стратегия сдерживания устарела и не может быть эффективной по отношению к современным угрозам, которые являются транснациональными, латентными и носят асимметричный, а в случае международного терроризма и сетевой характер. Сторонники третьего подхода полагают, что, учитывая множество потенциальных противников, обладающих скрытыми и неопределенными мотивами, а также появление новых источников конфликтов, необходимо не отказываться от стратегии сдерживания, а разработать новые методы сдерживания. Именно этим объясняется стремление американских планировщиков и экспертов расширить понимание и применение стратегии сдерживания в современных международных отношениях.

Стратегия сдерживания начала диверсифицироваться от глобальной стратегии к многоуровневому сдерживанию, включающему в себя

¹ *Bleachman B., Wittes T.* Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*, 1999. Vol. 114, №1. P.2.

такие типы, как стратегическое, конвенциональное, совокупное сдерживание. Разработка и реализация этой стратегии не только выходит за рамки министерства обороны США, но и становится прерогативой американской дипломатии. Как военная политика, так и внешнеполитическая деятельность США, направлены на то, чтобы повлиять на процесс принятия решения потенциальных противников, убеждая их не предпринимать действий, затрагивающих американские интересы. Необходимо подчеркнуть, что американское руководство не имеет полного представления о том, какой тип сдерживания может быть эффективно применен в современных условиях.

Стратегия сдерживания не является панацеей при достижении национальных интересов во внешней политике и ее роль нельзя преувеличивать. Она обладает, по крайней мере, тремя крупными недостатками.

Во-первых, она ориентирована на рационально мыслящего противника. При этом подразумевается, что известна его система ценностей и операционный код его руководителей как необходимое условие эффективной реализации стратегии сдерживания. На самом деле противник может быть иррациональным, что выходит за рамки рационального подхода и делает сдерживание недостаточно эффективным.

Во-вторых, даже если стратегия сдерживания была эффективной, ее положительный результат носит временный характер, так как она неспособна устранить источники и причины конфликта. Успешная стратегия сдерживания может лишь «заморозить» ситуацию и, в лучшем случае, создать возможность для последующего мирного разрешения проблемы.

В-третьих, еще один недостаток связан с тем, что в американском экспертном сообществе нет понимания того, как применять стратегию на уровне конфликта низкой интенсивности или в иррегулярной войне с повстанцами, как это и случилось в Ираке после свержения режима С.Хуссейна.

На особенности применения военной силы вообще и реализации стратегии сдерживания большое влияние оказывает стратегическая культура. С одной стороны, фактор культуры создает тот локальный контекст, в котором внешнеполитическая и военная стратегия находят свое воплощение. С другой стороны, по утверждению политолога К.Грея, стратегическая культура является отражением национального подхода к войне как инструменту политики. Знание и учет этого фактора может облегчить разработку и реализацию стратегии. Именно стратегическая культура может помочь объяснить фактор иррационализма, а также поведение государства, выходящее за рамки рациональной модели поведения. Знание стратегической культуры

неприятеля имеет практическое значение, так как позволяет выработать наиболее эффективную политику.

В результате неудач, которые потерпели США в ходе стабилизации ситуации в Ираке после свержению режима С.Хусейна, лозунг «Познай противника!» стал особенно актуальным для американских политиков и военных. Применение классической стратегии сдерживания в данном локальном контексте было невозможным. Просто применение военного насилия не приводило к ожидаемым результатам. Как оказалось, американская военная сила не была «настроена» на культурную волну той среды, в которой она оказалась в Ираке. Этот факт в определенной мере объясняет те трудности, с которыми столкнулись американские военные в ходе иррегулярной войны в Ираке.

Теория стратегической культуры может объяснить, почему оказавшись в одинаковых условиях, акторы могут принять разные решения, в том числе и по применению военной силы, а сама стратегическая культура может объяснить, почему именно так эта сила была применена. С другой стороны, нельзя преувеличивать объясняющую силу этой теории, поскольку одна стратегическая культура не в состоянии детерминировать ни военно-политическое решение, ни применение стратегии сдерживания, ни непосредственно применение военного насилия. Возникает необходимость учитывать рациональный подход. И стратег, и исследователь должны понимать, что каждая парадигма имеет свои сильные и слабые стороны и их задача заключается в том, как добиться того, чтобы эти парадигмы не вступали в конфликт, а дополняли друг друга. Кроме этого, важно иметь в виду, что знание особенностей американской стратегии сдерживания и то, какую роль играет американская стратегическая культура, помогают сформировать адекватную российскую политику.

Библиография

Официальные документы и заявления на русском языке

1. Военная доктрина Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2000 // Независимое военное обозрение. №18. 2002.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации. М., МИД РФ, 2000.
3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. №1. 2000.
4. Путин В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Президент России. Официальный сайт. 10 февраля 2007.

Официальные документы и заявления на английском языке

1. A National Security Strategy for A New Century. Washington D.C. May 1997.
2. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. The White House, Washington D.C., 1996.
3. Cohen W. Testimony on the FY 2000, Department of Defense Authorization Request, Senate Armed Services Committee, Federal News Service transcript, February 3, 1999.
4. Doctrine for Joint Nuclear Operations, Washington D.C., Joint Publication 3-12, 15 March, 2005.
5. Feith D. Prepared Statement for the Hearing on the Nuclear Posture Review, Senate Armed Services Committee, Washington D.C., February 14, 2002.
6. Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow (2000) // <http://www.dtic.mil/jointvision/jv2020a.pdf>
7. Maintaining Nuclear Deterrence in the 21st Century, United States Senate, Republican Policy Committee, July 16, 2005.
8. National Security Presidential Directive/NSPD-23, White House, Washington D.C., December 16, 2002.
9. Nuclear Posture Review (Excerpts), Department of Defense, January 8, 2002.
10. Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. US Department of Defense, May 1997.
11. Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. US Department of Defense, 2001.
12. Quadrennial Defense Report Review, Washington D.C. US Department of Defense, 2006.
13. Rumsfeld D. Annual Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. Washington D.C. August 2002. <http://www.defenselink.mil/execsec/adr.2002>.
14. Rumsfeld D. Speech at National Defense University, Washington, D.C., 31 January 2002. <http://www.defenselink.mil/speeches/2002/s20020131-secdef.html>
15. Strategic Deterrence Joint Operating Concept, Department of Defense, Washington D.C., February 2004.
16. Testimony As Prepared for Delivery by Secretary of Defense Donald H. Rumsfeld, Senate Armed Service Committee, Washington, DC, Thursday, September 23, 2004.
17. The National Military Strategy of the United States of America, Washington D.C. Department of Defense, 1995.
18. The National Security Strategy of the United States, Washington D.C. September 20, 2002.
19. The National Security Strategy of the United States, Washington D.C. March, 2006.
20. The Statement of Under Secretary of Defense for Policy Paul Wolfowitz. House of Armed Services Committee. Washington D.C. March 20, 1991.

21. US Department of Defense, "Directive Number 3000.05," Washington, D.C., 28 November 2005.
22. US Joint Chiefs of Staff, Joint Doctrine Encyclopedia, 16 July 1997.
23. US Marine Corps, Small Wars Manual, Washington: USMC, 1990.

Книги и монографии на русском языке

1. Актуальные проблемы американистики: Материалы девятого международного научного семинара «Меняющаяся роль государства и международных организаций в современном мире» 30-31 мая 2003 г., Нижний Новгород / Под общей редакцией академика О. Колобова. Нижний Новгород: ФМО ННГУ, 2003.
2. Анненков В., Кононов Л. Россия и ядерный мир: аспекты национальной безопасности. М., ДА МИД России, 2004.
3. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений: Избр. труды. В 3-х томах / ДА МИД России. М.: Научная книга, 2002.
4. Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005.
5. Братерский М. США и проблемные страны Азии: обоснование, выработка и реализация политики в 1990-2005 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 2005.
6. Геловани В., Пионтковский А. Эволюция концепций стратегической стабильности: ядерное оружие в XX и XXI вв. М.: Пабли, 1997.
7. Кейган Р. О рае и силе. Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.
8. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М., Ладомир, 2002.
9. Клаузевиц К. О войне. М., Московский рабочий, 1990.
10. Кокошин А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., Росспэн, 2003.
11. Кокошин А., Веселов В., Лисс А. Сдерживание во втором ядерном веке. М., 2001.
12. Котляр В. Развитие стратегических концепций США и НАТО после 11 сентября 2001 г. М.: Научная книга, 2003.
13. Корниенко Г. Холодная война, М., Международные отношения, 1995.
14. Корсаков Г. Реформирование вооруженных сил США, М., ИМЭМО, 2006.
15. Ли В. Теория международного прогнозирования. М.: Научная книга, 2002.
16. Плэтт В. Стратегическая разведка. Основные принципы. М., 1997.
17. Примаков Е. Мир после 11 сентября. М., Мысль, 2002.
18. Рыхтик М. Безопасность Соединенных Штатов Америки: история, теория и политическая практика. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 2004.
19. Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002.
20. Уткин А. Единственная сверхдержава, М.: Алгоритм, 2003.
21. Уткин А. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001.
22. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
23. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., ИРИСЭН, 2007.

Статьи и доклады на русском языке

1. Арбатов А. Тонкий политический инструмент // Независимое военное обозрение, 2003. №43.
2. Бабуркин С. Использование силы во внешней политике США: эволюция официальной концепции после «холодной войны» // Материалы международной конференции «США на пороге XXI века». М.: МГУ, 1996.
3. Бажанов Е. Глобализующийся мир остается многополюсным // Независимая газета, 2003. 24 июня.
4. Баталов Э., Кременюк В. Россия и США: соперники или соратники // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2002. №6.

5. Блинов А. Нестабильное партнерство Москвы и Вашингтона // Независимая газета, 2006. 31 мая.
6. Богатуров А. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике, 2004. №6.
7. Братерский М. Политика США в отношении стран «оси зла». // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2003. №4.
8. Братерский М. Политика США в Средней Азии: итоги десятилетия // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2002. №9.
9. Брезкун С. Подкоп под стратегическую стабильность. Военно-промышленный курьер, 2004. 30 декабря.
10. Бут М. Борьба за трансформацию военной сферы // Россия в глобальной политике, 2005. №3. Май-июнь.
11. Владимиров А. О национальной стратегической культуре и национальной стратегии России // Маркетинг и Консалтинг, 2004. 28 апреля.
12. Давыдов Ю. Стратегические культуры США и Европы // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2006. №3.
13. Жинкина И. Военное превосходство США и национальная безопасность // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2003. №1.
14. Жинкина И. Стратегическое мышление США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2002. №3.
15. Задохин А. Америка — новая Римская империя? // Обозреватель — Observer, 2003. №4.
16. Задохин А. Америка в зеркале русского сознания // Обозреватель — Observer, 2001. №9.
17. Иванов О. Американская стратегическая культура // Обозреватель — Observer, 2007. №1.
18. Иванов О. От доктрины Пауэлла к закону Рамсфелда // Независимое военное обозрение, 2003. №18.
19. Иванов О. Пикантная ошибка // Независимое военное обозрение. 2004. №8.
20. Киссинджер Г. Восток есть Восток // Итоги, 2001. 17 апреля
21. Коробушин В. Метаморфозы ядерного сдерживания // Независимое военное обозрение, 2005. 15 апреля.
22. Корсаков Г. О ядерной доктрине США // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. №11, 2006.
23. Кременюк В. Две модели отношений США с окружающим миром: «заботливый отец» или «суровый шериф» // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. №11, 2004.
24. Лавров С. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы // Дипломатический ежегодник-2005. М.: Научная книга, 2006.
25. Либер К. Пресс Д. Рост ядерного превосходства США // Foreign Affairs, 2006. May / Опубликовано на сайте: <http://www.inosmi.ru/translation/227155.html>
26. Олегин А. Сатаров В. США: ставка на абсолютное превосходство // Отечественные записки, 2005. №5.
27. Печатнов В. Возвращение в Фултон // Россия в глобальной политике, 2006. №2.
28. Рогов С. Вторая администрация Джорджа Буша-младшего // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2006. №2.
29. Рогов С. Вторая администрация Джорджа Буша-младшего // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2006. №3.
30. Рогов С. Победа президента Буша на промежуточных выборах // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2003. №1.
31. Рябихин Л., Задохин А., Цыкало В. Пересмотр концепции и основные направления оборонной политики США // Рабочие тетради кафедры внешней политики и международных отношений ДА МИД России. М., ДА МИД России, 2002.
32. Соловьев В. Матрешки в боксерских перчатках // Независимое военное обозрение, 2005. №6.
33. Стивенсон Дж. Стратегия сдерживания и профилактики терроризма // Международные процессы, 2005. Т.3. Сентябрь — декабрь.

34. Флейтон Л. Как Буш-младший научился любить Бомбу // Spiegel. 2005. 1 апреля. Опубликовано на сайте: <http://www.inosmi.ru/translation/218545.html>.
35. Шаклеина Т. Российско-американские отношения: от иллюзии партнерства к реальности взаимодействия // США и Канада. Политика. Экономика. Культура, 2004. №12.
36. Шаклеина Т. Стратегия прогресса или стратегия войны (размышления о состоянии американской внешнеполитической мысли) // США и Канада. Политика. Экономика. Культура. 2006. №1.

Книги и монографии на английском языке

1. Allison G. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little, Brown, 1971.
2. Almond G. and Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Boston: Little, Brown, 1965.
3. *American Defense Policy*, edited by Hays P., Vallance B., Tassel A., The John Hopkins University Press, 1997.
4. Arquilla J., Davis P., *Modeling Decisionmaking of Potential Proliferators Strategies*. Santa Monica, RAND. National Security Research Division. 1994.
5. Axelrod R. *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*, Princeton, 1976.
6. *Behavior, Society and Nuclear War*, editors Tetlock P., Husbands J., Jervis R., Stern P., Tilly C., Oxford University Press, Vol. I, 1989.
7. Black J. *War in the New Century*, London, Continuum, 2001.
8. Booth K. *Strategy and Ethnocentrism*, New York: Holmes & Meier Publishers, Inc., 1979.
9. Brodie B. *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order*. Harcourt Brace. New York, 1946.
10. Bundy M. *Strategic Deterrence Thirty Years Later: What Has Changed?* In Christoph Bertram, ed. *The Future of Strategic Deterrence.*, Hamden, Connecticut: Archon Books. 1981.
11. Cimbala S. *Strategy After Deterrence*. New York, Praeger, 1991.
12. Craig G. and George A. *Force and Statecraft*. Oxford University Press. 1995.
13. Duffield J. *World Power Forsaken: Political Culture, International Institutions, and German Security Policy After Unification*, Stanford, Calif.: Stanford, University Press, 1999.
14. Eccles H. *Military Power in a Free Society*, Newport, R.I.: Naval War College Press, 1979.
15. Farrell T. and Terriif T. *The Sources of Military Change. Culture, Politics, Technology*, Boulder, CO: Lynne Rienner, 2001.
16. Freedman L. *Does Deterrence Have a Future?* // *Future Roles Serious Papers* №5, Sandia National Laboratories, New Mexico, 1996.
17. George A. and Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, Mass.: MIT Press, BSCIA Studies in International Security, 2005.
18. George A. and Bennett A. *Case Studies and Theory Development in the Social Sciences*, Cambridge, Mass.: MIT Press, BSCIA Studies in International Security, 2005.
19. George A. and Smoke R. *Deterrence in American Foreign Policy: Theory and Practice*. Columbia University Press, N.Y. 1974.
20. Green P. *Deadly Logic: Theory of Nuclear Deterrence*. The Mershon Center, Ohio State University Press. 1996.
21. Haffa R. *The Future of Conventional Deterrence: Strategies and Forces to Underwrite a New World Order*. In *Conventional Forces and the Future of Deterrence*, edited by Guertner G., Haffa R., Quester G. Carlisle Barracks, Pa.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1992.
22. Hastedt G. *American Foreign Policy*, Prentice-Hall, New Jersey, 1997.
23. Huntington S. *The Clash of Civilizations: Remaking of World Order*, New York: Touchstone Books, 1997.
24. Huntington S. *The Goals of Development. Understanding Political Development: An Analytical Study*, Boston: Little, Brown, 1987.
25. *International Politics: Enduring Concepts and Contemporary Issues*, HarperCollins College Publishers, NY, 1996.

26. Jablonsky D. Strategic Rationality Is Not Enough: Hitler and the Concept of Crazy States // Carlisle Barracks, Pa., Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 1991.
27. Johnsen W. The Future Roles of U.S. Military Power and Their Implications, U.S. Army War College, 1997.
28. Johnston A. Cultural Realism, Princeton University Press, 1998.
29. Jordan A., Taylor W., and Korb L. American National Security. Policy and Process, The Johns Hopkins University Press, 1993.
30. Kagan D. On The Origins of Cold War, New York, Doubleday, 1995.
31. Kaldor M. Rethinking Cold War History, London: Harper Collins Academic, 1991.
32. Kissinger H. Years of Upheaval, Boston: Little Brown & Co., 1982.
33. Martel W. Deterrence and Alternative Images of Nuclear Possession. In T.V. Harknett P. & Wirtz J. ed. The Absolute Weapons Revisited: Nuclear Arms and the Emerging International Order. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1998.
34. Maxwell S. Rationality in Deterrence, Adelphi Papers, №50. Institute for Strategic Studies, London. 1968.
35. Metz S. American Strategy: Issues and Alternatives for the Quadrennial Defense Review, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2000.
36. Metz S., Millen R. Future War/Future Battlespace: the Strategic Role of American Landpower, U.S. Army War College, Strategic Studies Institute, March 2003.
37. Mlyn E. U.S. Nuclear Policy and the End of the Cold War, in T.V. Paul, Harknet R. and Wirtz J., eds, The Absolute Weapon Revisited: Nuclear Arms and the Emerging International Order. Ann Arbor, the University of Michigan. 1998.
38. Morgan P. Deterrence Now, Cambridge University Press, 2003.
39. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. Revised by Kenneth W. Thompson. New York.: Knopf. 1985.
40. Morgenthau H. Truth and Power. N.Y., 1970.
41. Murden S. Culture in World Affairs, in John Baylis and Steve Smith, eds., *The Globalization of World Politics*, third edition, Oxford: Oxford University Press, 2005.
42. Neack L., Hey J., Haney P. Foreign Policy Analysis. Continuity and Change in Its Second Generation. Prentice Hall, Englewood Cliffs, New Jersey 076332, 1995.
43. Nitze P. On the Road to a More Stable Peace, in P Edward Haley & Jack Meritt, eds. The Strategic Defense Initiative, Folly or Future? Boulder, CO: Westview Press, 1986.
44. Nuclear Deterrence and Defense: Strategic Considerations. INSS Book Serious, February 2001, INSS US Air Force Academy, Colorado Springs, February 2001.
45. Payne K. The Fallacies of Cold War Deterrence and a New Direction, The University Press of Kentucky, 2001.
46. Rosecrance R. Strategic Deterrence Reconsidered in Bertram C. ed. Strategic Deterrence In A Changing Environment, New Jersey: Allenheld, Osmun & Company Publishers, 1986.
47. Schelling T. Arms and Influence. Yale University Press, 1966.
48. Searching for National Security in an NBC World. Edited by J.Smith. INSS Book Serious, July 2000. INSS US Air Force Academy, Colorado Springs, 2000.
49. Shulsky A. Deterrence Theory and Chinese Behavior, RAND, 2000.
50. Smoke R. National Security and the Nuclear Dilemma. An introduction to the American Experience in the Cold War. McGraw-Hill, Inc. 1993.
51. Snyder G. Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security. Princeton University Press, Princeton, 1961.
52. Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options*, Santa Monica, Calif. Rand Corporation, R-2154-AF, 1977.
53. The Cold War and After, Edited by S. Lynn-Jones and S. Miller, The MIT Press, Cambridge, 1994.
54. The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy, National Academy Press, Washington, D.C. 1997.
55. Vertzberger Y. Risk Taking and Decisionmaking: Foreign Military Intervention Decisions, Stanford: Stanford University Press, 1998.
56. Waltz K. The Spread of Nuclear Weapons: More May Better, Adelphi Papers, Number 171, London: International Institute for Strategic Studies, 1981.
57. Watman K. & Wilkening D. U.S. Regional Deterrence Strategies. Santa Monica, RAND, Arroyo Center, 1994.

Статьи и доклады на английском языке

1. Almog D. Cumulative Deterrence and the War on Terrorism // *Parameters*. Winter 2004-05.
2. Aylwin-Foster N. Changing the Army for Counterinsurgency Operations // *Military Review*, November-December 2005.
3. Becker M. Strategic Culture and Ballistic Missile Defense // *Aerospace Power Journal*, Special Edition, 1994.
4. Betts R. Is Strategy an Illusion? // *International Security*, Vol. 25, №2, 2000.
5. Betts R. What Will It Take to Deter the United States? // *Parameters*, Winter 1995.
6. Blechman B., Wittes T. Defining Moment: The Threat and Use of Force in American Foreign Policy // *Political Science Quarterly*, Vol. 114, №1, 1999.
7. Buchanan R. Presentation to CSIS Extended Conventional deterrence Working Group, Washington D.C., December 6, 1993.
8. Bunn E. Sokolsky R. The U.S. Strategic Posture Review: Issues for the New Administration, *Strategic Forum*, № 177, February 2001.
9. Calvert J. The Mythic Foundations of Radical Islam // *Orbis*, Winter, 2004.
10. Casebeer W. The Importance of Treating Culture as a System: Lessons on Counter-Insurgency Strategy from the British Iraqi Mandate // *Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.
11. Conference Report, Center for Contemporary Conflict, U.S. Naval Postgraduate School, September 21-22, 2005.
12. Cordesman A., Frederiksen P., America's Uncertain Approach to Strategy and Force Planning, Center for Strategic and International Studies, 5 July 2006.
13. Crider K. The Strategic Implications of Culture: A Historical Analysis of China's Culture and Implications for US Policy, Air Command and Staff College, Maxwell Air Force Base, Alabama, April 1999.
14. Daalder I. Lindsay J. From Bush's Foreign Policy Revolution: A Radical Change // *Minneapolis-St. Paul Star Tribune*, September 26, 2004.
15. Daalder I., O'Hanlon M. Unlearning The Lessons Of Kosovo // *Foreign Policy*, Fall 1999.
16. Desch M. Culture Clash // *International Security*, Vol. 23, №1, Summer, 1998.
17. Detering Regional Aggression in the Post-Cold War Era, Rand Research, 1995. <http://www.rand.org/publications/RB/RB25/rb25.html>
18. Dobbins J. A perilous dialogue of pessimists // *The Financial Times*, February 4, 2004.
19. Downey F. and Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // *Parameters*, September, 1988.
20. Downey F. and Metz S. The American Political Culture and Strategic Planning // *Parameters*, September, 1988.
21. Duffield J., Farrel T., Price R., Desch M., Correspondence. Isms and Schisms: Culturalism versus Realism in Security Studies // *International Security*, Vol. 24, №1, Summer, 1999.
22. Flournoy M., Implications for U.S. Military Strategy, и Zelikow P., Offensive Military Options, In *New Nuclear Nations: Consequences for U.S. Policy*, edited by Blackwill R. and Carnesale A., New York, Council on Foreign Relations, 1993.
23. The Future of American Military Strategy a Conference Report, Foreign Policy Research Institute, February 3, 2006.
24. Garamone J. Rumsfeld Speaks on Process Behind Budget, QDR, American Forces Press Service, Washington, Feb.7, 2006.
25. Goure D. Nuclear Deterrence, Then and Now // *Policy Review*, Hoover Institute, №116, 2005.
26. Gray C. Comparative Strategic Culture // *Parameters*, Winter 1984.
27. Gray C. How Has War Changed Since the End of the Cold War? // *Parameters*, Spring 2005.
28. Gray C. Stability Operations in Strategic Perspective: A Skeptical View // *Parameters*, Summer 2006.
29. Gray C. What Rand Hath Wrought // *Foreign Policy*, № 4, Fall, 1971.
30. Gray C. National Style in Strategy: The American Example // *International Security* 6, № 2, Fall, 1981.

31. Howlett D. Strategic Culture: Reviewing Recent Literature // *Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.
32. Huth P. and Russett B. General Deterrence between Enduring Rivals: Testing Three Competing Models // *American Political Science Review*, №87, March 1993.
33. Intelligence abuse is a dangerous game, *The Financial Times*, January 9, 2004, сайт inosmi.ru: 09 января 2004.
34. Johnston A. Thinking About Strategic Culture // *International Security*, Vol. 19, №4, Spring, 1995.
35. Jones R. *Nuclear Deterrence: A Short Political Analysis*. Routledge & Kegan Paul. London, 1968.
36. Kagan F. The U.S. Military's Manpower Crisis // *Foreign Affairs*, July/August 2006.
37. Kessler G. and Graham B. Diplomats Will Be Shifted to Hot Spots // *Washington Post*, January 19, 2006.
38. Khan F. Comparative Strategic Culture: The Case of Pakistan // *Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.
39. Kissinger H. American strategy and pre-emptive war // *International Herald Tribune*, April 13, 2006.
40. Kissinger H. Anatomy of a partnership // *International Herald Tribune*, March 10, 2006.
41. Kissinger H. Withdrawal is not an option // *Tribune Media Services*, January 18, 2007.
42. Klare M. The Clinton Doctrine // *The Nation*, April 19, 1999.
43. Lantis J. Strategic Culture: From Clausewitz to Constructivism // *Strategic Insights*, Naval Postgraduate School, CA, Vol. IV, Issue 10, October 2005.
44. Lavoy P. Pakistan's Strategic Culture: A Theoretical Excursion // *Strategic Insights*, Vol. IV, Issue 10, October 2005.
45. Lieber K. and Press D. The End of MAD? // *International Security*, Vol. 30, №4, Spring 2006.
46. Mahnken T., *The Arrow and the Shield: U.S. Responses to Ballistic Missile Proliferation* // *Washington Quarterly*, №14, Winter, 1991.
47. Manning R. The Nuclear Age: The Next Chapter, *Foreign Policy*, №109, Winter 1997-1998.
48. Melillo M. Outfitting a Big-War Military with Small-War Capabilities // *Parameters*, Autumn 2006.
49. Monten J. The Roots of the Bush Doctrine // *International Security*, Vol. 29, Spring, 2005.
50. Nitze P. Is It Time to Junk Our Nukes? // *Washington Post*, January 16, 1994.
51. Noonan M. The Future of American Military Strategy A Conference Report, February 3, 2006. <http://www.fpri.org/enotes/20060203.military.noonan.futureamerican-militarystrategy.html>
52. O'Hanlon M., Rice S. and Steinberg J. From The New National Security Strategy and Preemption // *Policy Brief* № 113, The Brookings Institution, 2002.
53. Pipes R. Why the Soviet Union Thinks It Could Fight and Win a Nuclear War // *Commentary*, Vol.64, №1, July 1977.
54. Rhinne R. Deterrence and the Nuclear Weapons Complex, Draft for Comment, Sandia National Laboratories, Livermore, CA, April 18, 2000.
55. Ricks T. Lessons Learned in Iraq Show Up in Army Classes Culture Shifts to Counterinsurgency // *Washington Post*, January 21, 2006.
56. Ricks T. U.S. Counterinsurgency Academy Giving Officers a New Mind-Set // *Washington Post*, February 21, 2006.
57. Rosen S. Military Effectiveness: Why Society Matters // *International Security* Vol.19, №4, Spring, 1995.
58. Ross R. Navigating the Taiwan Strait // *International Security*, № 27, 2002.
59. Rumsfeld D. Transforming the Military // *Foreign Affairs*, May/June, 2002.
60. Scott S. The Origins of the Pacific War // *Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 18, № 4, Spring 1988.
61. Trahan J. The Influence of Culture on Post Cold War Military Operations: An Examination of the Need for Cultural Literacy, 1995. <http://www.globalsecurity.org/military/library/report/1995/TJR.htm>
62. Yost D. New Western Approaches to Deterrence // *International Affairs*, January 2005.

